

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ISSN 2500-2783 (online)

**Серия «Естественные,
общественные науки»**

2023

Выпуск 1

ISSN 2500-2783 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

2023. Вып. 1

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации
27.05.2016 г. как электронное сетевое издание

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров**, д-р экон. наук
(*председатель*)
- В. И. Назаров**, д-р психол. наук
(*зам. председателя*)
- К. Я. Авербух**, д-р филол. наук (Москва)
- Ю. М. Воронов**, д-р полит. наук
- Н. В. Усольцева**, д-р хим. наук
- Ю. М. Резник**, д-р филос. наук (Москва)
- О. А. Хасбулатова**, д-р ист. наук
- Л. В. Михеева**
(*ответственный секретарь*)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»:

- Б. Я. Солон**, д-р физ.-мат. наук
(*главный редактор серии*)
- Е. Л. Поцелуев**, канд. ист. наук
(*ответственный редактор выпуска*)
- В. И. Назаров**, д-р психол. наук
- Т. А. Воронова**, канд. пед. наук
- М. В. Клюев**, д-р хим. наук
- В. А. Исаев**, д-р биол. наук
- Д. И. Молдаванский**, д-р физ.-мат. наук
- Е. В. Соколов**, канд. физ.-мат. наук
- В. А. Годлевский**, д-р техн. наук
- Л. И. Минеев**, канд. физ.-мат. наук
- О. В. Кузьмина**, канд. юрид. наук
- Д. В. Кареев**, канд. ист. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2023

ISSN 2500-2783 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «Natural, Social Sciences»

2023. Issue 1

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered at the National ISSN Agency of the Russian Federation
on 27.05.2016 as an electronic online publication

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics
(Chairman)
- V. I. Nazarov*, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
- K. Ya. Averbukh*, Doctor of Philology
(Moscow)
- Yu. M. Voronov*, Doctor of Politics
- N. V. Usoltseva*, Doctor of Chemistry
- Yu. M. Reznik*, Doctor of Philosophy
(Moscow)
- O. A. Khasbulatova*, Doctor of History
- L. V. Mikheeva* (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

«NATURAL, SOCIAL SCIENCES»:

- B. Ya. Solon*, Doctor of Physics
and Mathematics
(Chief Editor of the Series)
- E. L. Potseluev*, Candidate of Science, History
(Editor-in-Chief of the Issue)
- V. I. Nazarov*, Doctor of Psychology
- T. A. Voronova*, Candidate of Science,
Pedagogy
- M. V. Klyuev*, Doctor of Chemistry
- V. A. Isaev*, Doctor of Biology
- D. I. Moldavansky*, Doctor of Physics
and Mathematics
- E. V. Sokolov*, Candidate of Science,
Physics and Mathematics
- V. A. Godlevsky*, Doctor of Technical Science
- L. I. Mineev*, Candidate of Technical Science
- O. V. Kuzmina*, Candidate of Science, Law
- D. V. Kareev*, Candidate of Science, History

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region, Ivanovo,
Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю (Е. Л. Поцелуев) 5

РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В ИЗГНАНИИ (первая половина XX века)

Актуальность темы и историография проблемы

Поцелуев Е. Л. Философия государства русского зарубежья в первой половине XX века: актуальность темы и некоторые вопросы историографии проблемы 7

Источники права

Спирин М. Ю. Концепт источника права с позиций представителей русской философско-правовой эмиграции I половины XX века (П. Г. Виноградов, Д. Д. Гримм, Л. И. Петражицкий) 21

Петербургская школа философии права

Мурунова А. В. От психологической теории права Л. И. Петражицкого к ментальному подходу 29

Краевский А. А. Государство в правовом учении П. А. Сорокина 34

Мачин И. Ф. Г. К. Гинс: правовой и политический анализ 20—40-х годов XX века 41

Концепция евразийства и аксиология права

Королев С. В. Русское евразийство и немецкая геополитика в контексте теории государства 47

Пронин П. А. Концепция евразийства в трудах русских философов права в изгнании: развитие и критика 54

Скоробогатов А. В. Аксиологический аспект философии права Н. Н. Алексеева 62

Учение И. А. Ильина о праве

Коваль С. П. Эволюция конституционно-правовых взглядов И. А. Ильина 70

Стабровский Е. И. Возрожденное правосознание: учение И. А. Ильина и антрополого-правовой подход 79

Жуков С. М. Научное наследие И. А. Ильина и развитие им концепции естественного права 86

Государственно-правовая концепция Н. А. Бердяева

Скотникова М. М. Философия государства и права Н. А. Бердяева в эмиграции 91

Юбилей

Доценту Е. Л. Поцелуеву — 65 лет (О. В. Кузьмина, О. В. Соколова) 98

*Информация для авторов журнала
«Вестник Ивановского государственного университета»* 105

CONTENTS

A word to the reader (E. L. Potseluev) 5

**RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW IN EXILE
(first half of the 20th century)**

Topicality of the subject and historiography of the problem

Potseluev E. L. Russian emigrants' studies into philosophy of state in the first half of the 20th century: topicality of the subject and some issues of its historiography 7

Sources of law

Spirin M. Yu. The concept of a source of law from the position of representatives of the Russian philosophical and legal emigration in the 1st half of the 20th century (P. G. Vinogradov, D. D. Grimm, L. I. Petrazhitskiy) 21

The St. Petersburg school of philosophy of law

Murunova A. V. From the psychological theory of law of L. I. Petrazhitskiy to the mental approach 29

Kraevsky A. A. State in P. A. Sorokin's legal theory 34

Machin I. F. G. C. Guins: legal and political analysis of the 20—40s of the 20th century 41

The concept of Eurasianism and axiology of law

Korolev S. V. The Russian Eurasian ideology and the German geopolitics in the context of the theory of the state 47

Pronin P. A. The concept of Eurasianism in the works of Russian philosophers of law in exile: development and criticism 54

Skorobogatov A. V. Axiological aspect of the philosophy of law of N. N. Alekseev 62

Legal teaching of Ivan Ilin

Koval S. P. Evolution of constitutional and legal views of I. A. Ilyin 70

Stabrovsky E. I. Revived legal consciousness: teaching of I. A. Ilyin and anthropological and legal approach 79

Zhukov S. M. I. A. Ilyin's scientific heritage and his development of the concept of natural law 86

Nikolai Berdyaev's concept of state and law

Skotnikova M. M. Philosophy of state and law of N. A. Berdyaev in immigration 91

Jubilee

Associate Professor E. L. Potseluev has turned — 65
(O. V. Kuzmina, O. V. Sokolova) 98

Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin» 105

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемые читатели!

Предлагаемый вашему вниманию выпуск журнала подготовлен по итогам XVI Международной научной конференции «Российская философия права в изгнании (первая половина XX века)», состоявшейся 21—24 сентября 2022 года в ИвГУ. Осенью минувшего года исполнилось 100 лет трагическому событию – высылке из Советской России многих выдающихся деятелей отечественной философии, культуры и науки, ее элиты. Эта масштабная операция вошла в историю как «Философский пароход». Часть ученых, профессуры, в том числе выдающихся юристов (например, Л. И. Петражицкий), эмигрировали самостоятельно.

Тема конференции заинтересовала как российских, так и зарубежных (из Республик Беларусь и Казахстан) исследователей, которые прислали на нее свои заявки. Председателем организационного и программного комитетов, модератором конференции был доцент Е. Л. Поцелуев. В ней приняли участие ученые из академий и университетов Воронежа, Иванова, Казани, Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Санкт-Петербурга и Минска, а также лучшие студенты юридического факультета ИвГУ. Так, среди докладчиков были такие известные в нашей стране и за рубежом ученые, как М. В. Антонов (НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург), М. А. Беляев (Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина), С. В. Королев (Институт государства и права РАН, г. Москва), А. М. Михайлов (Московский государственный институт международных отношений), И. Ф. Мачин (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), В. И. Павлов (Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск), Е. В. Тимошина (Санкт-Петербургский государственный университет), Е. А. Фролова (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) и др.

Большинство докладчиков представили тексты своих выступлений в форме статей для публикации. Авторы публикаций — кандидаты исторических, философских и юридических наук, доктора исторических и юридических наук, представляющие не только юридический факультет ИвГУ, но и Институт государства и права РАН, Юридический институт Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королева, юридические факультеты Национального Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Санкт-Петербургского государственного университета, МГУ им. М. В. Ломоносова, а также Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, Государственного университета по землеустройству (Москва) и Академию Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск). Среди авторов и лучшие студенты юридического факультета ИвГУ, уже имеющие в своем активе публикации в научных изданиях, вышедших в Иванове, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге.

В разделе «Актуальность темы и историография проблемы» представлена статья Е. Л. Поцелуева «Философия государства русского зарубежья в первой половине XX века: актуальность темы и некоторые вопросы историографии проблемы». Далее идет рубрика «Источники права», в которой также всего одна статья — «Концепт источника права с позиций представителей

русской философско-правовой эмиграции I половины XX века (П. Г. Виноградов, Д. Д. Grimm, Л. И. Петражицкий)». Автор — М. Ю. Спиринов. Раздел «Петербургская школа философии права» представлен текстами трех ученых: А. В. Муруновой «От психологической теории права Л. И. Петражицкого к ментальному подходу», А. А. Краевского «Государство в правовом учении П. А. Сорокина» и И. Ф. Мачина «Г. К. Гинс: правовой и политический анализ 20—40-х годов XX века». Доктор юридических наук, профессор, автор коммуникативной теории права А. В. Поляков называет Л. И. Петражицкого «гениальным петербургским ученым начала XX века», который вместе со своими учениками и последователями (П. А. Сорокин, Н. С. Тимашев, Г. Д. Гурвич, М. Я. Лазерсон, Г. К. Гинс и другие выдающиеся философы права, социологи и правоведы) внес «существенный вклад в развитие современной юридической науки». Неслучайно 26 октября 2013 г. на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета прошла Международная научная конференция «Санкт-Петербургская школа философии права и современная юриспруденция», а 14—15 декабря 2017 г. Международная научная конференция «Творческое наследие Л. И. Петражицкого: история и современность (К 150-летию со дня рождения)», на которой выступал и автор данного материала и в журнале «Известия вузов. Правоведение» (2017. № 6) опубликовал статью по теме своего доклада «Взгляды Н. М. Коркунова, Л. И. Петражицкого и П. А. Сорокина на правонарушение во второй половине XIX — начале XX в.». Тему следующего раздела «Концепция евразийства и аксиология права» отражают статьи С. В. Королева, П. А. Пронина и А. В. Скоробогатова. Идеи евразийства востребованы не только в нашей стране, но и отчасти — в ближнем зарубежье, причем не только научной общественностью (философами, политологами, юристами и др.), но и политиками. Не утихает интерес как состоявшихся исследователей, так и начинающих к идейно-теоретическому наследию И. А. Ильина. Об этом свидетельствует рубрика «Учение И. А. Ильина о праве», которая включает в себя три статьи — С. П. Ковалева, Е. И. Стабровского и С. М. Жукова. И заключительная часть номера — это раздел «Государственно-правовая концепция Н. А. Бердяева», представленный публикацией М. М. Скотниковой «Философия государства и права Н. А. Бердяева в эмиграции».

Мы полагаем, что этот выпуск журнала будет полезен студентам, аспирантам, преподавателям, научным работникам различных областей знания — философам, историкам, политологам, социологам и в первую очередь юристам при изучении «Истории политических и правовых учений», а также «Теории государства и права» и отчасти «Истории государства и права России». Изучение наследия отечественных мыслителей, сформировавшихся в дореволюционной России и оказавшихся на чужбине (в основном на Западе), позволит укрепить прерванную во многом в советское время связь и преемственность различных поколений исследователей, обратиться к духовному наследию, богатству нашей страны. И настоящее издание вносит свою скромную лепту в это великое дело!

*Е. Л. Поцелуев, ответственный редактор выпуска,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства
и права юридического факультета ИвГУ*

РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В ИЗГНАНИИ

(первая половина XX века)

Актуальность темы и историография проблемы

RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW IN EXILE (first half of the 20th century)

Topicality of the subject and historiography
of the problem

УДК 340(091).083

Е. Л. Поцелуев

ФИЛОСОФИЯ ГОСУДАРСТВА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье доказывается актуальность и важность изучения идейно-теоретического наследия выдающихся отечественных юристов, философов, философов права, оказавшихся после прихода к власти большевиков и установления Советской власти в эмиграции, изгнании. Речь идет о таких ученых, как Н. Н. Алексеев, Б. А. Кистяковский, И. А. Ильин, Л. И. Петражицкий, С. Л. Франк и др. Автор показывает степень научной разработанности избранной им проблемы: востребованность, интерес к трудам отечественных мыслителей, как и их современников, так и в особенности — молодых и маститых исследователей (юристов, философов, историков, политологов и др.) Российской Федерации. Предпринята попытка комплексного анализа государственно-правового наследия мыслителей Русского зарубежья. На основе авторефератов кандидатских и докторских диссертаций, научных статей, монографий и другой научной литературы, изданной в 90-е годы XX — первой четверти XXI веков, в заключительной части работы сделаны выводы по теме исследования.

Ключевые слова: русские послереволюционные эмигранты-правоведы, современная российская историография философии государства.

Е. Л. Potseluev

RUSSIAN EMIGRANTS' STUDIES INTO PHILOSOPHY OF STATE IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY: TOPICALITY OF THE SUBJECT AND SOME ISSUES OF ITS HISTORIOGRAPHY

Abstract. Significance and topicality of studies into theoretical heritage of outstanding Russian legal philosophers who left or were exiled from Russia after the Bolsheviks took power is stressed. Particularly the paper deals with scholars like N. Alekseev, B. Kistiakovsky, I. Il'in, L. Petrazhitsky, S. Frank and some others.

© Поцелуев Е. Л., 2023

2023. Вып. 1 •

The author studies level of research progress of the topic selected, as well as an interest to the matter shown now in Russia by both young and grown scholars — legal experts, philosophers, historians, political scientists. An attempt is presented at a complex study into state-legal heritage of Russian émigré thinkers. Conclusions in the final section of the paper are drawn on the basis of exploring some PhD abstracts, as well as scholarly articles, monographs and other scientific stuff published between 1990s and 2020s.

Key words: Russian post-1917 émigré legal scholars, present-day Russian historiography of philosophy of state.

Актуальность темы исследования

«Обсуждение путей дальнейшего развития России, путей модернизации российской политической и правовой системы, а также российского правоведения в значительной мере объясняет и заметно возросший в последние годы интерес в научных и общественно-политических кругах к идеям и концепциям, наработанным в русской дореволюционной и послереволюционной (немарксистской) философско-правовой мысли», — пишет еще в 1999 г. А. Н. Окара [31, с. 3]. Эти мысли, на наш взгляд, звучат свежо и злободневно. Возможно, следует уточнить, что в нашем веке представители правящего класса больше и чаще обращались к наследию консервативной юридической мысли.

Далее А. Н. Окара называет перечень ученых: П. И. Новгородцев, И. В. Михайловский, А. С. Яценко, Ф. В. Тарановский, Б. А. Кистяковский, Л. И. Петражицкий, С. Л. Франк, П. А. Сорокин, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, Н. Н. Алексеев в трудах которых «в последнее время часто ищут ответы на многие актуальные практические и общетеоретические проблемы современности» [31, с. 3]. Все или практически все названные мыслители оказались по своей или чужой воле (Советской власти) за пределами своей страны...

А. Э. Черноков в 2002 г. также полагает, что «вопросы, затрагиваемые представителями отечественной политико-правовой мысли начала XX века и первых десятилетий эмиграции, остаются актуальными и в наше время. Свой тезис он аргументирует тем, что анализ «существовавших концепций должно помочь при определении направлений развития страны» [49, с. 3].

В XXI веке правящей элите РФ, ряду отечественных ученых, в том числе и юристов, стало предельно ясно, что далеко не все западные ценности (гей-парады, однополые браки, третий пол, несколько десятков гендеров, безбрежная религиозная свобода и наличие, например, Церкви Сатаны и т. п.) нам нужны, что часть из них противоречит нашим традиционным ценностям, традициям, закрепленным в современном российском праве, в том числе в поправках в Конституции страны.

Отечественные исследователи столкнулись с необходимостью поиска собственных теоретических моделей преобразования государства, учитывающих особенности исторических, экономических и политических условий России. Об этом, на наш взгляд, проницательно, пишет еще в 2006 г. Е. М. Горячева [14, с. 3]. Примерно в этом же ключе рассуждает в 2010 г. М. А. Дубинина, которая пишет, что безоговорочное заимствование опыта «западной» и «восточной» цивилизаций для «решения отечественных

проблем, недостаточно». Поэтому и происходит обращение к наследию российской «философской, политико-правовой мысли, которая вобрала в себя как достижения мировой науки и практики», так и понимание своеобразия отечественной политико-правовой культуры. И далее она верно отмечает, что «одной из наиболее оригинальных и исторически выверенных является концепция государства Ивана Александровича Ильина, чье творчество актуально с теоретической и научно-практической точек зрения» [21, с. 3] Л. А. Чикин в примерно в это же время, в 2010 г., по сути, бьет в набат, поскольку в «условиях глобализации под угрозой оказалась национальная и культурная идентичность России, активизировались процессы политико-правового отчуждения граждан». Он предлагает в связи с подобными негативными явлениями обратиться «к отечественной традиции философии права» и прежде всего к концепции правосознания И. А. Ильина», «стремившимся развивать ее на основе национально-культурных традиций и базовых ценностей, сформировавшихся в ходе строительства Российского государства» [53, с. 3].

Очень убедительно, аргументировано, подробно, основательно и конкретно об актуальности идей Л. И. Петражицкого пишет в 2012 г. Е. В. Тимошина: «На его труды ссылались представители возрожденного естественного права Р. Штаммлер и Г. Радбрух, ...; глава социологической (гарвардской) школы права Р. Паунд ... признавался, что он «многому научился у Петражицкого»; идеи ученого обсуждал представитель скандинавского правового реализма К. Оливекрона; аргумент Л. И. Петражицкого о бесконечном регрессе санкций комментировали Г. Кельзен и Г. Харт; представитель естественно-правового подхода Дж. Финнис и автор институциональной теории права Н. Маккормик посвятили памяти правоведа свои публичные лекции (2003). В начале XXI в. в работах Р. Коттерелла, Р. Банакара, А. Тревино, М. Дефлема и др. Л. И. Петражицкий получил признание как классик социологии права» [43, с. 3—4]. Должен заметить, что некоторые ученые критично оценили психологизм права в теории Л. И. Петражицкого [11, с. 47—59].

А. Н. Окара констатирует, что к 1917 году «уровень правовой культуры в Российской империи, правосознания в российском обществе и особенно уровень развития российской юридической науки был достаточно высоким» [31, с. 3]. По поводу правосознания и правовой культуры есть сомнения, поскольку как при таком уровне стали возможна три революции, гражданская война, белый и красный террор? А вот с оценкой отечественной юридической науки мы согласны.

Как известно, в сентябре и октябре 1922 г. из Советской страны выслана часть представителей элиты (все они давали подписку, что если они вернутся, то будут расстреляны), другие сами эмигрировали и в результате «в ряде европейских государств возникло уникальное научное сообщество, известное как русское зарубежье». Есть точка зрения, что в эмиграция оказалась не просто элита, а «цвет отечественной элиты, виднейшие представители русской философской и политической мысли»: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, П. Н. Милуков, П. И. Новгородцев, Ф. А. Степун, П. В. Струве, С. Л. Франк и др. Что и позволило им «выполнить свое предназначение — хранителя русской национальной памяти», «внести существенный вклад в творческое осмысление истоков и сути российской трагедии,

в поиск путей ее преодоления» [23, с. 33]. За границей эти ученые внимательно следили за изменениями на Родине, изучали европейский опыт общественного устройства. Итогом их анализа стали различные концепции, в рамках которых осмысливались перспективы отечественного государства [14, с. 3].

Поскольку эти философы, мыслители, юристы сформировались в Российской империи, то есть в условиях идеологического плюрализма и как следствие многопартийности, научного плюрализма, наличия различных типов правопонимания:

1) юснатурализма (в том числе возрожденного естественного права — Б. Н. Чичерин, В. С. Соловьев, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин и др.);

2) юридического позитивизма (наиболее яркий представитель — Г. Ф. Шершеневич; Д. Д. Grimm, Б. Н. Капустин, Н. К. Ренненкамппф и др.);

3) социологической юриспруденции или социологической школы права (Н. М. Коркунов, С. А. Муромцев, М. М. Ковалевский и др.);

4) интегративной юриспруденции или интегративной теории права (синтетическая теория А. С. Яценко).

Поэтому научное наследие русского зарубежья закономерно отличает «глубина и многогранность подходов». Во-первых, они видели недостатки российского самодержавия. Во-вторых, они отвергли советскую модель государства. В-третьих, они «критически оценили возможность внедрения» в российскую действительность «западноевропейского опыта государственного строительства». В-четвертых, констатируем, что их концепции, конечно, не были востребованы большевиками [14, с. 3].

«Особый интерес к институту государственного устройства и управления возникает в переломные эпохи социального развития, — правильно утверждает А. В. Шишкова. Далее она констатирует усилившиеся в нашей стране начале двадцать первого столетия «внимание к исследованию различных моделей государственности и поиск среди них таких, которые наиболее полно отражают специфику национального менталитета и ориентированы на закрепленные в национальном правосознании духовно-нравственные ценности». На ее взгляд, большой интерес вызывает евразийская национальная идеократическая модель правового государства [58, с. 3].

Об актуальности исследования модели государства, разработанной представителями *евразийства* убедительно, на наш взгляд пишет О. А. Сухорукова. Она отмечает оригинальность концепции (Россия как целостно-культурно-географический мир — Евразия), создание ими формулы государственного устройства России, «попытались создать новую методологию по определению сущности государственной природы и ее производных (нации, национальной идеи, организации системы власти)» [42, с. 3].

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра социо-культурного анализа Института стратегических исследований Республики Башкортостан А. Т. Бердин отмечает в 2015 г. возрождение евразийства и называет несколько причин подобного феномена. «Распространено мнение, что современный духовный и социокультурный кризис в России аналогичен кризису 1917 г., является в идейно-идентификационном смысле его продолжением. Отсюда возникает потребность обратиться к не исчерпавшим себя идеям начала XX в., на новом научном уровне» [3, с. 50].

Заслуживает внимания и поддержки мысль И. В. Борщ, что правовые теории Русского Зарубежья имеют для современных российских ученых «особую ценность, так как их авторы имели опыт социалистической революции,

которого не было у западных правоведов, и в то же время они могли оценивать правовые преобразования в СССР со стороны и создавать свои концепции постсоциалистического общества, что было затруднительно для советских правоведов того же времени» [7, с. 3]. Солидарны с автором, но, по нашему мнению, все же не нужно называть советское законодательство первой половины XX века правовым.

Степень научной разработанности проблемы

Е. М. Горячева пишет в 2006 г.: «В отечественной правовой литературе научное наследие мыслителей русского зарубежья, их воззрения на важнейшие социальные — государство и общество, проблемы их развития и взаимодействия — не были предметом специального комплексного изучения» [14, с. 4]. Автор указывает очевидные причины: в советское время работы эмигрантов были запрещены, а сами они объявлены предателями, отщепенцами и клеветниками [14, с. 4].

Е. М. Горячева констатирует, что в постсоветский период отдельные вопросы рассматривались в работах Н. А. Омельченко, А. В. Квакина и др. [14, с. 4]. К сожалению, эти публикации не называет и сноска не делает. Думаю, что имеется в виду книга доктора исторических наук, профессора Н. А. Омельченко «Политическая мысль русского зарубежья», изданная в 1997 г. [33]. В ней рассматривается ряд важных проблем идейно-политического развития русского зарубежья: философские и политические дискуссии в эмиграции, место и роль консервативной и либерально-консервативной мысли в идейной жизни русского изгнания, зарождение «альтернативных» идеологий — «сменовеховства» и «евразийства», возникновение в Европе фашистских «идеократических» режимов и отношение к ним представителей культурной элиты «зарубежной России». В частности, рассматриваются представления русских мыслителей за рубежом о событиях 1917 г. в России, большевизме, советском государственном строе, о будущем российской государственности. Автор стремится сделать достоянием научной общественности все богатство политических оценок, содержащихся в трудах лидеров эмиграции», и пытается проанализировать «их вклад в развитие отечественной социально-политической мысли» [23, с. 32].

А. Н. Варакса по теме идейного наследия эмиграции «наиболее содержательными» называет монографии Н. А. Омельченко и О. Д. Волкогоновой [9, с. 3]. Омельченко написал книгу «В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности» [32], а Волкогонова «Образ России в философии русского зарубежья» [10]. В эмигрантской литературе О. Д. Волкогонова «прослеживает два направления интерпретации желаемого будущего России — реставраторские и модернизаторские», которые «условно делятся на [27, с. 35]:

- 1) евразийство (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Н. Н. Алексеев);
- 2) христианский социализм (С. Н. Булгаков, Г. П. Федотов, отчасти Н. Бердяев);
- 3) монархизм (И. А. Ильин);
- 4) либерализм (Н. С. Тимашев, П. Н. Милюков, П. И. Новгородцев и др.);
- 5) национализм (младороссы)».

В конце XX — начале XXI века по интересующей нас теме был защищен ряд кандидатских диссертаций (перечень неполный, приведены лишь примеры), причем по разным специальностям:

1) 23.00.01 — теория политики, история и методология политической науки — А. Н. Варакса «Идеи монархии в политической мысли Русского зарубежья / 1920—1940-е гг.». СПб., 2003; и др.;

2) 07.00.02 — отечественная история — О. А. Сухорукова «Формирование концепции государства во взглядах евразийцев (1920—30-е гг.)». Тверь, 2004; Е. В. Никитенко «Евразийство 1920-х гг.: история противостояния и сравнительный анализ идеологии и деятельности Пражского и Парижского (Кламарского) центров движения». Новосибирск, 2011; и др.;

3) 09.00.01 — социальная философия — М. А. Реньш «Идея государственности в социальной философии И. А. Ильина». Благовещенск, 1997; Д. А. Честнейшина «Социально-философская антропология И. А. Ильина». Архангельск, 2006; и др.;

4) 24.00.01 — теория и история культуры — А. В. Шишкова «Социокультурная концепция управления российским государством Н. Н. Алексеева». М., 2011; и др.;

5) 09.00.03 — история философии — Е. М. Красова «Субъект права в философии И. А. Ильина». Мытищи, 2019; и др.;

6) 12.00.01 — А. Н. Окара «Учение И. А. Ильина о праве и государстве». М., 1999; Е. М. Горячева «Государство и общество в воззрениях мыслителей русского зарубежья». Тула, 2006; И. В. Борщ «Философия права Н. Н. Алексеева». М., 2005; Л. Ю. Головина «Теория понимания права Л. И. Петражицкого: история и современность». М., 2007; Т. В. Бойко «Правовая концепция Н. С. Тимашева». СПб., 2011; О. Н. Болдырев «Психологическая школа права Л. И. Петражицкого в истории политико-правовой мысли». Грозный, 2019; и др.

Конечно, особое место по статусу занимают докторские диссертации; как, например, Е. В. Тимошиной «Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания» 2013 г. и ее автореферат [45]. Защите диссертации предшествовала публикация монографии [43] и ряда научных статей [40, с. 825—841; 44, с. 46—71; 46, с. 31—46].

О. Н. Болдырев в 2019 г. в один ряд с Е. В. Тимошиной ставит таких отечественных исследователей как Г. Ф. Гараева, Л. А. Поляков, И. А. Иванников, О. Н. Толочар, Л. С. Золотарева, И. В. Бухарова, С. А. Пяткина и др. [6, с. 5]. При перечислении мы сохранили авторскую последовательность имен ученых и Е. В. Тимошина в нем четвертом месте. Полагаем, что корректнее было поступить следующим образом: первый вариант — назвать всех по алфавиту; второй — по времени выхода в свет первой работы по теме исследования; третий — видимо, его и использовал О. Ю. Болдырев: по вкладу ученых в разработку проблемы. Наше мнение, что по последнему критерию нужно особо выделить заслуги в анализе идей Л. И. Петражицкого Е. В. Тимошину, а также авторов кандидатских диссертаций — О. Н. Болдырева [6], Л. Ю. Головину [13], М. А. Дубинину [21], Е. М. Красову [25] и других, поскольку их диссертации и научные статьи специально посвящены воззрениям, взглядам идеям, концепциям, теориям в данном случае Л. И. Петражицкого. Убеждены, что этот оценочный подход можно и нужно экстраполировать, когда мы пишем про роль, вклад в разработку

проблемы тем или иным исследователем. Конечно, при этом исходим из презумпции, что все работы выполнены на должном научно-теоретическом уровне.

В 2003 г. была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук «Идеи монархии в политической мысли русского зарубежья / 1920—1940-е гг.». Автор ее — А. Н. Варакса [9] и свое исследование он построил на материале работ И. А. Ильина и публициста (его определение) И. Л. Солоневича. Вот что пишет Варакса в разделе о степени разработанности темы: «специального исследования, посвященного изучению «послереволюционного» консерватизма и монархизма, его истории и идеологии, пока нет» [9, с. 2]. А далее он отмечает все-таки позитивные результаты в изучении интересующей его проблемы: «В основном тема «пореволюционного» монархизма и консерватизма, его идеологии получила развитие в работах о философе И. Ильине и евразийцах. Серьезный задел в изучении идейного наследия И. Ильина сделал эмигрантский исследователь Н. Полтарацкий в работе «Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение» [9, с. 3]. В начале 90-х годов в нашей стране были переизданы две работы эмигрантов: М. И. Раева «Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919—1939» [38] и М. В. Назарова «Миссия русской эмиграции» [9, с. 3]. В 2020 г. по благословлению РПЦ за рубежом эта книга в двух томах издана в Москве и Санкт-Петербурге [28].

А. Н. Окара сформулировал четыре положения, характеризующих взгляды И. А. Ильина на государство, его основные формы правления, историю России и русского народа. Правда, ученый не выделяет идеи, к которым философ пришел в дореволюционной России, в советской стране и в эмиграции.

Во-первых, концепцию идеального («должного») государства И. А. Ильина ученый рассматривает как оригинальную модель «правового государства, одухотворенного религиозно-нравственными ценностями». А. Н. Окара справедливо отмечает, что данная теория «апеллирует к *органическому пониманию* государственности, общества и политического процесса», она отличается от западноевропейских либеральных и позитивистских моделей «самообязывающегося государства» и берет начало в отечественной консервативной социальной философии. Поддерживаем вывод А. Н. Окары о том, что идея правового государства И. А. Ильина «наиболее близка концепция «государства правды» в изложении евразийцев (М. Шахматова, Н. Н. Алексеева, В. Н. Ильина)», поскольку обращается в первую очередь к фундаментальным естественно-правовым ценностям [31, с. 8].

Во-вторых, монархию и республику в их идеальном виде И. А. Ильин, по нашему мнению абсолютно верно, рассматривает «как диаметрально противоположные формы правления», «в основе которых лежат принципиально различные типы правосознания и мировосприятия. В конкретной государственно-политической практике на институциональном уровне между ними могут иметься также и черты сходства, не имеющие принципиального значения» [31, с. 8]. Как известно, чтобы существовала монархия нужно, чтобы все население, или абсолютное большинство населения, или хотя бы значительная его часть были религиозными. Это логично, поскольку считается, что монарх (король, царь, император, шах, султан и т. п.) — помазанник Божий на земле. Во второй половине XX — начале XXI века некоторые страны, например Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Саудовскую Аравию и ряд других, отдельные ученые называют «республиканские

монархии» или «монархические республики». Совершенно очевидно, что, если признать наличие в современном мире абсолютных монархий, то все они имеют такую характерную черту как выборность. Ограничимся этой констатацией, поскольку дальнейший анализ не является предметом нашего исследования.

В-третьих, И. А. Ильин убежден в том, что монархия и республика — это реализация соответствующего правосознания, вызванного конкретными национальными особенностями различных народов. Поэтому в его учении «отсутствует представление об универсальной форме государственного правления... Для России оптимальной формой власти является, по заключению философа, *самодержавная монархия*, которая противопоставляется как республике, так и абсолютной и конституционной монархиям» [31, с. 8]. Важно, что формы государственного правления И. А. Ильин понимает «не институционально и не функционально, а эйдологически как реализацию различных типов правосознания». Поэтому Ильин не имеет в виду легитимацию той или иной императорской династии, изменение конституционного строя. Речь идет о возрождении в «широких слоях общества соответствующего мироощущения, правосознания и соответствующего отношения к государству и государственной власти» [31, с. 20]. Три замечания: а) корректнее использовать термин «легализация» или оба термина, в том числе «легитимация»; б) высокий удельный вес верующих людей, а в особенности — воцерковленных, позитивное отношение к монархии в целом, к династии Рюриковичей и Романовых, в частности, — это основа, идеологическое условие для восстановления монархии и пример современной Испании в определенной мере это подтверждает.

В-четвертых, учение И. А. Ильина о государстве и праве — составная часть «течения русской философии права и политической мысли, которое рассматривает *историческое своеобразие России и русского народа*» «как развитие самобытных принципиально отличных от западноевропейских культурно-цивилизационных предпосылок». Его теорию государства А. Н. Окара верно относит к направлению «аристократического традиционализма с элементами консервативного утопизма» [31, с. 8]. Примечательно, что при этом И. А. Ильин ратовал за *органическую демократию*, приоритетными факторами которой являются «реалии социально-культурного порядка — уровень развитости правосознания граждан и степень духовного единства общества, а формальные аспекты — партийный плюрализм, принцип разделения властей, парламентаризм и некоторые другие признаки рассматриваются в качестве служебных и зависимых» [31, с. 19]. Безусловно, перед нами оригинальный и в настоящее время маргинальный подход к описанию демократии, хотя в демократическом и особенно в правовом государстве должен быть высокий уровень правосознания и соответственно правовой культуры населения.

Взгляды И. А. Ильина по проблемам государства и права в России изложены в публикациях М. А. Дубининой [16, с. 167—170; 17, с. 24—31; 18, с. 40—50; 19, с. 24—31; 20, с. 157—164], И. Н. Зернова [24], М. Назарова [28], А. Н. Окара [30, с. 84—93], Л. А. Чикина [54, с. 66—69] и др.; в кандидатских диссертациях М. А. Реньш [39], Л. А. Чикина [53], М. А. Дубининой [21] и др. Жизнь и деятельность И. А. Ильина в эмиграции подробно изложил доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Ю. Т. Лисица [26, с. 118—142].

Идеи П. А. Сорокина анализировали В. Г. Графский [15, с. 111—120], Е. Л. Поцелуев [37, с. 120—129, 136—147] и др.; Г. Д. Гурвича — М. В. Антонов и А. В. Поляков [1, с. 131—137] и др.; Н. Н. Алексеева — С. И. Архипов [2, с. 5—14], И. В. Борщ [8, с. 68—75], А. Г. Дугин [22, с. 5—20], А. В. Поляков [36], Н. К. Серов [41, с. 195—200], А. В. Шишкова [55, с. 308—312; 56, с. 136—141; 57, с. 429—433] и др.

И. В. Борщ пишет в 2005 г., что «философско-правовое учение Алексеева, как целостная совокупность идей, еще не стало предметом отдельного научного исследования в истории учений о праве и государстве» [7, с. 4], хотя далее отмечает две кандидатские диссертации (С. П. Овчинниковой и И. В. Новоженевой), которые «рассматривают преимущественно государственную теорию Алексеева, причем, именно в евразийский период его деятельности» [7, с. 8]. И. В. Борщ позитивно оценивает аналитико-биографическую статью Г. Г. Бернацкого и В. Г. Соболева [4, с. 8—16], «большой заслугой которых является рассмотрение творчества Алексеева в связи с эволюцией его идей, которая в частности выражается в смене методологических подходов» [7, с. 8].

«С. Л. Франк относится к наименее изученным представителям отечественной общественной мысли, — констатирует в 2002 г. А. Э. Черноков. — Его вклад в политико-правовую теорию практически не исследован. Имеется только несколько статей (А. В. Поляков, В. С. Семенов) и отдельные параграфы монографических работ (В. М. Бычков, А. Ф. Закомлистов, И. Д. Осипов). Посвященные в большинстве своем социальной философии С. Л. Франка, а не его правовым воззрениям (исключение составляют статьи А. В. Полякова). Исследованию социальной философии мыслителя была посвящена и диссертация В. В. Сухорукова, однако, с учетом того, что она готовилась в 1985—1987 гг., ее идеологические составляющие перевесили фактические выводы автора» [49, с. 3—4]. Констатируем, что в 1999—2001 гг. А. Э. Черноков опубликовал четыре сравнительно небольших статьи о формировании политико-правовых взглядов С. Л. Франка [50, с. 23—26; 51, с. 17—20], его политико-правовом наследии [47, с. 25—32] и идее законности в дооктябрьский период [48, с. 87—89] и таким образом, в определенной мере восполнил лакуны в изучении творчества ученого, но не было специальных работ по философии государства Франка вообще и в период эмиграции, в частности.

С. Л. Франк крайне скептически относится к современной ему демократии, так как считает выборы формальными. Поэтому демократию и тоталитаризм он называет олигархиями или «олигократиями». С. Л. Франк утверждает, что власть сосредоточена в руках абсолютного меньшинства и различия есть лишь в способах пополнения правящего слоя: либо по наследству, либо выборным путем, либо посредством кооптации [49, с. 20].

«С. Л. Франк допускает возможность власти большинства только во время кризиса (и то в течение краткого периода). После непродолжительной анархии система власти восстанавливается и ожесточается». Ученый не исключает возможность перехода к единоличному правлению — монархии (по терминологии Франка). Причем под меньшинством философ, как и Н. А. Алексеев и И. А. Ильин, понимает только одаренных и творческих людей, способных властвовать [49, с. 20].

Правовой концепции Н. С. Тимашева посвящена кандидатская диссертация Т. В. Бойко. В автореферате она отмечает, что наиболее полный анализ трудов ученого содержится в работах Г. Д. Гурвича (Жоржа Гурвича). Между ними на протяжении многих лет велась активная полемика по вопросам понимания социологии права. В научной литературе советского периода «встречаются лишь отдельные упоминания имени Н. С. Тимашева» в связи с критикой им западных социологов права и западных концепций права. М. Н. Адамович, С. М. Куделко, Т. Н. Бобринская, И. А. Голосенко, Дж. Шоейр в 90-е годы XX века опубликовали в нашей стране статьи о жизни и деятельности Н. С. Тимашева. Много внимания уделил в монографии жизни и творчеству ученого философ и социолог О. Л. Гнатюк [12]. Автор рассмотрел и некоторые вопросы правового характера. Несмотря на наличие вышеуказанных публикаций, в 2011 г. Т. В. Бойко приходит к выводу, что «творчество Н. С. Тимашева, одного из основателей социологии права, автора оригинальной концепции права остается в России практически не исследованным» [5, с. 2—3].

«Проблематика евразийства и «сменовеховства» получила основное направление в работах М. Агурского и Л. Люкса», — пишет Варакса [9, с. 3—4]. Видимо, имеется в виду Л. М. Люкс (родился в 1947/48 в г. Свердловск) — немецкий историк, специалист по истории СССР и советологии, д-р наук, директор Института исследований Центральной и Восточной Европы Католического университета Айхштетт-Ингольштадт Бавария) [59].

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

во-первых, изучение работ российских философов, философов права в изгнании в первой половине XX века, их анализ первыми сделали их коллеги — эмигранты: Полторацкий, Раев и Назаров;

во-вторых, философия государства И. А. Ильина и других его современников привлекает внимание историков, политологов, философов и юристов (теоретиков государства и права, историков государства и права России, специалистов по истории политических и правовых учений, философов права и др.), государственную и политическую элиты Российской Федерации, поскольку их идеи, взгляды, концепции имеют не только доктринальное, но и практическое значение; по справедливому мнению исследователей наследие отечественных ученых — юристов поможет решить проблему отчуждения части граждан от государства, провести модернизацию государственно-организованного общества с учетом наших традиционных ценностей, на основе национального правосознания и правовой культуры;

в-третьих, основное внимание отечественные ученые уделяют по-прежнему вопросам права, философии права, истории учений о праве и гораздо меньше — государства, философии государства; правда, если рассматривать государство, государственно-организованное общество как правовой институт, то острота проблемы, дисбаланс в степени изученности несколько снижается;

в-четвертых, складывается впечатление, что наибольший интерес в постсоветской России исследователи различного гуманитарного и общественного знания проявляют к воззрениям И. А. Ильина, что, по мнению экспертов его творчества, является свидетельством восстановления потерянной

духовной и интеллектуальной преемственности в истории России, отечественной юриспруденции, показателем «*возрождения философии права и естественноправовых ценностей*», «*возвышений идей гражданского общества и правового государства*» [31, с. 22]; а также к петербургской школе философии права (Г. Д. Гурвич, Г. К. Гинс, М. Я. Лазерсон, П. А. Сорокин Н. С. Тимашев и др.) [34, с. 4—23; 35, с. 6—8] и такие ученые-юристы как Л. И. Петражицкий привлекают внимание, как современных российских исследователей, так и зарубежных коллег (английских, австралийских, австрийских, американских итальянских, североевропейских, французских, и, конечно, польских; и др.), причем не только юристов, но и социологов, философов, политологов и др.;

в-пятых, к числу сравнительно малоизученных относится государственно-правовое наследие С. Л. Франка, социология права Н. С. Тимашева;

в-шестых, констатируем широкую географию авторов публикаций (Архангельск, Благовещенск, Грозный, Иваново, Москва, Мытищи, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Тверь, Тула, Уфа, Хабаровск и др.), но большинство диссертаций защищено в Москве и Санкт-Петербурге, большинство известных нам научных публикаций издано также в этих двух городах;

в-седьмых, тема важная, актуальная и с учетом многонационального и многоконфессионального состава нашей страны, с точки зрения ее географического положения (Европа и Азия), с учетом геополитического поворота РФ на Восток особенно востребованной представляется идеология евразийства не только в российском обществе и государстве, но и в Казахстане, Центральной и Средней Азии.

Библиографический список

1. Антонов М. В., Поляков А. В. Г. Д. Гурвич и русская постклассическая правовая мысль конца XIX — начала XX веков // Известия вузов. Правоведение. 2005. № 4. С. 131—137.
2. Архипов С. И. Идея правового прогресса в трудах Н. Н. Алексеева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. С. 5—14. <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1772> (дата обращения: 24.01.2023).
3. Бердин А. Т. Основные направления евразийства в постсоветской России // Вестник Академии наук РБ (Республики Башкортостан). 2015. Т. 20. № 4 (80). С. 49—58.
4. Бернацкий Г. Г., Соболев В. Г. Николай Николаевич Алексеев // Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 8—16.
5. Бойко Т. В. Правовая концепция Н. С. Тимашева: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 20 с. <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovaja-konceptcija-n-s-timasheva.html> (дата обращения: 24.01.2023).
6. Болдырев О. Н. Психологическая школа права Л. И. Петражицкого в истории политико-правовой мысли: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2019. 28 с.
7. Борщ И. В. Философия права Н. Н. Алексеева: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.
8. Борщ И. В. Философия права Н. Н. Алексеева // Государство и право. 2006. № 1. С. 68—75.
9. Варакса А. Н. Идеи монархии в политической мысли Русского зарубежья / 1920—1940-е гг.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2003. 30 с.
10. Волгогонова О. Д. Образ России в философии Русского зарубежья. М.: РОСПЭН, 1998. 325 с.

11. *Вышковарцев В. В.* Психологизм в праве: критика теории Л. И. Петражицкого // Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г. Ф. Шершеневича): материалы VI ежегодной Международной науч.-практ. конф. Иваново, 5—8 окт. 2012 г.: в 3 ч. / отв. ред. О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. Ч. 1. С. 47—59.
12. *Гнатюк О. Л.* Николай Сергеевич Тимашев. СПб.: СПбГУ, 2003. 170 с.
13. *Головина Л. Ю.* Теория понимания права Л. И. Петражицкого: история и современность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
14. *Горячева Е. М.* Государство и общество в воззрениях мыслителей русского зарубежья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2006. 23 с.
15. *Графский В. Г.* Общая теория права П. А. Сорокина: на пути к интегральному (синтезированному) правопознанию // Государство и право. 2000. № 1. С. 111—120.
16. *Дубинина М. А.* «Аксиомы власти» И. А. Ильина // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 2. Хабаровск: Издательство ДВАГС. С. 167—170.
17. *Дубинина М. А.* «Аксиомы политики» И. А. Ильина // Актуальные проблемы политики и политологии в России. М.: Издательство РАГС, 2008. С. 24—31.
18. *Дубинина М. А.* Историко-политический контекст формирования взглядов И. А. Ильина на российское государство // Материалы 56-й научной конференции преподавателей и аспирантов Дальневосточного государственного гуманитарного университета. Хабаровск: ХКМ им. Н. И. Гродекова, 2010. С. 40—50.
19. *Дубинина М. А.* «Править должны лучшие» (И. А. Ильин о проблемах формирования российской национальной элиты) // Актуальные проблемы политики и политологии в России. М.: Издательство РАГС, 2010. С. 24—31.
20. *Дубинина М. А.* Представления И. А. Ильина о будущем государственном устройстве России // Социология власти. 2010. № 2. С. 157—164.
21. *Дубинина М. А.* Политические идеи И. А. Ильина в контексте реформирования современного российского государства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 28 с.
22. *Дугин А.* Теория евразийского государства // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 5—20.
23. *Загоруйко К. Ф.* [Рец.] Омельченко Н. А. Политическая мысль русского зарубежья: очерки истории (1920-начало 1930-х годов): учеб. пособие. М.: Планета детей, 1997 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная зарубежная литература. Реф. журн. Сер. 4, Государство и право. 3. М.: Б. и., 1998. С. 32—37.
24. *Зернов И.* Иван Ильин. Монархия и будущее России. М.: Алгоритм, 2007. 240 с.
25. *Красова Е. М.* Субъект права в философии И. А. Ильина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Мытищи, 2019. 22 с.
26. *Лисица Ю. Т.* Жизнь и деятельность И. А. Ильина в эмиграции. С. 118—142. <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-i-deyatelnost-i-a-ilina-v-emigratsii> (дата обращения: 20.09.2022).
27. *Листовская В. Н.* [Рец.] Волкогонова О. Д. Образ России в философии Русского зарубежья. М.: РОСПЭН, 1998. 325 с. <https://cyberleninka.ru/article/n/2000-01-009-volkogonova-o-d-obraz-rossii-v-filosofii-russkogo-zarubezhya-m-rosspen-1998-325-s-bibliogr-s-308-324> (дата обращения: 22.09.2022).
28. *Назаров М.* Миссия русской эмиграции (На фоне катаклизмов XX века). М.; СПб.: Русская идея: Русская Лира, 2020. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 736 с.
29. *Никитенко Е. В.* Евразийство 1920-х гг.: история противостояния и сравнительный анализ идеологии и деятельности Пражского и Парижского (Клармарского) центров движения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 21 с.
30. *Окара А. Н.* Правосознание — центральная категория философии права И. А. Ильина // Государство и право. 1999. № 6. С. 84—93.
31. *Окара А. Н.* Учение И. А. Ильина о праве и государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 23 с.

32. *Омельченко Н. А.* В поисках России: общественно-политическая мысль Русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. М.: Изд-во Христианского гуманитарного ун-та, 1996. 549 с.
33. *Омельченко Н. А.* Политическая мысль русского зарубежья: очерки истории (1920 — начало 1930-х годов): учеб. пособие. М.: Планета детей, 1997. 256 с.
34. *Поляков А. В.* Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Известия вузов. Правоведение. 2000. № 2. С. 4—23.
35. *Поляков А. В.* Петербургская школа философии права в контексте современной теоретико-правовой мысли // Известия вузов. Правоведение. 2013. № С. 6—8.
36. *Поляков А. В.* Разочарованный странник (Н. Н. Алексеев и идея государства) // Алексеев Н. Н. Идея государства. СПб.: Лань, 2001.
37. *Поцелуев Е. Л.* Взгляды Н. М. Коркунова, Л. И. Петражицкого и П. А. Сорокина на правонарушение во второй половине 19 — начале 20 в. // Известия вузов. Правоведение. 2017. № 6. С. 120—154.
38. *Раев Марк.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919—1939 / пер. с англ. А. Ратобильской. М.: Прогресс-Академи, 1994. 292 с.
39. *Реньш М. А.* Идея государственности в социальной философии И. А. Ильина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Благовещенск, 1997. 25 с.
40. *Рудоквас А. Д., Тимошина Е. В.* Лев Петражицкий и современный правовой плюрализм // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. СПб., 2011. С. 825—841.
41. *Серов Н. К.* Интегральная теория П. А. Сорокина и перспективы ее развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 2. С. 195—200.
42. *Сухорукова О. А.* Формирование концепции государства во взглядах евразийцев (1920—30-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2004. 26 с.
43. *Тимошина Е. В.* Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л. И. Петражицкого: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 296 с.
44. *Тимошина Е. В.* Концепция нормативности Л. И. Петражицкого и проблема действительности права в юридическом позитивизме XX в. // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 5. С. 46—71.
45. *Тимошина Е. В.* Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 44 с.
46. *Тимошина Е. В.* «Устранить суверена»: полемика Г. Ф. Шершеневича с Л. И. Петражицким // Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г. Ф. Шершеневича): материалы VI ежегодной Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 5—8 окт. 2012 г.: в 3 ч. / отв. ред. О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. Ч. 1. С. 31—46.
47. *Черноков А. Э.* Идею наследие С. Л. Франка (политико-правовые аспекты) // Состояние и методология историко-юридической науки. Труды теоретического семинара юридического факультета СПбИВЭСЭП. Вып. 1. СПб., 2000. С. 25—32.
48. *Черноков А. Э.* Идея законности в политико-правовой теории С. Л. Франка (дооктябрьский период) // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: материалы межвуз. науч.-теор. конф. С.-Петербург, 15 февр. 2001 г. СПб.: Б. и., 2001. С. 87—89.
49. *Черноков А. Э.* Учение С. Л. Франка о государстве и праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 28 с.
50. *Черноков А. Э.* Формирование политико-правовых взглядов С. Л. Франка (статья первая) // Ученые записки юридического факультета СПбГУ. № 4. СПб., 1999. С. 23—26.

51. Черноков А. Э. Формирование политико-правовых взглядов С. Л. Франка (статья вторая) // Ученые записки юридического факультета СПбГУ. № 5. СПб., 2001. С. 17—20.
52. Честнейшина Д. А. Социально-философская антропология И. А. Ильина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2006. 22 с.
53. Чикин Л. А. Социально-философский анализ концепции правосознания И. А. Ильина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2008.
54. Чикин Л. А. Социально-философские основания отчуждения в теории правосознания И. А. Ильина // Современные проблемы государства и права: сб. науч. ст. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2006. С. 66—69.
55. Шишкова А. В. Идеократия как основа «гарантийного государства» Н. Н. Алексеева // Вестник Университета (Государственный университет управления). М.: ГУУ, 2011. № 12. С. 308—312.
56. Шишкова А. В. Концепция «гарантийного государства» Н. Н. Алексеева как объект политико-философского анализа // Вестник Университета (Государственный университет управления). М.: ГУУ, 2010. № 18. С. 136—141.
57. Шишкова А. В. Смысл и задачи «гарантийного государства» Н. Н. Алексеева // Вестник Университета (Государственный университет управления). М.: ГУУ, 2011. № 15. С. 429—433.
58. Шишкова А. В. Социокультурная концепция управления российским государством Н. Н. Алексеева: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. 24 с.
59. ejhshtett/katholische-universitaet-eichstaett-eichstaett (дата обращения: 11.01.2023).

Информация об авторе / Information about the author

Поцелуев Евгений Леонидович — кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права, юридический факультет, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, elp777@yandex.ru

Potseluev Evgeny Leonidovich — Candidate of Science (History), Associate Professor, Chair of History and Theory of State and Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, elp777@yandex.ru

**РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА
В ИЗГНАНИИ
(первая половина XX века)**

Источники права

**RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW IN EXILE
(first half of the 20th century)**

Sources of law

УДК 340.13/14

М. Ю. Спирин

**КОНЦЕПТ ИСТОЧНИКА ПРАВА С ПОЗИЦИЙ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ
ЭМИГРАЦИИ I ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

(П. Г. Виноградов, Д. Д. Гримм, Л. И. Петражицкий)

Аннотация. В статье анализируются концептуальные подходы видных представителей русской юридической эмиграции первой половины XX века по отношению к установлению содержания категории «источник права». Выявляется использование, помимо формально-юридического, иных методов исследования (в т. ч. — конкретно-исторического, конкретно-социологического и других), имеющих важное междисциплинарное значение для изучения концепта источника права.

Приводятся формальные классификации и интересные обобщения указанных авторов по соответствующей проблематике, рассматриваются знаковые примеры критического характера (Л. И. Петражицкий об источниках права как о видах положительного права и др.) на предмет их возможного современного объяснения.

В процессе исследования позиций указанных авторов выявляется значение трансдисциплинарного уровня научного исследования, который выступает сильно модифицированной современной версией междисциплинарного анализа.

Ключевые слова: источники права, формы (оболочки) права, русская теоретическая юриспруденция, формы правообразования, нормативный факт, основания источников права, междисциплинарное исследование, трансдисциплинарность современной социогуманитарной науки.

© Спирин М. Ю., 2023

2023. Вып. 1 •

M. Yu. Spirin

**THE CONCEPT OF A SOURCE OF LAW
FROM THE POSITION OF REPRESENTATIVES
OF THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL AND LEGAL EMIGRATION
IN THE 1st HALF OF THE XX CENTURY**

(P. G. Vinogradov, D. D. Grimm, L. I. Petrazhitskiy)

Abstract. The article analyzes the conceptual approaches of prominent representatives of Russian legal emigration in the first half of the 20th century in relation to establishing the content of the category “source of law”. It reveals the use, in addition to formal legal, of other research methods (including concrete historical, concrete sociological and others), which are of great interdisciplinary importance for studying the concept of the source of law.

Formal classifications and interesting generalizations of these authors on the relevant issues are given, iconic examples of a critical nature are considered (L. I. Petrazhitskiy about the sources of law as types of positive law, etc.) for their possible modern explanation.

In the process of studying the positions of these authors, the significance of the transdisciplinary level of scientific research is revealed, which is a highly modified modern version of interdisciplinary analysis.

Key words: sources of law, forms (shells) of law, Russian theoretical jurisprudence, forms of law formation, normative fact, foundations of sources of law, interdisciplinary research, transdisciplinarity of modern socio-humanitarian science.

Введение

Одним из необходимых свойств любой науки является определённое единство её терминологии (терминологическая определённость науки). Говоря о таком единстве, следует иметь в виду, что даже в рамках одной науки её представители, придерживающиеся разных направлений и подходов (научных школ), имеют не всегда совпадающие взгляды на определение содержания того или иного её термина. Вследствие этого, его значение и содержание как в общих, так и в специальных работах может излагаться совершенно по-разному.

В этом качестве многозначной и методологически «запутанной» выступает проблема понимания содержания категории «источник права», по поводу которой уже более ста лет в отечественной юриспруденции ведутся споры [8, с. 7—13]. Причём, стоит заметить, в конце XIX — начале XX века у знаковых представителей русской юриспруденции можно было обнаружить уверенность в достаточной степени изученности данной проблематики (Н. К. Ренненкампф) либо ощущение скорого решения соответствующего проблемного вопроса (Г. Ф. Шершеневич), однако, как известно, проблема концепта источника права и в настоящее время представляется недостаточно изученной, поскольку ни 100 лет назад в русской теоретической юриспруденции, ни позже решена она не была.

«Терминологический хаос» может возникать в случае взаимодействия представителей не только различных школ в рамках одной науки (теоретической и отраслевой юриспруденции), но представителей разных социогуманитарных наук по отношению к общей исследуемой проблематике.

Такой хаос существенно затрудняет как принципиально однозначное понимание концепта «источник права», так и дальнейшее обсуждение этого концепта специалистами разных направлений научного знания. В то же время, как это ни парадоксально, «переплетение» разнокалиберной методологии социогуманитарных наук иногда предоставляет возможность под новыми углами зрения взглянуть на исследуемое явление и его содержание.

В этом смысле стоит обратить внимание на значение междисциплинарного и последующего трансдисциплинарного подходов к изучению предмета любой социогуманитарной науки, в т. ч. — общей теории права.

По мнению М. С. Гусельцевой, решение проблемы взаимодействия различных типов научной методологии при рассмотрении спорных вопросов в одной сфере можно найти в более широком переходе к трансдисциплинарности. Как указывает Гусельцева в своей статье «Трансдисциплинарный подход в современной психологии», «речь идёт о возможности представить трансдисциплинарный подход на разных уровнях методологии науки — конкретно-научном и общенаучном. В этом смысле трансдисциплинарность понимается как стратегия анализа сложных и динамических феноменов, предполагающая сознательное, вариантное, ситуативно обусловленное использование методологических оптик различных дисциплин» [5, с. 5].

Стоит отметить, что трансдисциплинарность выступает в данном случае сильно модифицированной версией междисциплинарных научных исследований в соответствии с повышенным уровнем сложности современных проблем общественного развития, изучаемых социогуманитарными науками [9, с. 153—154, 159].

Руководствуясь позицией Т. М. Судаковой, изложенной в знаковой статье «Междисциплинарность криминологии в контексте методологической и структурной трансформации науки», можно отметить, что если междисциплинарный подход предполагает своеобразное «скрепление» разнокалиберных «деталей» как единого предмета научного поиска, то подход трансдисциплинарный настроен на глобальное внешнее «обволакивание» этих «деталей» на качественно более высоком уровне изучения предмета науки.

В этом значении принципиальным является применение трансдисциплинарного подхода для достижения единства понимания специально-юридической терминологии средствами иных социогуманитарных наук, в том числе — психологии и социальной истории. Такое единство понимания может выражаться в системе единых (в т. ч. — нормативных) источников информации, созданных в процессе реализации трансдисциплинарного подхода для удобства единообразного применения права органами публичной власти и их должностными лицами при возникновении сомнений в содержании многозначных и имеющих межнаучный характер категорий и терминов юриспруденции, как в отдельных отраслях права, так и в общей теории права.

Таким образом, в данном контексте понимание значения и содержания концепта «источник права» для юридической науки является принципиально важным.

Поэтому стоит обратить внимание на определённое различие в определении содержания категории источника права теоретиками права, стоящими на позициях юридического позитивизма как господствующего типа понимания права, а также историками права и видными представителями психологии права, которые, как правило, придерживаются иных подходов.

Основная часть

Рассмотрим эту проблематику на примере взглядов известных русских дореволюционных мыслителей начала XX века: Павла Гавриловича Виноградова, Давида Давидовича Гримма и Льва Иосифовича Петражицкого, которых объединяет научная и преподавательская эмиграция после прихода к власти в России большевиков.

В работе «Очерки по теории права» П. Г. Виноградов использовал термин «источник права» в достаточно схоластическом (догматическом) значении (по сути, как аналог формы права; автором употребляется в качестве синонима термин «формы правообразования» [1, с. 75]).

Виноградов выделял четыре «авторитетных» (по терминологии автора) источника положительного права: «законодательство, обычай, судебные прецеденты и справедливость» (именно в данном порядке они исследуются автором на базе обширного материала английского права в главах V—VIII «Очерков по теории права») [1, с. 144].

Тем самым, первоначально рассуждая об источниках права как об источниках его познания субъектами, чьё поведение подлежит регулированию юридическими нормами, закреплёнными в этих источниках (*fontes cognoscendi*), Виноградов постепенно приходит к мысли о том, что источники права определяют сам путь происхождения обязательных юридических норм (указывая на исток этой обязательности как на авторитет самого права как социального регулятора). Тем самым, конкретно-исторический метод последовательного анализа формальных источников права, характерных для различных эпох (стадий) развития общества, постепенно сменяется догматическим их анализом.

Используя термин «формы правообразования», Виноградов подчёркивал, во-первых, объективный характер как появления, так и последующего действия источников права и тех юридических норм, которые в них закреплены, а во-вторых, определял внешний, формальный характер данных оболочек положительного права в обществе, предоставляющий возможность их изучения и адекватного использования для регламентации социальных взаимодействий.

При этом, будучи по своим убеждениям непозитивистом, П. Г. Виноградов обращал особое внимание на значение естественного права и категории «справедливость» (на примере осуществления судебного усмотрения) в сфере реального действия права в обществе в целом и познания характера такого права.

В свою очередь, Д. Д. Гримм в своей «Энциклопедии права» выделял внутренние и внешние источники права. Под внутренними источниками учёный понимал причины появления норм права, «факторы, под влиянием которых складываются те или другие нормы»; внешние источники права определялись как «формы образования юридических норм» [2, с. 81—82], к которым относились закон, обычай и судебная практика. Также выделялись дополнительные внешние источники: указы как нормативные акты органов исполнительной власти, а также акты, содержащие статуарные нормы (т. е., локальные нормативные акты) [2, с. 98, 100; 3].

В рамках рассуждений о пределах правоспособности лиц в работе «Лекции по догме римского права» Гримм определял особое значение объективного права (соотнося его с законом или обычаем) [4, с. 65]. Также указывая

на «источники современного римского, или пандектного, права», учёный перечислял: «*Corpus iuris civilis*, ... каноническое право и ... законодательство и обычное право» [4, с. 53]. При этом под каноническим правом Grimm понимал «законодательство католической церкви за Средние века, вошедшее в состав т.н. *Corpus iuris canonici clausum*» [4, с. 56]. Тем самым, Grimm уделял повышенное внимание догматическому анализу внешних источников права.

Исходя из достаточно скурых ссылок на данные категории как источники положительного или объективно существующего права, можно сделать вывод о том, что Д. Д. Grimm воспринимал общий концепт источника права более в историческом и познавательном смысле, в то же время не отказывая ему в современном значении формы (или оболочки) права, которая содержит в себе конкретные юридические нормы и предоставляет возможность однозначной и адекватной ссылки на них в рамках реализации объективного права.

Также нельзя не заметить тенденцию отождествления Grimмом этих форм (или внешних источников) права с их регулятивной сущностью, ту тенденцию, которая была ярко раскрыта в критических рассуждениях Л. И. Петражицкого об источниках права вообще.

В своей центральной работе «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» Л. И. Петражицкий, по сути, призвал отказаться от существующего юридического догматизма в вопросе содержания концепта источника права (что мы можем увидеть в определённой, но гораздо меньшей степени как у Виноградова, так и у Grimma) и выделил порядка 15 т. н. «видов положительного права» (в т. ч. — законное право, обычное право, прецедентное право, право преюдиции, книжное право (Священные книги), договорное право, экспертное право, право науки).

Основанием такой классификации для Петражицкого являлся т. н. авторитетно-нормативный факт [7, с. 229—327].

Для объективности анализа позиции данного учёного по поводу его аргументации отказа от категории «источники права» стоит в полном объёме привести его известную парадоксальную мысль: «попытки определения и вообще вся постановка и квалификация ... учения об источниках права не выдерживают научной критики и даже представляют странное и ненормальное с элементарно логической точки зрения явление.

Если бы зоологи стали называть собак, кошек и т. д. «источниками животных» и спорить по этому поводу, что такое источники животных, в каком отношении они находятся к животным, представляют ли они формы создания животных или основания их существования, или признаки их животной природы и т. д., то это представляло бы явления мысли, совершенно однородные с теми, которые имеются ... в области учения о так называемых источниках права.

Кошки, собаки и т. д. суть не источники животных, не формы создания животных и т. д., и вообще не нечто отличное от животных и только имеющее к ним какое-то таинственное, трудно поддающееся определению отношение, а просто — животные. Они сами именно и суть животные, виды и разновидности таковых. И точно так же так называемые «источники права» — обычное право, законное право и т. д. суть не что иное как само право, виды позитивного права, разновидности права, и странно их называть «источниками права», размышлять, в каком они отношении находятся к праву и т. д.

Сообразно с этим теперешнее учение об «источниках права» следует переименовать в учение о позитивном праве и его видах и разновидностях» [7, с. 191].

Как представляется, в данном случае Петражицкий несколько увлёкся вариантом доказательства *in contrarium* и использовал пример естественной науки для объяснения существа нематериальных объектов юриспруденции. Петражицкий был бы прав, если бы речь шла не о законах и договорах как внешних оболочках позитивного права, а об отдельно существующих внешне неоформленных обязательных нормах на уровне сознания каждого конкретного человека (т. е., те самые императивно-атрибутивные эмоции, которые составляют содержание выделяемого Петражицким интуитивного права), что можно умозрительно представить, но что явно не существует в объективной или положительной форме.

Также следует заметить, что в реальности собаки и кошки существуют для нас только в том качестве, в котором мы с детства условились их так называть и так воспринимать. В случае же употребления иноязычных слов *Hunde, Katzen* или *dogs, cats* нам необходимо несколько перестроить своё сознание, чтобы через внешнюю форму понимания таких обозначений в немецком и английском языках всем известных собак и кошек вновь воспринимать их как животных в понятном качестве. Поэтому наименование собаки или кошки и сложившееся на его основе наше субъективное представление о том, что данный представитель животного мира и есть искомая собака или кошка являются необходимыми условиями для того, чтобы мы смогли сделать простой логический вывод об их животном состоянии.

Следовательно, противоречия в данном случае нет. Речь идёт о соотношении объективно существующих форм (оболочек) правовой регулятивной информации (концепт источника права) и проблемы субъективного осознания их обязательности в конкретных социальных отношениях (проблема юридической силы норм права, содержащихся в этих источниках). Соотнести такие формы и их субъективное осознание вполне возможно, более того, это происходит каждодневно на уровне общественного правосознания.

При этом следует признать важным известное замечание С. Ф. Кечекьяна, который в своё время отметил, что Петражицкий, по сути, смешивал норму права с фактом, обусловившим её юридическую силу; закон, обычай и прецедент как нормативные факты не должны отождествляться с самими юридическими нормами [6, с. 6].

В учении Л. И. Петражицкого также стоит обратить внимание на выделенные автором основания источников права (видов положительного права): «воззрению на право как на совокупность норм и на нормы как на веления, выражения воли ... соответствует учение, по которому подлежащая воля может быть выражена или путём соответствующих слов ... или воли законодательного органа общения, принимаемого за ... общую волю, есть закон или законное право; или подлежащая воля может быть выражена косвенно, молчаливо, путём так называемых выразительных действий (*facta concludentia*), т. е. путём такого общего поведения, из которого можно заключить о наличии соответствующей воли, и такое выражение общественной воли есть обычное право» [7, с. 200].

Тем самым, Петражицкий фактически обозначал общую волю как главный авторитетно-нормативный факт, как основание для появления как закона, так и правового обычая. По сути, такое обозначение подтверждает

мысль о том, что в законах и правовых обычаях Петражицкий видел внешние оболочки (формы) действующего положительного права, самостоятельное значение которых определялось им в куда меньшей степени по сравнению со значением нормативных положений самого этого права. Отсюда и ироничный пример с собаками и кошками как «источниками животных».

В свою очередь обязательность в реализации норм таким образом закреплённого положительного права Петражицким ставилась в зависимость от права интуитивного, которое обладает гораздо большей свободой действия (и одновременно с этим – гораздо меньшими возможностями по закреплению в каких-либо устойчивых внешних формах).

Заключение

Делая вывод на основе некоторого обобщения позиций вышеуказанных учёных, стоит заметить, что данные авторы, используя конкретно-исторический и конкретно-социологический методы исследования, а в ряде случаев — метод перечисления объектов познания, переходили на их основании к формально-юридическому анализу источников права на базе определённых критериев (критерия внешнего авторитета нормы, нормативного факта и т. д.). Очевидно, что деятельность П. Г. Виноградова, Д. Д. Гримма и Л. И. Петражицкого в сфере истории права, догматики римского права, психологии права и, в целом, в рамках энциклопедии права, предоставила им возможность сформулировать как проблемные аспекты концепта источника права, так и обозначить возможные варианты их решения.

Таким образом, применение отдельных элементов исторической и психологической методологии при исследовании концепта источника права (как и иных важных категорий юриспруденции) привносит элементы новизны и позволяет подойти к рассмотрению ряда новых аспектов традиционного для юридической науки концепта.

Завершить наши рассуждения стоит словами М. С. Гусельцевой: «принципиальная важность трансдисциплинарного подхода ... в транзитивном обществе фундирована тем, что такие черты современной исследовательской реальности, как сверхсложность, неопределённость, текучесть, разнообразие и т. п., побуждают к разработке более тонкого, подвижного и способного схватывать и интегрировать многомерность человеческого бытия методологического инструментария» [5, с. 11].

Трудно с этим не согласиться, особенно в реалиях метамодернизма 20-х гг. XXI века, которые, очевидно, воздействуют на представителей юридической профессии, анализирующих традиционно спорную категорию источника права.

Библиографический список

1. Виноградов П. Г. Очерки по теории права (Пг., 1915). М.: ЛЕНАНД, 2015. 160 с.
2. Гримм Д. Д. Энциклопедия права. Лекции, читанные в Военно-юридической академии. СПб.: Типо-литография инженера И. Г. Гершуна, 1895. 238 с.
3. Гримм Д. Д. К вопросу о понятии и источнике обязательности юридических норм // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 6. С. 133—157.
4. Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права (5-е изд. Пг., 1916). М.: Зерцало, 2014. 496 с.

5. Гусельцева М. С. Трансдисциплинарный подход в современной психологии // Вопросы психологии. 2018. № 5. С. 3—12.
6. Кечекьян С. Ф. О понятии источника права // Учёные записки МГУ. Вып. 116. Труды юридического факультета. Кн. 2. М.: Изд-во МГУ, 1946. С. 3—25.
7. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Ч. 2 (СПб., 1907). М.: Юрайт, 2016. 343 с.
8. Спирин М. Ю. Основные подходы к пониманию источника права // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 3. С. 7—13.
9. Судакова Т. М. Междисциплинарность криминологии в контексте методологической и структурной трансформации науки // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 2. С. 151—162.

Информация об авторе / Information about the author

Спирин Михаил Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королёва, г. Самара, Россия, smy@samaradom.ru

Spirin Mikhail Yurievich — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Law institute, Samara National Research University, Samara, Russia, smy@samaradom.ru

РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В ИЗГНАНИИ

(первая половина XX века)

Петербургская школа философии права

RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW IN EXILE (first half of the 20th century)

The St. Petersburg school of philosophy of law

УДК 340.12

А. В. Мурунова

ОТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА Л. И. ПЕТРАЖИЦКОГО К МЕНТАЛЬНОМУ ПОДХОДУ

Аннотация. В данной статье делается попытка проанализировать и объективно оценить психологическую теорию Л. И. Петражицкого, а также сформулировать ее значение для современного правоведения. Эволюция данной теории и последующее ее развитие позволили современному правоведению перейти к изучению бессознательных структур психики человека, что дало основание для формирования ментального подхода к праву.

Ключевые слова: Л. И. Петражицкий, психологическая теория права, эмоции, правовая политика, правовой менталитет.

А. V. Murunova

FROM THE PSYCHOLOGICAL THEORY OF LAW OF L. I. PETRAZHITSKY TO THE MENTAL APPROACH

Abstract. This article attempts to analyze and objectively evaluate the psychological theory of L. I. Petrazhitsky, as well as to formulate its significance for modern jurisprudence. The evolution of this theory and its subsequent development allowed modern jurisprudence to move on to the study of the unconscious structures of the human psychic, which gave the base to the formation of a mental approach to law.

Key words: L. Petrazhitsky, psychological theory of law, emotions, legal policy, legal mentality.

Психологизм как философская и правовая методология начал формироваться в западной науке в начале XIX века в противовес гегельянству. В России этот подход получил разработку в психологической теории права русского и польского правоведа Л. И. Петражицкого. Свою эмотивистскую концепцию он изложил в основных трудах: «Очерки по философии права»

© Мурунова А. В., 2023

2023. Вып. 1 •

(1900), «Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии» (1905) и «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1910). Несмотря на сильный авторитет правового позитивизма и правового гносеологизма, эта теория оказала влияние на правоповедение конца XIX — начала XX века, и продолжает влиять на современное право. Психологизм как методология в XX веке получил дальнейшее развитие в ментальном подходе к праву, который анализирует и находит закономерности и механизмы более глубинных структур сознания, чем эмоции, в частности индивидуальное и коллективное бессознательное.

В условиях современного поиска новых путей развития правовой науки концепция Л. И. Петражицкого представляет особый интерес, так как она претендовала стать методологической основой не только профессиональной юриспруденции, но всей теории права. На формирование психологической теории права Л. И. Петражицкого повлияли различные научные направления: позитивизм, натурализм, бихевиоризм, неокантианство. Как отмечают А. Н. Савенков и В. С. Горбань, работы Л. И. Петражицкого «отличались междисциплинарным характером и имели немалую долю эклектизма» [4, с. 118].

Однако не стоит переоценивать значение психологической теории права для правоповедения России, так как по большому счету она основана на западническом, католическом мировоззрении автора, поддерживающем индивидуалистические основы правовой действительности, что в корне расходится с исконно русским ментальным пониманием основных правовых начал.

Л. И. Петражицкий с точки зрения западного идеала «идеального гражданина» рассматривал правовую действительность. Поэтому его подход в теоретическом отношении имеет много новаторских идей для конкретного исторического периода, но в практическом отношении он не всегда применим к российской правовой действительности. Как отмечал Л. И. Петражицкий, у нас слабое развитие сознания собственных прав, что является одной из главных причин недостатков русского национального характера, которые определялись им как «рабская душа», «не уважение к чужой личности, деспотизм и самодурство» [1, с. 132]. Однако в правоповедении имели место и другие точки зрения, например, И. С. Тургенев, доктор естественного права, «резко противопоставлял холодному культу права у человека латинского племени человечность русских людей» [5, с. 73].

В менталитете России всегда был перевес моральных социальных регуляторов над правовыми нормами, господствовал приоритет нравственно-этических требований перед юридическими правилами. В обществе господствовал этико-центристский тип правопонимания, а юридические нормы воспринимались общественным правосознанием как некие формальные нравственные предписания запретительного характера с карательными санкциями. Л. И. Петражицкий отмечал, что в российском обществе наблюдаются необычные для Европы соотношения нравственности и права, а также существуют учения, которые и вовсе критикуют право. Несмотря на подобные рассуждения, Л. И. Петражицкий отстаивал индивидуалистическое правопонимание, в котором видел опору развития рыночной экономики и правового гражданского строя. Л. И. Петражицкий, как мы видим, далек от мысли квалифицировать отношение к праву в России по отношению к нравственности как менее ценному и второстепенному или как правовой нигилизм.

Русское правосознание всегда исходило из постулата о том, что юридические законы и нормы противостоят хаосу в обществе своими силой и запретами, а нравственные нормы — внутренней гармонией личности, устремлением к добру и порядочности.

С точки зрения правового менталитета для России не свойственно западноевропейское разделение религии, права, юриспруденции и противопоставление их друг другу. Как отмечал Л. И. Петражицкий, в России нет четкого закрепления в правосознании граждан прав человека, поэтому они сами находятся в бесправном состоянии и часто нарушают права других людей. Это явно позиция правоведа-западника, исходящего из европоцентристского понимания мировой истории. А ведь русский народ исповедует идеи коллективной правды и коллективной совести, поэтому ему чужд и дух индивидуальной свободы. А доводы про недостатки национального характера как главной причины неудавшихся преобразований являются безосновательными.

Интересен ответ Л. И. Петражицкого по поводу методологии психологической теории права. Он называет интроспекцию основным методом и понимает под ней наблюдение за внутренним миром и внешним поведением человека [2, с. 10]. Согласно его теории, подлинное исследование права возможно только посредством анализа субъективного внутреннего опыта. Поэтому он рассматривает правовой опыт как особый вид эмоциональной жизни, как совокупность реакций индивида на определенное правовое поведение [3, с. 9]. Думается, что для ментального подхода к праву, который в настоящее время является новым направлением политико-правовой мысли, этот метод также применим, но при исследовании правового менталитета конкретного индивида или группы индивидов. Однако при исследовании правовой ментальности и правового менталитета народа в конкретно-исторических условиях необходимо применять методы исторической школы права, сравнительно-исторический, системный метод, метод выявления правовых архетипов.

Ментальный подход к праву тесно связан с психологической теорией Л. И. Петражицкого. Сходство, несомненно, в том, что первопричины правовых явлений следует объяснять психологическими факторами, которые обусловлены социокультурной спецификой правовой среды. Правовые феномены имеют сложную природу, и их всестороннее изучение требует анализа не только самого позитивного права, но и различных субъективных и объективных факторов, влияющих на правовое мышление, правовые чувства, правовое восприятие и даже правовые стереотипы и образцы правового поведения.

Однако те элементы психики, которые изучает Л. И. Петражицкий, то есть эмоции, являются не глубинными, а поверхностными проявлениями личности в психологии. Чаще всего они неустойчивы и субъективны, хотя, конечно, играют важную роль в формировании правового опыта личности. Возможно, этот термин был выбран правоведом как наиболее изученный на том этапе развития науки, и мы не можем сравнивать содержание этого термина с современным пониманием эмоций в психологии. В частности, коллективные эмоции в современной психологии называются другим научным языком. Поэтому возможно в правоведении потребовался новый термин, который привнес новый смысл в понимание индивидуального и коллективного сознания. Этим термином стал правовой менталитет, а также производная

от него правовая ментальность. Правовая ментальность отражает вариативные, изменчивые, индивидуальные проявления бессознательного в праве. Чаще всего это особенности конкретного временного отрезка, конкретные индивидуальные или групповые особенности правосознания и правового бессознательного. Здесь мы видим явное пересечение данного феномена с «эмоциями» Л. И. Петражицкого. Правовой менталитет, напротив, является устойчивой структурой в психологии, означающей образ правовой жизни и образ правового мышления, то есть носит коллективный характер, чаще именуется национальным характером, что не отражает весь смысл данного правового феномена. Идея правового менталитета в какой-то степени созвучна «коллективным эмоциям» у Л. И. Петражицкого. Однако он не говорит, что это устойчивые структуры, передающиеся из поколения в поколение. И о коллективном бессознательном тоже не может рассуждать. То есть, психологическая теория Л. И. Петражицкого пересекается с ментальной теорией права, но не учитывает категорию коллективного бессознательного, которая является базовой для последней.

Интуитивное право, как отмечал Л. И. Петражицкий, в отличие от позитивного, разнородно, развивается спонтанно и постоянно трансформируется в зависимости от условий, имеющих место в обществе. О правовом менталитете мы не можем сказать, что он «развивается спонтанно» и претерпевает постоянные изменения. Наоборот, он устойчив и складывается на протяжении истории, его невозможно изменить или откорректировать. А вот правовая ментальность может изменяться согласно условиям времени, правовой идеологии и предпринимаемым реформам.

Безусловно, Л. И. Петражицкий внес большой вклад в процесс поворота правоведения от позитивно-догматического подхода к более индивидуализированному, к праву с человеком во главе угла. Он обосновал необходимость становления новой науки — «правовой политики», подчеркивая ведущую роль государства в формировании идеального гражданина. Кстати, эта правовая традиция и повлияла на устойчивую веру российского законодателя в успешность перевоспитания нашего народа, в эффективность смены ментальных правовых парадигм. Однако сторонники ментального подхода к праву, зная об особенных устойчивых ментальных механизмах и закономерностях правовой жизни, с сомнением воспринимают правовые реформы, направленные на трансформацию правового менталитета по западному образцу. Воспитательная функция права, в которую верил Л. И. Петражицкий, может быть реализована в полной мере, на наш взгляд, только при учете ментального фактора, исторически обусловленной специфики правового менталитета народа, особенностей правового образа мыслей.

Библиографический список

1. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.
2. *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности: Эмоциональная психология. М.: Ленанд, 2019. 328 с.
3. *Петражицкий Л. И.* Очерки философии права. Вып. 1. Основы психологической теории права. Обзор и критика современных воззрений на существо права. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1900. 138 с.

4. Савенков А. Н., Горбань В. С. Л. И. Петражицкий как социолог права // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 118—128.
5. Харabet К. В. Доктор естественного права И. С. Тургенев (К 190-летию со дня рождения) // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 72—75.

Информация об авторе / Information about the author

Мурунова Анна Вячеславовна — кандидат философских наук, преподаватель отделения СПО, юридический факультет, Нижегородский национальный государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, amurunova@yandex.ru

Murunova Anna Vyacheslavovna — Ph.D. in Philosophy, Lecturer of the Law Department of the Faculty of Law of N. I. Lobachevsky National University, Nizhny Novgorod, Russia, amurunova@yandex.ru

ГОСУДАРСТВО В ПРАВОВОМ УЧЕНИИ П. А. СОРОКИНА

Аннотация. Правовое учение П. А. Сорокина во многом следовало психологической теории права Л. И. Петражицкого, в определённом смысле представляя собой социологизированную версию последнего. Наиболее оригинальным вкладом Сорокина в развитие идей своего учителя является учение об организованных группах — социальных группах, в которых все действия и реакции ее членов в их взаимоотношениях, равно как и со внешними субъектами и миром в целом ясно определены нормами права и производятся в соответствии с ними. В представлении Сорокина государство представляет собой частный случай подобной организованной группы, т. е. имеет юридическую природу. В разное время исследователь формулирует два определения понятия государства. Первое определение связывает государство с тремя элементами традиционной теории — территорией, народом и государственной властью. Более поздняя теория определяет государство через его основные законы. Рассматривая вопрос о значении государства в общественной жизни, исследователь приходит к выводу, что объём межлических взаимодействий, входящих в государственную систему взаимодействия, изменчив, в то время как в обществе в целом он постоянен. Поэтому роль государства может возрастать или уменьшаться относительно совокупности других организованных групп.

Ключевые слова: социология права, социология государства, организованная группа, понятие государства, П. А. Сорокин.

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00451: «П. А. Сорокин и немецкая социология: личные контакты и история взаимного влияния (1923—1957)».

A. A. Kraevsky

STATE IN P. A. SOROKIN'S LEGAL THEORY

Abstract. The legal theory of P. A. Sorokin largely followed the psychological theory of law of L. Petrażycki, in a certain sense representing a sociologized version of the latter. Sorokin's most original contribution to the development of his teacher's ideas is his doctrine of organized groups — social groups in which all actions and reactions of its members in their relationships, as well as with external actors and the world as a whole, are clearly defined by legal norms and produced in accordance with them. In Sorokin's view the state is a special case of such an organized group, i. e. it has a legal nature. At various times the researcher has formulated two definitions of the state. The first definition associates the state with the three elements of traditional theory — territory, people and state power. The later theory defines the state through its basic laws. Considering the importance of the state in public life, the researcher comes to the conclusion that the amount of interpersonal interactions that make up the system of state interaction is variable, whereas in the society as a whole it is constant. Therefore the role of the state may increase or decrease in relation to the totality of other organized groups.

Key words: sociology of law, sociology of state, organized group, concept of state, P. A. Sorokin.

Acknowledgments: the work was supported by RFBR under research project no. 20-011-00451: "P. A. Sorokin and German sociology: personal contacts and a history of mutual influence (1923—1957)".

Введение

Питирим Александрович Сорокин известен в первую очередь как выдающийся социолог, и, действительно, именно социологическая наука всегда привлекала его исследовательский интерес. Однако, в период, когда происходило становление Сорокина как учёного, дифференциация социальных наук ещё не достигла того уровня, который мы можем наблюдать сейчас, усвоение социологии, как правило, происходило в стенах юридических факультетов параллельно с изучением специфических правовых дисциплин [1, с. 59]. Данное обстоятельство и обусловило конечный выбор Сорокиным обучения на юридическом факультете. Сорокин отмечает, что в годы обучения на юридическом факультете Санкт-Петербургского императорского университета им были изучены теоретические правовые концепции, история русского и зарубежного права, а также отраслевые юридические науки [1, с. 60]. После окончания университета, в период подготовки своей магистерской диссертации на том же факультете (с 1914 года) Сорокин выбрал уголовное право и пенологию в качестве основной своей специализации, а в качестве дополнительной — конституционное право, посвятив их углублённому изучению первые два года своего приготовления к профессорскому званию. По воспоминаниям Сорокина, профессор конституционного права Лазаревский предоставил ему список из 150 книг по конституционному праву для тщательного изучения [1, с. 61].

Таким образом, Сорокин, был прекрасно знаком с юридической наукой вообще и теорией государства в частности. Его собственная теория государства и права изложена в нескольких работах, из которых стоит выделить ранние работы «Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве» 1919 года и «Систему социологии» 1920 года, а также более поздние статьи «Организованная группа (институт) и правовые нормы» (1947 года) и соответствующие разделы монографии «Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии» (также 1947 года).

1. Понятие права у Сорокина

Правовая концепция Питирима Сорокина во многом представляет собой социологическую интерпретацию психологической теории права известного дореволюционного правоведа Л. И. Петражицкого, однако, в отличие от своего учителя, Сорокин понимал под правом не специфические эмоции, а совокупность правил поведения (норм), которые могут быть отграничены от других норм по своему содержанию. Таким содержательным отличием является установление прав и обязанностей [2, с. 603]. Сам Сорокин характеризует данный признак правовой нормы как «формальный», подразумевая, что значение имеет не конкретное содержание прав и обязанностей, а сам факт их установления [2, с. 602—603]. Вместе с тем, даже абстрактное указание на установление прав и обязанностей предполагает обращение к содержанию нормы (в отличие от рассматриваемого далее критерия принадлежности к определённого рода нормативной системе), поэтому мы будем характеризовать рассматриваемый критерий как содержательный, а не формальный.

Более точное определение делается Сорокиным через перечисление семи необходимых признаков явно или неявно присутствующих в правовых нормах: 1) субъект права, 2) субъект обязанности, 3) объект права, 4) объект обязанности, 5) отсылка на источник права, 6) дополнительное указание

на время, место, условия, способ действия и другие условия и 7) адресат правовой активности (отличное от субъектов права и обязанности лицо, в пользу или против которого исполняются права и обязанности) [2, с. 603—605].

Представляется, что второе определение не изменяет, а только конкретизирует первое.

2. Организующая функция права у Сорокина

Организирующая функция права играет важную роль в социолого-правовой концепции Сорокина. В данном случае русско-американский социолог развивает идеи Р. Штаммлера и Л. И. Петражицкого.

Ключевое значение для Сорокина имеет понятие организованной группы. По мнению Сорокина: «Социальная группа... является организованной, когда все действия и реакции ее членов в их взаимоотношениях, равно как и со внешними субъектами и миром в целом ясно определены нормами права и производятся в соответствии с ними» [2, с. 600].

Сорокин характеризует правовые нормы как «четкий и динамичный ориентир человеческого поведения и как сердце и душа организованной группы (социального института)» [2, с. 608]. Причина этого в том, что нормативная мотивация отличается как от целевой мотиваций человеческого поведения, так и от мотивации «вследствие» [2, с. 607]. По этой причине правовые нормы по Сорокину «являются сущностью — скелетом, сердцем и душой — организованной группы или института». Как пишет исследователь, любая организованная группа (в том числе семья, государство, церковь, политическая партия, деловая фирма, школа, и даже организованная преступная группа) является «ничем иным, как объективацией и материализацией соответствующих правовых норм и правовых предубеждений их членов или сильнейшей части оных... Их писанные или неписанные конституции — нормы и подзаконные акты — есть не что иное, как правовые предубеждения их членов или сильнейшей части оных. Без них никакой порядок, никакая стабильная структура, никакое спокойное функционирование этих групп, более того, никакое непрерывное существование не было бы возможным» [2, с. 609].

В конечном счёте, заключает Сорокин, «правовая норма ... является могущественной живительной силой, постоянно действующей и управляющей в форме наших динамических правовых предубеждений массивом наших действий» [2, с. 609].

Таким образом, Сорокин полагает, что право и связанная с ним нормативная мотивация организуют социальные группы и, соответственно, конституируют их единство. Иными словами, как пишет исследователь, организационная функция права проявляется в создании власти [5, с. 110].

3. Власть и право

Власть, как уже ясно из сказанного ранее представляет собой правовое явление. Как пишет исследователь, «это явление состоит в правовом убеждении, что определённое лицо или группа лиц имеют право на властвование в форме управления, законодательствования и суда, а граждане — управляемые — обязаны подчиняться приказам и актам этих лиц» [5, с. 110]. Следуя идеям Петражицкого, и ещё более ранним рассуждениям Н. М. Коркунова, Сорокин полагает, что основа властвования — в добровольном подчинении подвластных. Это верно для любой власти, от власти учителя над учениками

до власти монарха и парламента над населением государства. Сила власти, по утверждению исследователя, «заключается в том, что граждане, подвластные, сами наделяют её полномочиями, признают за ней право на властвование, а за собой — обязанность повиноваться. Не будь этого признания, всякая власть была бы бессильна» [5, с. 110].

При этом частью организационной функции права является установление иерархии властей, определение властей подчинённых и господствующих. В своей организационной роли право определяет персональный состав властвующих, их полномочия и иерархию [5, с. 110].

Применительно к государству это означает, что право не обязано своим существованием государству, но, напротив, право логически и исторически предшествует государству [5, с. 110, 117].

4. Государство как организованная группа

Любопытно, что Сорокин представляет две несколько отличные друг от друга версии особенностей государства как организованной группы.

4.1. Ранняя теория

Первая версия представлена в «Элементарном учебнике» и представляет собой авторскую интерпретацию трёхэлементной теории государства классического государственоведения.

Государство определяется как «организованный народ, живущий на определённой территории и объединённый верховной независимой властью», и состоит из трёх элементов – народа, территории и государственной власти [5, с. 118]. Надо отметить, что данные элементы трактуются Сорокиным довольно своеобразно.

Народ. В отличие от многих других авторов [6, р. 233] Сорокин понимает народ не как население территории государства, а как «совокупность лиц, объединённых с государством связью подданства», т. е. без включения иностранцев и апатридов. Принадлежность к государству, при этом является принудительной, что отличает государство от общественных союзов [5, с. 119].

Территория. Территория государства определяется Сорокиным вполне традиционного, в духе Г. Еллинека, как «всё пространство суши и воды, на котором данная власть господствует» [5, с. 124]. Однако, вопреки традиционному представлению о существенном значении территории, учёный считает, что государство может существовать и без территории, если оно перемещается с места на место. В качестве примера Сорокин приводит Бельгию, оккупированную немцами во время Первой мировой войны [5, с. 124], правда, этот пример вызывает сомнения, т. к. Бельгия в Первую мировую войну не была полностью оккупирована Германией, до окончания войны бельгийская армия удерживала небольшую территорию.

Государственная власть. Особенность государственной власти в том, что она имеет верховный и самостоятельный характер, т. е. суверенна, а также в её принудительности — за ней признаётся право принудительно заставлять исполнять свои приказы. Государственная власть стоит выше властей всех остальных союзов [5, с. 122—123].

4.2. Поздняя теория

Более тонкой можно назвать вторую, более позднюю теорию государства Сорокина, сформулированную во 2-м томе «Системы социологии» и воспроизведённую в «Обществе, культуре и личности» [3].

Сорокин начинает с критики той самой трёхэлементной теории государства, которая воспроизводится им в «Элементарном учебнике».

Прежде всего, учёный отмечает, что «указание на **население, территорию и власть** ... как на «элементы» государства не может служить искомым разграничительным признаком, это очевидно: *почти все организованные коллективы состоят из этих «элементов»* [4, с. 473].

Ошибка, лежащая в основе традиционной теории, согласно Сорокину, заключается в представлении о едином обществе, согласно которому «индивид может быть «абонентом» только государственной системы взаимодействия, что последняя способна удовлетворить всем его запросам и регулировать все его поведение во всех сферах последнего» [4, с. 473]. То же самое относится и к территории — на одной и той же территории параллельно могут существовать несколько систем взаимодействия, не только государство, но и другие социальные группы [4, с. 474].

Принудительность участия тоже, по утверждению Сорокина, не является особенностью государства, принудительной может быть принадлежность к касте, религии и другим социальным группам [4, с. 475]. Равным образом не является особенностью государства и принудительность власти. Принуждение, т. е. применение дисциплинарных мер к нарушителям правил группы (штрафы, епитимии, порицания и т. д.), присутствует почти во всех организованных группах [4, с. 475—476].

Условны даже такие признаки государства как суверенитет и первичность или самоуправляемость власти. С одной стороны, существует феномен несuverенных государств, например, государств, входящих в федерацию. С другой стороны, есть примеры организованных групп, обладавших суверенной и первичной властью, таких как католическая церковь. Верховенство государственной власти также объявляется Сорокиным фикцией государствоведов. Существуют организованные группы, власть которых не только не санкционирована государством, но даже, напротив, государству противодействует [4, с. 477].

В конечном счёте, Сорокин приходит к выводу, что «государство представляет особую организованную систему взаимодействия индивидов, обычно живущих на одной территории, которая состоит из совокупности отношений, указываемых и регулируемых так называемыми «Основными законами» и «Сводом законов», именуемых «законами государства». Через эти отношения индивиды, принадлежащие к одному государству, оказываются взаимно связанными и выступают в качестве абонентов одной и той же системы взаимодействия, центром которой служит государственная власть, регулирующая эти отношения» [4, с. 477]. При этом объём и состав такого рода отношений меняются в зависимости от условий места и времени [4, с. 477—478].

Парадоксальным образом, Сорокин сводит понятие государства к понятию «*Основных законов*» и «*Свода законов*», именуемых «*законами государства*», в то время как само понятие государственных законов не получает какого-либо определения. Стоит отметить, что, с учётом особенностей концепции Сорокина, такое определение должно быть формальным, то есть

не через исторически изменчивое содержание законодательства. Представляется, что в этом состоит основная концептуальная проблема теории государства Сорокина.

Исследователь делает акцент на изменчивости государственной системы взаимодействия: «объем государственной регулировки и вмешательства в жизнь населения или объем и состав государственной системы взаимодействия — величина непостоянная. Он колеблется в зависимости от эпохи и населения. ... Это означает, что *система взаимодействия, именуемая государством, вовсе не представляет чего-то постоянного. Отношения индивидов, образующие эту систему, количественно меняются*» [4, с. 481]. При этом, само число отношений в обществе постоянно. Соответственно, роль государства растёт или уменьшается, в зависимости от степени регулирования или поглощения им этих отношений.

5. Значение государства в общественной жизни

Рассуждая о роли государства в общественной жизни, Сорокин отмечает, что его особое значение связано с высокой эффективностью его власти [4, с. 486—487].

Вместе с тем, Сорокин резко возражает против преувеличения роли государства и его обожествления некоторыми авторами: «Что государственная группа есть лишь одна из группировок, — это следует из всего предыдущего и последующего. Что она не вечна — это доказывается гибелью государств и постоянной сменой государственной власти. Что она проницаема даже на пространстве государственной территории, это следует из того, что рядом с ней существовали и существуют множества других организаций. Что она не всегда высшая власть, это доказывается фактами господства религиозной власти (напр[имер], католической церкви в средние века) над нею, что она не всемогуща, это следует из постоянного бессилия государственной власти, сознающей свое бессилие и потому не ставящей себе непосильных задач, а часто неспособной осуществить и те задачи, которые она себе ставит. Тот же факт доказывается бессилием государственных законов, когда они наталкиваются на сопротивление других коллективов. То же доказывается и гибелью государств при столкновении с другими негосударственными единствами» [4, с. 489—490].

Исследователь полагает, что в превознесении значения государства ошибаются как сторонники, так и противники государства вроде анархосиндикалистов, мечтающих о его уничтожении. Исчезновение не прекратит «расслоения и вытекающих из него многообразных форм неравенства, угнетения, борьбы и эксплуатации. Угнетение меньшинством большинства свойственно не только государству, но и *всякой организованной социальной группе* (партии, церкви, семье, профессиональному союзу, расе и т. д.). С уничтожением государства последние остаются. Следовательно, останутся и все формы зла, с которым они борются» [4, с. 492—493].

Заключение

Суммируя выводы теории государства и власти Сорокина, можно сформулировать её в виде следующих тезисов:

1. Власть представляет собой правовое явление, форму осуществления организационной функции права.

2. Государство представляет собой одну из организованных социальных групп.

3. Традиционная трёхэлементная теория государства не позволяет объяснить особенности данной организованной группы, т. к. соответствующие элементы встречаются и в других организованных группах.

4. Принудительное участие в группе, суверенитет и осуществление властью принуждения тоже не являются отличительными признаками государства.

5. Государство может быть определено через собственные основные законы.

6. Объём межчеловеческих взаимодействий, входящих в государственную систему взаимодействия, изменчив, в то время как в обществе в целом он постояен. Поэтому роль государства может возрастать или уменьшаться относительно совокупности других организованных групп.

7. Общественное значение государства обусловлено особой эффективностью его воздействия на своих граждан (участников организованной группы).

8. Всесилие государства — заблуждение в равной степени свойственное его сторонникам и противникам. Отношения, входящие в систему государственного межчеловеческого взаимодействия, не исчезнут с исчезновением государства, а будут реализовываться в других организованных группах.

Библиографический список

1. *Сорокин П. А.* Долгий путь: автобиографический роман: пер. с англ. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, 1991. 304 с.
2. *Сорокин П. А.* Организованная группа (институт) и правовые нормы // Петербургская школа философии права. К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ. ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. С. 600—627.
3. *Сорокин П. А.* Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2022. 1048 с.
4. *Сорокин П. А.* Система социологии. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2021. 1000 с.
5. *Сорокин П. А.* Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства // Сорокин П. А. Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2019. С. 21—192.
6. *Kelsen H.* General Theory of Law and State. New Brunswick: Transaction Publishers, 2005. 516 p.

Информация об авторе / Information about the author

Краевский Арсений Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, a.krajewski@yandex.ru

Kraevsky Arseny Aleksandrovich — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, a.krajewski@yandex.ru

УДК 340(091).084

И. Ф. Мачин

Г. К. ГИНС: ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 20—40-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Аннотация. Обращение к интеллектуальному наследию российских правоведов, оказавшихся в эмиграции после октября 1917 г., дает возможность познакомиться с такими направлениями научной мысли, которые не были востребованы в советское время. Одним из правоведов русского зарубежья был Г. К. Гинс (1887—1971). Автор статьи приходит к выводу, что выборка правовых и политических систем, взятая Гинсом для исследования, неординарна, поскольку включает в себя такие разные культуры, как дальневосточная, русская и западная. В статье анализируется методология Гинса, которую он применял к изучению правовых и политических систем, сложившихся в 20—40-х годах XX века в США, Японии, Италии, Германии и России. Данная методология оригинальна, так как предполагает рассмотрение правовых и политических систем через призму отношений не просто личности и государства, а личности (творческой и активной) и государства. Признается научная ценность выделенных Гинсом различных моделей взаимоотношений предпринимателя (активного человека в экономической сфере) и государства (на примерах Советской России, фашистской Италии и США). Гинсу важно использовать достижения эмоциональной психологии, что позволяет глубже и основательнее понять механизм функционирования политико-правовых систем и избежать социальных экспериментов, не учитывающих психологию человека. Рассмотрение правовых и политических систем, проведенное Гинсом, можно оценить как пример антропоцентрического исследования.

Ключевые слова: личность и государство, предприниматель, эмоциональная психология, политическая и правовая система, солидаризм.

I. F. Machin

G. C. GUINS: LEGAL AND POLITICAL ANALYSIS OF THE 20—40S OF THE 20th CENTURY

Abstract. The appeal to the intellectual heritage of Russian jurists who found themselves in exile after October 1917 gives an opportunity to get acquainted with such areas of scientific thought that were not in demand in Soviet times. One of the jurists of the Russian diaspora was G. K. Guins (1887—1971). The author of the article concludes that the sample of legal and political systems taken by Guins for research is extraordinary, since it includes such different cultures as Far Eastern, Russian and Western. The article analyzes the methodology of Guins, which he applied to the study of legal and political systems that developed in the 20—40s of the 20th century in the USA, Japan, Italy, Germany and Russia. This methodology is original, since it involves the consideration of legal and political systems through the prism of the relationship not just of the individual and the state, but of the individual (creative and active) and the state. The scientific value of the various models of the relationship between an entrepreneur (an active person in the economic sphere) and the state (using the examples of Soviet Russia, fascist Italy and

© Мачин И. Ф., 2023

the USA) highlighted by Guins is recognized. It is important for Guins to use the achievements of emotional psychology, which allows for a deeper and more thorough understanding of the mechanism of functioning of political and legal systems and to avoid social experiments that do not take into account human psychology. The consideration of legal and political systems conducted by Guins can be evaluated as an example of an anthropocentric study.

Key words: personality and state, entrepreneur, emotional psychology, political and legal system, solidarity.

Обращение к интеллектуальному наследию российских правоведов, оказавшихся в изгнании после октября 1917 года, даёт возможность открыть новые пласты научной мысли, которые в советское время были не востребованы.

Одним из правоведов русского зарубежья был Георгий Константинович Гинс (1887—1971). В 1920 году он был вынужден покинуть Советскую Россию. В 1920—1938 гг. преподавал на русском юридическом факультете в Харбине. В этот период времени были опубликованы его работы: «На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму» (1930); «Новые идеи в праве» (1931—1932), «Социальная психология» (1936), «Право и культура» (1938), «Предприниматель» (1940). С 1941 обосновался в США. Здесь на английском языке были изданы его работы: «Советское право и советское общество» (1954), «Упадок коммунизма» (1956).

В данной статье мы обратимся к одной из его работ, — «Предприниматель». Книга вышла в свет в 1940 году в Харбине. Однако вторая мировая война помешала её широкому распространению. В ней Гинс предметно проанализировал правовые и политические системы, сложившиеся в 20—40-е годы XX века в таких странах, как США, Япония, Италия, Германия и Россия. Заметим, что эта выборка правовых и политических систем, взятых для исследования, является неординарной, так как включает столь различные культуры: дальневосточную, российскую и западную. Речь идёт о периоде времени между двумя мировыми войнами: Первой мировой войной (1914—1918) и началом Второй мировой войны (1939).

С каких же методологических позиций Гинс рассматривал политическую и правовую реальность выбранных им стран?

Во-первых, для Гинса было характерно неприятие марксистского учения. У него мы находим развёрнутую критику марксизма. Остановимся лишь на некоторых его критических замечаниях, адресованных марксизму.

Так, понимание Гинсом роли личности в истории радикально отличается от марксистского. Для Гинса личность в истории играет первостепенную роль, и, особенно, «личность в экономической среде», т. е. предприниматель. Гинс характеризует предпринимателя, как человека «с особой одарённостью», «с особыми психологическими свойствами, которыми наделены далеко не все» [1, с. 206]. Гинс акцентирует внимание на творческих личностях, которые развивают материальную культуру. С материальной же культурой, полагал Гинс, связаны и духовная, и социальная культура. По представлению Гинса, предприниматель и есть та самая творческая личность. Гинс расходился с марксистами не только в понимании роли личности в истории, но и в прогнозе будущей судьбы среднего класса при капитализме. В своей работе «Манифест Коммунистической партии» (1847—1848) Маркс и Энгельс заявляли о том, что с развитием капитализма все больше промежуточных слоёв между капиталистами и пролетариями будет вливаться в ряды пролетариата.

Гинс расходился с марксистами и в оценке частного права. Гинс признавал его, поскольку без частного права немыслима предпринимательская деятельность: «Предпринимательство — это спутник и продукт системы частного права» [1, с. 206—207].

Во-вторых, Гинсу была присуща радикальная критика советской социалистической и национал-социалистических систем, которые в эти годы были воплощены на практике.

В-третьих, Гинс находился под влиянием идей солидаризма, согласно которым государство и право предлагалось понимать как институты, обеспечивающие солидарность в обществе. В этом плане он созвучен рассуждениям других российских правоведов, достаточно вспомнить Б. А. Кистяковского, который ещё в начале XX века писал: «Государство само по себе есть самая всеобъемлющая форма солидарности между людьми, и вместе с тем оно ведёт к созданию и выработке наиболее полных и всесторонних форм человеческой солидарности» [3, с. 142].

В-четвёртых, Гинс поставил вопрос не просто о соотношении личности и государства, а сделал существенное уточнение: соотношение активной и творческой личности и — государства.

В-пятых, его работа «Предприниматель» представляется уникальной, поскольку стала возможной благодаря общению Гинса с Л. Г. Цыкманом, харбинским промышленником и общественным деятелем. Гинс следующим образом описывал это общение: «Когда холодная обычно теория оживляется тем, что пережито, передумано практикой, она всегда выигрывает» [1, с. 8].

Что же представляли собой политические и правовые системы СССР, США, Японии, Италии, Германии в 20—40 годы XX века? Какие выводы сделал Гинс?

Гинс предложил рассмотреть эти системы через призму отношения человека действующего (активного, творческого) и государства. Вслед за Л. И. Петражицким, он использовал достижения эмоциональной психологии. Петражицкий, исследуя мотивы человеческого поведения пришёл к выводу, что поведение нельзя объяснить только эгоизмом. Гинс согласен со своим учителем Петражицким: «А психология тех людей, которые действуют не в интересах эгоистических, а в интересах достижения промышленных, научных, технических, которые творят, — разве они действуют в эгоистических интересах? А ведь таких творцов в жизни не мало, и они играют огромную роль в человеческой культуре» [2, с. 895]. В дальнейшем, понимание Гинсом законов эмоциональной психологии проверялось практическим образом, благодаря общению с «вдумчивым предпринимателем» Цыкманом, — это был уникальный опыт совместного творчества теоретика и практика.

Обращение Гинса к эмоциональной психологии позволило ему показать значение эмоционального подъёма, который присущ предпринимателю, поскольку, как и поэт, предприниматель всегда лучше творит по вдохновению, а не по заказу. Гинс исходил из представления, что «психология предпринимателя так же поддаётся сублимации, как и всякая другая». Для этого необходимо, чтобы предприниматели могли проникнуться сознанием «общественного значения своей деятельности». У Гинса мы находим и признание того факта, что предпринимателями не становятся, а рождаются. Из этого следовал вывод, что искусственно создать предпринимателя нельзя, следует лишь доверять их собственному опыту.

Такой взгляд на действующего субъекта (предпринимателя) придавал Гинсу уверенности в том, что создание доверительной связи предпринимателей

с обществом и государством позволит «содействовать материальному благополучию народа и социальному миру в стране». Это должно было позволить реализовать на практике солидаризм, который Гинс описывал следующим образом: это «новая, наименее стеснительная для всех, система экономических и социальных взаимоотношений, примиряющая свободу хозяйственной деятельности с контролем государственной власти и подчиняющая свободу соревнования и борьбы за групповые интересы принципам общественной солидарности» [1, с. 208].

Гинс был современником той системы, которая была установлена в СССР в эти годы, и он был российским мыслителем, вынужденным покинуть Россию. Он критически относился к этой системе, характеризуя её как «хозяйство без предпринимателя». Гинс приводит свидетельства того, что советская социалистическая система вместо обогащения народа приводит лишь к его обнищанию, а все «экономические усилия одного из богатейших в мире государств уходят на укрепление обороны и содержание сил, поддерживающих власть» [1, с. 117]. К капитализму надо теперь подойти с противоположной стороны и, оценив, прежде всего его положительные свойства, т. е. главным образом — значение предпринимателя, свободной хозяйственной инициативы, частного интереса, риска и конкуренции, — искать путей для улучшения этой системы, а не придумывать искусственные схемы и пытаться втискивать в них жизнь» [1, с. 119].

У Гинса мы находим анализ капиталистических систем, в которых сохранялось предпринимательство, но оно допускалось лишь в определённых рамках. Эти системы хозяйства Гинс называл «скованным капитализмом». К ним он относил итальянский фашизм и германский нацизм. Остановимся только на анализе Гинсом итальянского фашизма.

Гинс задаётся вопросом: откуда появилась в фашизме тенденция «вмешательства в экономику»? По его мнению, это прежде всего связано с политической задачей фашизма: «Движение, созданное и возглавляемое Муссолини, имело целью не только борьбу с коммунизмом, но и укрепление политического значения Италии» [1, с. 147]. Хорошо известно, что Муссолини действительно заявлял о том, что Италия должна стать «четвёртым Римом», владычицей Средиземного моря. Для выполнения этой задачи, пишет Гинс, важно было следовать программе: «все для государства, ничего без государства, а в особенности ничего против государства». В 1927 году в Италии была принята «Хартия Труда», в которой наряду с признанием принципа частной хозяйственной инициативы, было признано право государственного руководства: «Вмешательство государства в экономику может иметь место только при отсутствии или недостаточности частной инициативы или когда затронуты политические интересы государства. Подобное вмешательство может принимать форму контроля, поощрения и прямого руководства» [1, с. 147].

И, тем не менее, фашистская экономическая система, в сравнении с коммунистической, представлялась Гинсу более целесообразной. Однако он критиковал эту систему, исходя из своих представлений о ценности духа предпринимательства: «Что иное представляет эта система, как не опеку над несовершеннолетним? <...> Постоянное содействие, руководство и контроль ослабляют частную инициативу; управление предприятиями бюрократизируется. Ослабляется риск, благодаря отсутствию конкуренции; уменьшается интерес, благодаря понижению прибыли. Несколько десятков лет подобной экономической политики приведут к вырождению предприимчивости» [1, с. 153]. Фашизм для Гинса лишь «как будто» не отрицает дух предприимчивости,

а на самом деле «не терпит распылённого общества, где каждый сам себе царь». В очередной раз Гинс соотносит социалистическую систему Советской России с итальянским фашизмом, признавая их одинаково деструктивными, в силу того, что и та, и другая предполагают вмешательство государства-партии в экономику: «Это последствие скажется не так быстро, как при коммунизме, который сразу парализует частную энергию, как апоплексический удар, но непременно скажется, как только проявится отклонение от контроля и опеки, ослабится подъём националистических настроений и потребуются возвращение к свободному хозяйству» [1, с. 155].

Гинс обращается и к американской системе свободного хозяйства, полагая, что на новейшей стадии развития капитализма характерные черты системы свободного хозяйства выражены наиболее отчётливо именно в этой стране, а не в Англии или во Франции. Гинс пишет: «На примере Америки мы можем видеть, как под влиянием новых социальных идей постепенно выковывается и новый тип предпринимателя, чуткий к общественным интересам и склонный к восприятию начал «индустриальной демократии», т. е. согласованного сотрудничества с рабочими» [1, с. 124]. Как представляется, американская система хозяйства периода Нового курса Ф. Д. Рузвельта, ближе всего соответствовала представлениям Гинса о системе, которая основана на признании такого значимого для него духа предпринимательства. Гинсу было важно определиться с психологическим типом американца, что позволило бы ему лучше понять и саму систему предпринимательства по-американски. Так, Гинс ссылается на Б. Франклина, которой предлагал понимать человека как «существо, которое создаёт инструменты». Такое понимание человека поразило Гинса: «Надо заметить, что сам Франклин соединил в себе свойства государственного человека со способностями изобретателя и организатора. Он изобрёл громоотвод, конструкцию камина, который не дымит, организовал библиотеку, как предприятие, обслуживающее абонентов. Типичный американец, он ценил в человеке, прежде всего изобретателя и организатора» [1, с. 125—126]. Гинс обращает внимание на становление «индустриальной демократии» в США, в основе которой лежала консолидация интересов рабочих и предпринимателей. Показательными для него являются высказывания американского промышленника Джона Дэвисона Рокфеллера, который утверждал, что развитие промышленности зависит от сотрудничества четырёх сторон: капитала, администрации, труда и общества. Гинс пишет о том, что Рокфеллер хорошо понимал следующее: «Для успеха промышленности необходимо, чтобы каждый из этих четырёх участников умел смотреть на вопрос с точки зрения другого. В частности, труд и капитал нуждаются один в другом и только при взаимном уважении и доверии их друг к другу возможно успешное развитие производства. Ввиду этого необходимо организовывать представительство людей, работающих в предприятии» [1, с. 130].

Пример Нового курса Рузвельта показал практическую возможность разумного содействия хозяйству со стороны государства. Для Гинса — это положительная сторона «американизма». Этот пример и позволил Гинсу сделать следующий оптимистический вывод: «И поскольку убеждение в необходимости частного хозяйства, собственности и конкуренции делает неприемлемой идею перехода хозяйства в управление государства, остаётся другой выход: государство должно обдумывать генеральные линии хозяйственной деятельности свободных хозяйств и содействовать осуществлению этих линий. К этому открыл путь опыт Ф. Рузвельта. В этом направлении, вероятно, и пойдёт развитие «американизма» [1, с. 134].

Заключение

Гинс провёл содержательный анализ политических и правовых систем СССР, США, Японии, Италии, Германии 20—40 годов XX века. Блестяще продемонстрировал возможности применения сравнительного метода. Рассмотрел различные политические правовые системы через призму соотношения личности (творческой и активной) и государства, используя достижения эмоциональной психологии. Все это позволило Гинсу сделать убедительный и поразительный по своей глубине вывод: нужно «противодействовать экспериментам, связанным с разрушением и жертвами, перестраивающим хозяйственную систему по кабинетным схемам, игнорирующим человеческую психологию и мертвящим живые силы хозяйственной деятельности» [1, с. 9]. Этот вывод, как представляется, не потерял своего значения и в наши дни.

Гинс, как представляется, убедительно доказал, что политические и правовые системы должны опираться исключительно на творческий потенциал человеческих личностей, поскольку только он и может обеспечить выживаемость и эффективность в долговременной перспективе. Его размышления во многом созвучны представлениям известного английского социолога Г. Спенсера. Очерк Спенсера «Грехи законодателей» (1884) содержит фактически гимн частной инициативе и духу предпринимательства: «Не правительству мы обязаны массой полезных изобретений, начиная с застёжки и кончая телефоном; не правительство сделало открытия в физике, химии и других науках, руководящих современными фабрикантами; не правительство выдумало те машины, которые служат для производства различных предметов, для перевозки людей и предметов с места на место и всеми возможными способами содействуют нашему удобству» [4, с. 115].

Тема соотношения творческой личности и государства, которую исследовал Гинс, для современного правоведения сохраняет свою актуальность *par excellence* (в высшей степени — *фр.*).

Библиографический список

1. Гинс Г. К. Предприниматель. М.: Посев, 1992. 223 с.
2. Гинс Г. К. Обосновании политики права в трудах профессора Л. И. Петражицкого (1892—1927) // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010. С. 889—905.
3. Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 141—159.
4. Спенсер Г. Личность и государство: пер. с англ. Челябинск: Социум, 2007. 207 с.

Информация об авторе / Information about the author

Мачин Игорь Федорович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, msu.machin@yandex.ru

Machin Igor' Fedorovich — Candidate of Law, Associate Professor, Moscow State University, Moscow, Russia, msu.machin@yandex.ru

РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В ИЗГНАНИИ

(первая половина XX века)

Концепция евразийства и аксиология права

RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW IN EXILE (first half of the 20th century)

The concept of Eurasianism and axiology of law

УДК 340.12

С. В. Королев

РУССКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО И НЕМЕЦКАЯ ГЕОПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. «Евразийство» представляет собой холистическое понятие, которое невозможно вместить в какое-либо аналитическое определение. Во-первых, речь идёт о своеобразной *идеократической* идеологии. Это обстоятельство само по себе ставит под вопрос возможность чисто научного подхода, если под ним понимать исключительно рациональный и предельно объективный взгляд. Другими словами, термин «евразийство» неизбежно имеет ценностные, эмоциональные и субъективные коннотации. Во-вторых, термин «евразийство» по необходимости предполагает комплексный, т. е. междисциплинарный подход. Это обстоятельство требует своеобразного симбиоза философии, этнографии, исторической науки, политической географии (геополитики), государствоведения, социальной психологии, теории и социологии права и, не в последнюю очередь, лингвистики. В-третьих, любое евразийское исследование предполагает необходимость *практических* результатов. В-четвертых, что следует из вышеприведенных аргументов, любое евразийское исследование может охватить лишь фрагмент, какой-то частный аспект евразийского феномена. В этом, в-пятых, кроется сверхзадача исследователя не потерять «за деревьями леса», т. е. удержать перспективу на холистическую сущность евразийства. Иначе говоря, результат любого евразийского исследования должен быть открыт для органичной интеграции в линию аргументации любого другого евразийского исследования. Данная статья базируется на фундаментальных идеях кн. Н. С. Трубецкого. При этом автор статьи поставил перед собой задачу (1) сосредоточиться на *конфликтологическом* аспекте евразийской идеологии (Запад против НЕзапада) так, чтобы (2) предложить в итоге некоторые скромные выводы практического характера в контексте принципа многополярности, многоцветия человеческих цивилизаций (см. выводы в конце статьи).

Ключевые слова: Евразия, евразийская идеология, романо-германская цивилизация, евразийская цивилизация, срединное государство, сердцевиное государство.

© Королев С. В., 2023

2023. Вып. 1 •

S. V. Korolev

THE RUSSIAN EURASIAN IDEOLOGY AND THE GERMAN GEOPOLITICS IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF THE STATE

Abstract. Due to its holistic nature the term “Eurasian ideology” is not to be squared in any analytical definition. Firstly, the mentioned term refers to specific *ideocratic* ideology, which may undermine any pure scientific approach, provided it amounts to a strict rationalistic and objective view. In other words, the said term lends itself to inevitable valuations, as well as emotional and subjective connotations. Secondly, it inevitably presupposes a complex, i.e. interdisciplinary approach. It means close collaboration of various sciences, including philosophy, ethnography, historical science, political geography (geopolitics), political science, social psychology, legal theory, sociology of law and — last but not least — linguistics.

Thirdly, any Eurasian study aims at practical results. Fourthly, as may be concluded, any Eurasian study may only focus on some particular aspect of the Eurasian phenomenon. Lastly, it follows, that any Eurasian study runs a risk to be swallowed by details and lose the holistic perspective of the Eurasian phenomenon. In other words, the potential results of any Eurasian study must be open-ended in order to be organically integrated in the whole picture of the Eurasian complexity. The article is based on some fundamental ideas of Prince Nicolas Trubetzkoy. The author tries to (1) highlight the *conflictological* aspect of the Eurasian ideology in terms of the collective West versus the Non-West in order to (2) suggest some practical conclusions in the end.

Key words: Eurasia, Eurasian ideology, the Roman-German civilization, the Eurasian civilization, the Middle State, the Heartland.

Словосочетание «русское евразийство» как бы напрашивается на логическое отторжение, ввиду — явного или латентного — «*contradictio in adjecto*» (лат. «противоречие в определении»). В самом деле, продолжая линию аргументации родоначальника евразийской идеологии Николая Сергеевича Трубецкого (1890—1938) в его эпохальном труде [4, с. 27—90], мы интуитивно можем ухватить смысл словосочетаний «русский шовинист», с одной стороны, и «русский космополит», с другой. В любом случае, слово «русский» здесь — это просто прилагательное, которое никак не сужает, ни расширяет значение слов «шовинист» или «космополит». Проще говоря, все шовинисты и все космополиты одинаково узнаваемы: их этническая этикетка не имеет никакого самостоятельного значения.

Совсем другое дело — понятие «русское евразийство». Начнём с того, что идеология евразийства на место, казалось бы, «естественного» словосочетания «русский евразиец» ставит понятия «евразийский русский», или «евразийских казах», или «евразийский украинец», или «евразийский узбек». Сам Николай Сергеевич, похоже, сомневался, что в евразийскую симфоническую личность [4, с. 90—102] могут войти также «евразийский немец» или «евразийский француз» и, казалось бы, совсем маловероятно — «евразийский англичанин». Сомнения Николая Сергеевича основаны на его постулате, что романо-германская цивилизация основана на характерном для Западной Европы коллективном эгоцентризме [4, с. 27—90].

Соответственно, (потенциально) евразийские народы не страдают недугом эгоцентризма и характерного для него духом национального совершенства и превосходства над другими народами. Евразийство — это общая жизненная среда, которая позволяет узбеку оставаться узбеком, и в то же время восхищаться Достоевским и бурятским горловым пением, или как Льву Платоновичу Карсавину (1882—1952) оставаться православным мыслителем в Париже, потом читать лекции на литовском языке в Каунасе, признавать относительную правду большевизма (*sic!*) и, в конце концов, умереть в сталинском Гулаге как «антисоветчик» смертью православного мученика.

Евразийство как социальная реальность возможна только в единении в общем евразийском евразийских наций и народностей, формирующих уникальную симфоническую личность под названием «Евразия». Практические следствия отсюда таковы, что если не созрели предпосылки для появления евразийских узбеков, наряду с евразийскими якутами или татарами и т. п., то и словосочетание «евразийский русский» — это лишь пустой звук. Как бы то ни было, симфоническая личность «Евразия» отторгает внутреннюю структуру, основанную на романо-германском принципе господства и подчинения.

Главный принцип Евразии сводится к призыву: «Пусть цветут все цветы, (кроме ядовитых)!»

Отцом-основателем евразийской геополитики, на мой взгляд, можно считать Петра Яковлевича Чаадаева (1794—1856). С одной стороны, парадоксальная личность Чаадаева являла собой икону европеизированного русского аристократа, с его заботой об изысканной одежде на грани «гардеробного нарциссизма», с его активным участием в масонском движении и прочих тайных обществах, с его чрезвычайно высокой самооценкой на грани гордыни, что, впрочем, не мешало Чаадаеву называть себя «христианским философом». С другой стороны, Чаадаев — русский патриот высокого эмоционального накала, искренно надеющийся на высокое предназначение России.

В «Философических письмах» Чаадаева, написанных на французском языке, присутствуют, казалось бы, несовместимые мысли, которые в принципе могли дать повод считать, что автор страдает раздвоением личности. Так, вначале своего письма Чаадаев пишет: «И, к примеру сказать, Вы, сударыня, столь счастливо одаренная для восприятия всего доброго и истинного на свете, Вы, как бы созданная для испытания всех самых сладостных и чистых душевных наслаждений, чего, Вы, спрашивается, достигли при всех этих преимуществах? *Вам всё еще приходится разыскивать, чем бы наполнить даже не жизнь, а только текущий день* (курсив мой. — С. К.)» [2, с. 9—10].

Последняя фраза — вопиющее свидетельство не только социальной изолированности высшего сословия России от русского мира, но и свидетельство *ненормальности* бытия высшего сословия России. Какой обычный православный, особенно, в начале 19 века, в отличие от «христианского философа» Чаадаева, смог бы «ужасаться» тем обстоятельством, что некая аристократическая особа страдает от безделья и скуки и если бы не «философические письма» Чаадаева, то ей даже пообщаться не с кем? Ведь русский язык для неё, быть может, и не совсем чужой в лингвистическом смысле. Но он ей претит, он ей чужд, он неспособен выражать её офранцузенную душу. Кстати, надо отдать должное парадоксальной деликатности Чаадаева: было бы абсурдно и не по-джентльменски поносить всё русское средствами

русского языка. Впрочем, я вполне допускаю мысль, что Чаадаев владел французским языком, лучше русского. Вот ещё характерное свидетельство классовой спеси автора «Философических писем»: «Даже и высшие классы, как ни прискорбно, не свободны от пороков, которые у других свойственны только классам низшим» [2, с. 15].

Вдруг после этих крепостнических откровений «христианского философа» Чаадаева, читаем следующее: «А между тем, раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны были бы сочетать в себе два великих начала духовной природы — воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара» [2, с. 16]. Данный тезис примечателен по двум основаниям: с формальной стороны, чисто лингвистически бросается в глаза, что излюбленной формой изложения для Чаадаева является *сослагательное* наклонение. Однако, у сослагательного наклонения в русском языке, в отличие от французского, нет четкого различия между безвозвратно утраченной возможностью в прошлом и потенциально реализуемым шансом в будущем. Если бы Чаадаев изначально писал по-русски, ему бы пришлось учесть этот «дефект» русского сослагательного наклонения.

С материальной стороны, процитированный тезис Чаадаева вполне можно «развивать» и в духе славянофильской идеологии Николая Яковлевича Данилевского (1822—1885) [1], и в духе «панкатолицизма» В. С. Соловьева (1853—1900), и даже в духе русского евразийства. Надо отметить, что с экуменической религиозной философией В. С. Соловьева явно не гармонирует его идиосинкрязия против «желтой угрозы» и латентно расистской концепции под названием «панмонголизм».

В строгом смысле евразийская геополитика начинается с Николая Сергеевич Трубецкого. При этом Трубецкой сразу же наметил специфику евразийской версии геополитики, резко отличающие её от западных версий (см. ниже). Дело в том, что евразийская геополитика — это не столько специальное учение о «земном пространстве», сколько прикладная к Евразии *персонология*. Согласно, Трубецкому Евразия — это, прежде всего, т. н. симфоническая личность, под которой автор понимает следующее:

«При этом евразийство значительно углубляет и расширяет понятие личности, оперируя не только с личностно-человеческой, и с многоличностно-человеческой личностью, «симфонической» личностью. Так, личностью с евразийской точки зрения является не только отдельный человек, но и народ. Мало того, даже целая группа народов, создавших, создающих или могущих создать особую культуру, рассматривается как особая личность... В принципе каждая личность есть (фактически или потенциально) индивидуация другой, более «объёмистой» личности. Существует как бы особая иерархия личностей — по признаку вхождения их друг в друга. Каждая личность существует в контексте этой иерархии личностей, т. е. эмпирически существует постольку, поскольку, с одной стороны, имеет определенные индивидуации, а с другой — сама является одновременной индивидуацией другой личности» [4, с. 93—95].

В евразийской персонологии Трубецкого нет места западному индивидуализму в виде крайнего, изолированного и поэтому в тенденции асоциального эгоцентризма. Человеческая личность конкретного Петра или Тимура или Жангира органически вплетена в личность локальной евразийской народности, скажем, южнорусской или же поволжско-татарской или же северо-казахской. Последние, в свою очередь представляют собой локальные

индивидуации русского, татарского и казахского этносов и обеспечивают многообразие и многополярность симфонической личности Евразии в целом.

Программные идеи Николай Сергеевича Трубецкого в политико-географическом смысле плодотворно развивал Петр Николаевич Савицкий (1895—1968). Прежде всего, он унаследовал от Трубецкого конструктивный отказ от идеи прогресса: «Евразийцы примыкают к тем мыслителям, которые отрицают существование универсального прогресса» [2, с. 665]. В терминах Трубецкого идея прогресса «стоит и падает» с признанием или отрицанием «аксиомы» о векторе развития от «низшего» к «высшему». При этом в самой идеи прогресса, или развития одновременно содержится ничем не обоснованное ценностное суждение о том, что «прогресс» всегда означает движение от «худшему» к «лучшему».

Напротив, эволюция — это *нейтральное* понятие, которое указывает просто на изменение, на динамику перехода от одной конфигурации той или иной культуры к другой её конфигурации. Эволюция — просто сокращенное название процесса адаптации социо-культурной общности к эндогенной окружающей среде. Более того, «[е]сли линия эволюции разно пролегает в разных отраслях, то не может быть и ... общего восходящего движения, нет постепенного неуклонного общего совершенствования; та или иная культурная среда, ... совершенствуясь в одном (с одной точки зрения), нередко упадет в другом, с другой точки зрения. Это положение приложимо, в частности, к европейской культурной среде: свое научное и техническое «совершенство» она купила, с точки зрения евразийцев, идеологическим и более всего религиозным оскудением» [2, с. 665].

Вот ещё пример из современной всеобщей компьютеризации: многие школьники виртуозно пользуются электронными гаджетами, часто применяя их в качестве «резервного мозга». Однако, их собственные когнитивные способности при этом чахнут вплоть до того, что школьникам становится трудно выразить мысль, которая не уместается в одно единственное высказывание. Деградация налицо: слитно в одной фразе выразить относительно сложный тезис они не могут, им приходится «резать» мысль на короткие синтагмы, но уже на второй синтагме мысль, как правило, «уходит».

Александру Гельевичу Дугину принадлежит следующий тезис: «Россию спасет парадокс, — утверждали евразийцы, — Монархия плюс социализм, православный большевизм, славянофильский футуризм, федеральная империя, архаический авангардизм» [3, с. 8]. В этом действительно парадоксальном тезисе много дискуссионного. Прежде всего, сам Дугин четко разграничивает не только классиков евразийства (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий) и национал-большевиков (например, Н. В. Устрялов), но и внутри евразийцев различает «пражан» (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий) и «парижан» (Л. П. Карсавин). Соответственно, тезис о «парадоксальных евразийцах» нуждается в уточнении. Далее, как раз основателей евразийства («пражан») трудно причислить к сторонника «монархического социализма» и «славянофильского футуризма», даже если бы эти парадоксы имели какой-то внятный смысл. И совершенно непонятно, каким образом мог бы спасти Россию более чем загадочный «архаический авангардизм».

Однако остаётся действительно жизнеспособный (предпоследний) парадокс при условии, если под «федеральной империей» следует понимать *федеративную* империю. Слово «федеральная власть» всегда имеет коннотацию т. н. административной вертикали в духе западного государственоведения

и фактически дезавуирует идею Трубецкого о социо-культурном сообществе в виде «евразийской матрешки», обеспечивающей симфоническое единство персональных индивидуаций всех уровней.

Другое дело — евразийская федеративная империя, которая держится на двух столпах, а именно на принципе особой евразийской *формы* государственности (= симфоническая личность, где «политический дирижер» — лишь медиум, а не творец симфонии), а также на принципе приоритета евразийских феноменов над неевразийскими. Евразийские феномены — всё, что содействует внутренней гармонии и стабильности внутри евразийского пространства и направлено на экзистенциальную поддержку и взаимопомощь всех народов Евразии. Неевразийские феномены — всё, что наносит вред экологического, социально-экономического и социо-культурного характера симфонической личности под названием «Евразия». Так, индивид, подчиняющий свое поведение, скажем, матрице «евразийский русский» — это евразийский феномен. Напротив, индивид, проживающий в Евразии и считающий себя просто «православным» или просто «мусульманином» или просто «художником-авангардистом» или просто «инженером ЖКХ» — это все неевразийские феномены. Так или иначе, они заявляют о своей индифферентности и внешности к уникальной симфонии под названием «Евразия».

Западная геополитика представляет собой резкий контраст по сравнению с евразийской идеей федеративной империи. Родоначальником европейской геополитики справедливо считают Фридриха Ратцеля (1844—1904): «Через все наше суждение о народах проходит несомненный основной факт — чувство индивидуального превосходства, которое заставляет нас думать скорее неблагоприятно, чем благоприятно, о наших ближних. Мы должны... стремиться к тому, чтобы быть справедливыми, и в этом нам поможет народоведение, которое ведя нас от одного народа к другому и заставляя при этом, то подниматься, то опускаться на несколько ступеней, приучает нас во всех действиях людей и народов... видеть характер постепенности» [2, с. 57] .

В этой программе, которую наметил себе Ратцель, мы отчетливо видим все признаки эгоцентризма, подмеченные Н. С. Трубецким в романо-германском мировоззрении (см. выше). Как известно, Ратцель был не только географом, но и зоологом, поэтому в его «антропогеографии» принцип прогресса легко сочетается с принципом пресловутой «борьбы за выживание». В терминах геополитики это означает борьбу наций за жизненное пространство. По мнению Ратцеля, такая борьба всегда ведет к укрупнению срединного культурного государства, которое стеснено со всех сторон другими государствами.

Таким срединным государством в Европе немцы не без оснований считали Германию. Как своеобразный живой организм срединное государство борется за выживание тем, что вынуждено расширять своё «жизненное пространство» (*Lebensraum*). В итоге такого геополитического «расширения» срединное государство Европы на западе должно дойти до естественного предела, т. е. до западного побережья Франции. С расширением на восток (*Drang nach Osten*) не всё так просто. Теоретическим пределом расширения срединного государства Европы можно было бы считать Уральский хребет, но «расширяться Сибирью и тайгой» романо-германская цивилизация не в состоянии как минимум по двум основаниям:

(1) Срединному государству (например, в лице нынешнего Евросоюза) противостоит т. н. сердцевинное государство (*heartland*). Т. е. современная

Россия, которая уже несколько веков худо-бедно «прирастает Сибирью», и как ни оценивать эффективность этого прирастания, чисто хронологически, эмпирически и, главное, социо-культурно Россия имеет огромное преимущество перед коллективным Западом в том, чтобы и впредь удерживать контроль над Зауральем и его постепенным цивилизационным обустройством.

(2) Даже если допустить метафорический и даже фиктивный смысл термина «сердцевинное государство» в отношении нынешней России, Западная Европа не в состоянии обеспечить должную социо-культурную интеграцию Зауралья в социо-культурную «антропогеографию» анемичной, идеологически ущербной, техницистской романо-германской цивилизации.

Библиографический список

1. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 557 с.
2. Классика геополитики, XIX век: сб. / сост. С. Королев. М.: АСТ, 2003. 718 (2) с.
3. *Савицкий П.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
4. *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. 560 с.

Информация об авторе / Information about the author

Королев Сергей Викторович — доктор юридических наук, главный научный сотрудник ИГП РАН, профессор ГУЗ, член редколлегии журнала «Rechtstheorie» (Берлин, Мюнстер), г. Москва, Россия, sko.05@mail.ru

Korolev Sergey Viktorovich — PhD (law), chief scientific researcher at the State and Law Institute (The Russian Academy of Sciences), full professor at the University of Land Use Management, member of the editor board of the journal «Rechtstheorie» (Berlin, Münster), Moscow, Russia, sko.05@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА В ТРУДАХ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ ПРАВА В ИЗГНАНИИ: РАЗВИТИЕ И КРИТИКА

Аннотация. В статье рассматривается течение евразийства, сложившееся в эмигрантской среде, как реакция на потрясения, постигшие Россию и мир в первой половине XX века. Евразийство представляет собой концепцию устройства России-Евразии, как самобытной страны, цели и задачи которой определены исторически и географически: объединение народов, проживающих на территории Евразии, под которой понималась территория восточно-европейской, западно-сибирской и туркестанской равнин в совокупности с возвышенностями, отделяющими равнины друг от друга, а также развитие евразийского духа путем установления особых типов государственного устройства — идеократии, характеризующейся главенством «идеи-правительницы», на основе верности к которой осуществляется отбор в политическую элиту государства, и демотии- многоступенчатой демократии, базирующейся на перестройке советских государственных органов. С целью изучения основ евразийства автором были рассмотрены основные труды евразийцев: филолога, философа и лингвиста кн. Н. С. Трубецкого (1890—1938), географа, экономиста П. Н. Савицкого (1895—1965), историка Г. В. Вернадского (1877—1973), правоведа и политика Н. Н. Алексеева (1879—1964), а также программные документы, публикуемые в евразийских сборниках. Для более полной оценки теоретической концепции были также изучены статьи русских философов эмигрантов, относящихся к евразийству критически.

Ключевые слова: евразийство, Евразия, демотия, идеократия, самобытность России.

Благодарность: работа выполнена при поддержке и наставничестве заведующего кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Ивановского государственного университета Е. Л. Поцелуева.

Р. А. Pronin

THE CONCEPT OF EURASIANISM IN THE WORKS OF RUSSIAN PHILOSOPHERS OF LAW IN EXILE: DEVELOPMENT AND CRITICISM

Abstract. The article examines the current of Eurasianism that has developed in the emigrant environment as a reaction to the shocks that overtook Russia and the world in the first half of the XX century. Eurasianism is a concept of the structure of Russia-Eurasia as an original country, the goals and objectives of which are defined historically and geographically — the unification of peoples living on the territory of Eurasia, which was understood as the territory of the East European, West Siberian and Turkestan plains in conjunction with the hills separating the plains from each other, as well as the development of the Eurasian spirit by establishing special types of state device — ideocracy, characterized by the primacy of the “idea-ruler”, on the basis of loyalty to which selection to the political elite of the state is carried out,

and demotia — a multi-stage democracy based on the restructuring of Soviet state bodies. In order to study the foundations of Eurasianism, the author reviewed the main works of Eurasians: philologist, philosopher and linguist N. S. Trubetsky (1890—1938), geographer, economist P. N. Savitsky (1895—1965), historian G. V. Vernadsky (1877—1973), lawyer and politician N. N. Alekseyev (1879—1964), as well as program documents published in Eurasian collections. For a more complete assessment of the theoretical concept, articles by Russian philosophers of emigrants who are critical of Eurasianism were also studied.

Key words: Eurasianism, Eurasia, demotia, ideocracy, identity of Russia.

Acknowledgments: the work was carried out with the support and mentoring of the Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law Evgeny Leonidovich Potseluev.

Потрясения, достигшие Россию в первой четверти XX века, и радикальные преобразования, происходившие в стране в тот же период, неизбежно привели к реакции среди выдающихся представителей отечественной философской мысли, находившихся в эмиграции и пытающихся переосмыслить государственное устройство и путь России в условиях социально-экономических и культурных проблем. Одновременно с эти переживали кризис и демократические западно-буржуазные государства, что заставляло интеллигенцию искать альтернативные пути государственного развития. На данной почве активно развивается концепция евразийства, как самобытного пути развития России-Евразии, представляющей собой мир, отличающийся как от стран, лежащих к западу, так и от стран, лежащих к юго-востоку и югу от него, простирающийся на территории восточно-европейской, западносибирской и туркестанской равнин в совокупности с возвышенностями, отделяющими равнины друг от друга [9, с. 100].

В основе учения евразийства лежит историко-политическая идея о России, как преемнице империи Чингисхана, а не Киевской Руси. Киевская Русь представляла собой слабое государство, не являющееся значительной единицей в регионе, не способное выполнять свои основные географические задания, к числу которых Н. С. Трубецкой относит обеспечение товарообмена между Балтийским и Черным морем, и, вследствие этого, раздираемое от внутренних противоречий [12, с. 211—212]. Монгольская империя при Чингисхане, не только исполнила свое основное предназначение, а именно объединила территории Евразии, но и завоевала Азию, используя впоследствии культурные богатства азиатских стран для развития евразийского региона [12, с. 215—216]. Границы России в XX веке воспринимались евразийцами через призму «географического ядра» империи Чингисхана, совпадающего с территориями СССР в 20-е годы. Исходя из этого, объяснялось отделение некоторых территорий царского периода, присоединенных в послепетровскую эпоху, к числу которых относятся Прибалтика, Финляндия и Польша, как естественный процесс отделения земель, не входивших в монгольскую империю и от того не имеющих исторических связей с Россией. В свою очередь другие территории, входившие в монархию Чингисхана или не входившие, но географически и этнографически связанные с ней, были удержаны и сохранены советской властью, за исключением некоторых регионов, вроде Бессарабии, которые неизбежно будут возвращены ввиду их природной расположенности к России-Евразии [12, с. 212—213].

Влияние Монгольской империи на Россию, по мнению евразийцев, имело положительный характер: несмотря на то, что монгольское иго способствовало отрыву русских земель от Европы, оно же поставило их в теснейшую связь со «степным центром и азиатскими перифериями материка» [4, с. 255]. Будучи частью Монгольской монархии, Русское государство переняло у нее не только часть государственной структуры (систему путей сообщения и государственного управления, финансовую и почтовую системы и др.), но и саму идею государственности, выгодно отличавшуюся от идеи удельно-вечевой Руси, отделив ее от «монгольства» и сделав русской, обратившись к византийской государственной традиции и христианской религии [12, с. 225—226]. Однако, несмотря на большую роль Монгольской империи в становлении России-Евразии, было бы ошибочно полагать, что древняя Русь не воспринималась евразийцами как сила достаточная, чтоб находиться у истоков евразийской культуры и оказывать на нее свое влияние: «Культура эта проникнута христианскими традициями Византии и испытала на себе влияние духовных заветов религий Азии» [5, с. 8]. В сочетании данных элементов евразийцам и виделась причина величия Московской Руси «татарской, в основном, по своей материи, восточной и византийской по своему духу» [5, с. 8].

Причины революций в России в первой четверти XX века евразийцы видели в пагубном влиянии европейской культуры, проникнувшей в Россию-Евразию и поработившей ее во время преобразований Петра I. Послепетровский период в истории России Н. С. Трубецкой, называет «периодом антинациональной монархии», характеризуя его засильем иностранцев, разрушением национальных устоев и забвением исторического прошлого страны вследствие европеизации и стеснением интеллигенции своего русского происхождения. Революция оказалась неизбежной из-за копившейся ненависти к власти, противопоставляющей себя России, удушающей ее живую индивидуальность в угоду построению мощной европейской державы [12, с. 250]. Будущее России евразийцы видят в окончательном отказе от всякого проявления европейского духа и решительной борьбы против европейской цивилизации [12, с. 260], а также в раскрытии евразийской культуры, которая «жила в состоянии неопознанности своего внутреннего существа» [5, с. 9].

Для самобытного и уникального евразийского государства не подходило ни разлагающееся буржуазно-демократическое устройство, ни фашистское или коммунистическое, с провозглашаемой диктатурой определенного социально-экономического класса или определенной нации, а также с установлением культа личности, возглавляющей государство. Евразийцы выделяли новый вид государственного устройства — идеократию, характеризующуюся основополагающим положением идеи-правительницы. П. Н. Савицким выводится концепция идеалоправства — господства идеи, правящей народами и странами, создающей и воспитывающей исторических личностей [10, с. 9]. Идея-правительница, освещающая народ, неспособный в полной мере осознать и воспринять ее, рождается и растет в общей обстановке момента и эпохи, выращиваемая самосознанием и духовным опытом интеллигенции [10, с. 9, 11]. Исходя из того, что «всякое длящееся правление, будь оно единоподержавным, народодержавным или иным, есть та или иная форма осуществленного идеалоправства» [10, с. 10], нивелируется разница между монархиями и республиками.

Развивая концепцию идеократии Н. С. Трубецкой подтверждает несущественность деления формы правления на республики и монархии

для выделения политической системы государства, исходя из того, что срочность или бессрочность обязанностей и функций главы государства (именно в сроках пребывания у власти Н. С. Трубецкой видел основное различие между формами правления) не играют столь важную роль, как сами обязанности и функции и порядок наполнения правящего слоя из общей массы данной общественно-культурной среды [14, с. 407—408]. Именно тип отбора правящего слоя важен для характеристики государства. Трубецкой выделяет два основных типа отбора установившихся в Европе: 1) аристократический, при котором правящий слой отбирается исходя из знатности своего происхождения, соответственно все прочие сословия, кроме аристократии, лишены политических прав; 2) демократический, характеризующийся формальным отбором по признаку отражения общественного мнения и получения общественного доверия. Однако, как отмечает Н. С. Трубецкой, фактически правящий слой состоит из профессиональных ораторов и депутатов, способных внушать гражданам различные мысли и желания под видом собственного мнения избирателя.

Господствующим среди них признается демократический тип отбора правящего слоя ввиду устаревания монархий и утраты монархами и аристократией реальной власти. Однако и демократический строй с его типом отбора теряет свой престиж и также близок к своей гибели, как аристократический. На смену изживающим себя демократическим и аристократическим строям приходит идеократия — «строй, в котором правящий слой отбирается по признаку преданности одной общей идее-правительнице» [13, с. 438]. В качестве подтверждения неизбежности смены демократии и аристократии на идеократию Трубецкой приводит в пример Италию и СССР, в которых сформировались несовершенные вариации нового типа отбора. Идеократическое государство должно иметь свою идею-правительницу, носителем которой является объединенный в одну-единственную государственно-идеологическую организацию правящий слой [13, с. 438]. Идеократическое государство обязано быть социалистическим, ввиду того, что государство, ведомое идеей-правительницей, в отличие от демократических стран, должно активно руководить всеми сторонами общественной жизни и не допускать вмешательства каких-либо неподконтрольных ему сил. В этом подходе к определению роли государства в обществе наблюдается проявление некоего этатизма. Обосновывая несостоятельность идеократии в фашистских и коммунистических странах, Трубецкой указывает, что ни блага определенной нации, ни блага определенного класса не могут лежать в основе идеи-правительницы, а само проявление идеологии, свойственной для демократических режимов, является лишь следствием внешнего проявления идеократии при отсутствии ее внутреннего содержания, заменяемого атрибутами иных политических систем [13, с. 440]. Подлинной наполняющей идеи, лежащей в основе идеократии, может быть только благо совокупности народов, населяющих идеократическое государство, территория которого полностью совпадает с определенным автаркическим миром [13, с. 441].

Идеократическому государству необходима автаркия как для реализации планового регулирования государством сфер общественной жизни, так и для защиты от неконтролируемых внешних сил в виде частного капитала. В качестве основной положительной стороны автаркии евразистам видится ее неизменность, гарантирующая мирное сожительство областей, объединенных

историей, цивилизацией, национальными особенностями и национальным равновесием, а не только экономикой [11, с. 436].

Другой теоретик евразийства Н. Н. Алексеев считал, что сама природа власти является идеократической. Алексеев приходит к выводу, что правящий слой изначально возникает в первую очередь благодаря идейному единству властвующих и подвластных, поскольку благодаря способности имущих властвовать над душами неимущих первым удастся удерживать обладание землей и средствами производства [1, с. 484—485].

Отбор правящих элит, а также политическая система идеократического государства определяется исходя из принципа демотии, при котором «властная организация, костяк государственной жизни — государственный актив, признает и нечто, от него отличающееся, ему противоположное — стихию меняющихся народных настроений, учитывает ее и считается с нею» [8, с. 489]. Евразийцы не были сторонниками многопартийности и считали, что в государстве должна существовать лишь одна партия, состоящая из лояльных идее-правительнице членов. Однако не предполагалось полное отсутствие политической конкуренции, в евразийском государстве помимо главенствующей политической партии основной политической единицей, выражающей мнение общества, являлись функциональные группы, под которыми подразумевались союзы и общества, выражающие интересы представителей различных профессий и экономических специальностей, национальностей, отдельных территорий [5, с. 16]. Единицей государства, в свою очередь, является округ — каждый город с определенным районом, связанным с ним культурно-экономической связью. Высшим органом округа является окружной съезд, избираемый населением, определяющий общие принципы деятельности округа и назначающий председателя окружной управы. Государство должно было быть устроено в виде «союза автономных округов» [6, с. 79]. Высшим органом государства является Всероссийский Съезд Округов, в который входило по одному депутату от каждого округа. Съезд определял общие принципы политики государства, контролировал государственные органы, а также избирал ЦИК Съезда и главу государства — Государственного старшину. ЦИК является верховным законодательным органом и комплектуется наполовину по спискам составленным правящей партией, а наполовину по спискам, предоставленным профессиональными организациями и союзами. Евразийцами фактически устраняется присущее советскому строю дублирование государственных и партийных органов. В противовес ЦИКу выступал Государственный старшина, избираемый Съездом на «три трехлетия с правом переизбрания» [6, с. 80]. Глава государства представлял Союз во внешних сношения, являлся верховным главнокомандующим, формировал высший орган исполнительной власти — Совет народных комиссаров [6, с. 80].

Государство, устроенное на основе идеократических и демотических принципов, представлялось евразийцам наиболее оптимальным для развития России-Евразии, реализации ее целей, обусловленных ее географическим положением. В данном устройстве, заключающемся в преобразовании советского строя с сохранением власти советов, отрицании буржуазно-демократических институтов, а также фашистских корпоративных и расовых начал, видится продолжение развития революционных идей.

У концепции евразийства находились не только свои сторонники, развивающие идею самобытности России, но и критики. Активно критикует

концепцию идеократии Н. А. Бердяев в статье «Утопический этатизм евразийцев». Философ находит сходство между идеократией и коммунизмом: «Коммунизм тоже есть идеократия, господство подобранного правящего слоя, претендующего быть носителем истинной коммунистической идеологии, идеи пролетариата» [2, с. 302]. Приводится и аналогия с платоновским идеальным государством, управляемым философами, являющимся при этом, как пишет Бердяев, абсолютной тиранией. Само по себе по мнению Н. А. Бердяева стремление к идеальному государству, организующему всю жизнь общества, является безбожным стремлением, а государственный абсолютизм — порождением язычества [2, с. 303]. Особого внимания заслуживает обвинение евразийцев в европеизации и американизации России, ввиду того, что евразийцы исповедуют свойственные для Европы идеи государственности, национализма, рационализма и боязни мистики, порывая с традициями отечественной национально-религиозной мысли. «Отталкивание от Европы, — как пишет Н. А. Бердяев, — и обращение к Азии ничуть не мешают европеизации» [2, с. 305]. Религиозный философ до конца отстаивает свободу духа человека от государства, указывая, во-первых, на то, что подлинная идеократия возможна лишь в царстве божьем, а, во-вторых, на не совершенность государств ввиду того, что совершенство «есть преодоление и отмена государства». «Государство должно быть сильным, но должно знать свои границы» [2, с. 303].

Идеи евразийцев подвергает критике П. М. Бицилли в статье «Два лика евразийства». Первый лик заключается в самом названии и является в отрицании факта того, что «Россия, т. е. Российская Империя, есть Евразия и всегда была Евразией» [3, с. 279]. Величайшее своеобразие русского исторического развития автор видит в слиянии в один процесс образования империи и формирования нации. Второй лик проявляется в стремлении евразийства стать единственной партией, особое внимание акцентируется на потенциальной закрытости партии для представителей различных народов и религий. П. М. Бицилли выдвигается тезис о бессмысленности советов, как государственных органов, в идеях евразийцев об однопартийной системе, поскольку государство, как единое целое, является воплощением общей воли, проявляющейся, в том числе, в партиях [3, с. 287].

Не столько критике, сколько выявлению беспочвенности основ евразийства посвящена статья А. А. Кизеветтера «Евразийство». В первую очередь, Кизеветтер откровенно высмеивает такое «открытие» евразийства как европейско-азиатский колорит происхождения и развития России: «Вот положение, против которого ничего нельзя возразить и против которого настолько никто не возражал, что ради его обоснования, в сущности, не было бы и надобности создавать новое учение» [7, с. 268]. А. А. Кизеветтер указывает на глупость противопоставления России, как уникальной и самобытной страны, не укладывающейся «в рамки общеевропейского жизненного развития» и Европы, как единого целого, поскольку в составе европейской культуры нельзя не выделить «целый ряд национальных своеобразий». Следовательно, продолжает мысль Кизеветтер, ни одну европейскую страну нельзя признать Европой, или, наоборот, «если местные своеобразия западноевропейских стран не препятствуют им, тем не менее, принадлежать к единому миру европейской культуры, то и наличность в русской культуре местных своеобразий вовсе еще не служит сама по себе основанием для признания

России страной неевропейской» [7, с. 271]. Под сомнение ставится идея евразийцев о главенствующей роли татаро-монгол в истории России. Кизеветтер признает влияние монголов на развитие государственной техники в Московском государстве, но подвергает критике тезис о том, что «что Московское государство сложилось в форме татарской орды и было обязано татарскому руководительству всеми основами своей государственности» [7, с. 275]. Критически Кизеветтер подходит и к тезису о возвращении русского национального самосознания на почве тяготения к татарщине, подчеркивая, что значение имел диаметрально противоположный процесс, в основе которого лежит возмущение татарским игом и сознательное отталкивание татарщины, «как от чужеродного тела в организме русской жизни». В конце статьи лишний раз подчеркивается абсурдность непринятия «гниющего» европейского запада: «как давно, подумаешь, он уже гниет: еще наши деды, если не прадеды, в 40-х годах XIX в. твердили об этом гниении, а все никак сгнить не может» [7, с. 278]. В противовес Западу, как пишет Кизеветтер, евразийцы предлагают миру «небывалую картину экономического прогресса под пятой патриархального деспотизма» [7, с. 278].

Евразийство представляет собой противоречивую концепцию устройства России, родившуюся в период существенных национальных и мировых потрясений, вобравшую в себя особенности революционных течений, пришедших в XX веке на смену парламентско-демократическому устройству в некоторых странах мира. Оценить евразийство по достоинству в полной мере не представляется возможным ввиду нереализации концепции на практике, что, в свою очередь, оставляет определенные постулаты евразийства актуальными для изучения. В первую очередь, это замена исключительно русского национализма, присущего Российской империи, евразийским национализмом, господством некой наднациональности, объединяющей под собой все народы Евразии. Значимым в учении евразийцев является уделение внимания историко-географическому аспекту в изучении развития российской государственности. Однако в данном случае и справедлива критика современников евразийства о положении Монгольской империи в истории России, а именно, ее основополагающего влияния в становлении Русского государства. Весьма смело и ново с позиций первой половины XX века воспринимается переориентация с Европы на Азию, как на регион с большим культурным и экономическим потенциалом. Но нельзя не отметить и ошибочность желания евразийцев полностью разорвать связь с западным миром из-за сохранения значимых тесных отношений России с европейскими странами ввиду ее географического положения, предполагающего взаимосвязь как с Азией, так и с Европой. Несмотря на критику евразийства и его незавершенность, нельзя отрицать одну важную особенность отношения евразийцев к самой России в белоэмигрантской среде. В то время, как представители белой эмиграции писали о кончине своей родины и стремились, используя европейский военный контингент, восстановить свое положение в стране (данный аспект проявится уже в годы Великой Отечественной войны), евразийцы приняли революцию и своей основной целью ставили преобразование страны с сохранением наиболее важных революционных завоеваний.

Библиографический список

1. *Алексеев Н. Н.* Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003. С. 386—625.
2. *Бердяев Н. А.* Утопический этатизм евразийцев // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 301—307.
3. *Бицилли П. М.* Два лика евразийства // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 279—292.
4. *Вернадский Г. В.* Монгольское иго в русской истории // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. М.: Беловодье, 1997. С. 250—265.
5. Евразийство: Декларация, формулировка, тезисы. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1932. 28 с.
6. К вопросу о преобразовании советского государственного строя // Евразийский сборник. Кн. VI. Прага-Париж: Евразийское книгоиздательство, 1929. С. 78—80.
7. *Кизеветтер А. А.* Евразийство // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 266—279.
8. *Савицкий П. Н.* Евразийство как исторический замысел // Савицкий П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 479—495.
9. *Савицкий П. Н.* Евразийство // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 100—114.
10. *Савицкий П. Н.* Подданство идеи // Евразийский Временник. Кн. III. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923. С. 9—18.
11. *Трубецкой Н. С.* Мысли об автаркии // История. Культура. Язык. М.: Издательская группа Прогресс, 1995. С. 436—438.
12. *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 211—267.
13. *Трубецкой Н. С.* Об идее-правительнице идеократического государства // История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 438—444.
14. *Трубецкой Н. С.* О государственном строе и форме правления // История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 406—417.

Информация об авторе / Information about the author

Пронин Петр Александрович — студент 2 курса юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ppronin282@gmail.com

Pronin Pyotr Alexandrovich — 2nd year student of the Faculty of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, ppronin282@gmail.com

А. В. Скоробогатов

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФИЛОСОФИИ ПРАВА Н. Н. АЛЕКСЕЕВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию философии права одного из крупнейших представителей российской юридической науки в эмиграции Николая Николаевича Алексева. На основе анализа его произведений эмигрантского периода проведено изучение аксиологических аспектов его философии права. Это позволило выявить его место в развитии юриспруденции русского зарубежья не только содержательно, но и методологически. Проведенное Н. Н. Алексеевым изучение сущности, функционирования и развития российского государства как ретроспективно, так и функционально привело его к разработке собственной оригинальной концепции «гарантийного государства», основанного на ценностном синтезе идей диктатуры, народоправства и социальной справедливости. Правовое регулирование в таком государстве хотя и осуществляется с помощью законов, но последние, будучи основаны на синтезе религии и морали, не столько устанавливают ограничения, сколько определяют свободу воли субъекта. В результате проведенного исследования автором статьи сделан вывод, что философия права Н. Н. Алексева стала адаптацией феноменологии права к российской правовой реальности. Большое место в его правопонимании занимают аксиологические вопросы, которые раскрываются на основе обращения к православию как духовной основе правового регулирования причем как в ретроспективном аспекте, так и применительно к правовой реальности первой половины XX в. Анализ аксиологической составляющей философии права Н. Н. Алексева позволяет отнести его взгляды к ранним вариантам интегративного правопонимания.

Ключевые слова: Николай Николаевич Алексеев, феноменология права, аксиология права, правопонимание русского зарубежья, гарантийное государство.

A. V. Skorobogatov

AXIOLOGICAL ASPECT OF THE PHILOSOPHY OF LAW OF N. N. ALEKSEEV

Abstract. The article is devoted to the study of the philosophy of law of one of the largest representatives of Russian legal science in exile, Nikolai Nikolaevich Alekseev. Based on the analysis of his works of the emigrant period, the study of the axiological aspects of his philosophy of law has been done. This made it possible to reveal its place in the development of the jurisprudence of the Russian diaspora, not only in terms of content, but also methodologically. Conducted by N. N. Alekseev's study of the essence, functioning and development of the Russian state, both retrospectively and functionally, led him to develop his own original concept of a "guaranteed state" based on a value synthesis of the dictatorship ideas, people's rule and social justice. Legal regulation in such a state, although is carried out with the help of laws, but the latter, being based on the synthesis of religion and morality, not so much establish restrictions as determine the freewill of the subject. Because of the study, the author of the article concluded that the philosophy of law

of N. N. Alekseev became an adaptation of the phenomenology of law to the Russian law reality. A large place in his legal understanding is occupied by axiological issues that are revealed based on an appeal to Orthodoxy as the spiritual basis of legal regulation, both in a retrospective aspect and in relation to the legal reality of the first half of the 20th century. Analysis of the axiological component of the philosophy of law of N. N. Alekseev allows us to attribute his views to the early versions of integrative legal thinking.

Key words: Nikolai Nikolaevich Alekseev, phenomenology of law, axiology of law, law understanding of the Russian diaspora, guarantee state.

Современный правовой дискурс России характеризуется усилением внимания к правовому наследию предшествующих периодов развития отечественной юридической науки не только с гносеологических позиций, но и в методологическом контексте. Целью последнего подхода становится уже не просто анализ взглядов отдельных ученых или правовых школ, но и попытка выявить в их мировоззрении идеи, которые могут быть использованы для исследования современной правовой реальности. При этом основной исследовательский интерес сосредоточен на российской юридической науке дореволюционного периода. Гораздо меньше повезло русскому зарубежью, тем более что наиболее крупные фигуры, взгляды которых имели методологическое значение, достаточно быстро влились в русло зарубежной науки и едва ли могут рассматриваться с точки зрения эмигрантского дискурса. Прежде всего, речь идет о П. А. Сорокине, Г. В. Гурвиче, П. Г. Виноградове, взгляды которых сложились именно в эмигрантский период [6]. Больше повезло Л. И. Петражицкому, творческое наследие которого, неоднократно становилось объектом как историко-правовых, так и философско-правовых исследований [20]. Однако необходимо помнить, что взгляды Петражицкого преимущественно сформировались до революции, и в период эмиграции не претерпели существенного изменения.

Несмотря на то, что в составе русской эмиграции первой волны было достаточно большое число ученых-юристов, что стало основой для формирования нескольких российских учебно-научных центров в Европе, прежде всего, в Праге [15, с. 166—173], преимущественно они развивали те идеи, которые сформировались еще до революции. Лишь небольшое число лиц, особенно объединившихся вокруг евразийской идеи, развивали оригинальные мысли, явившиеся не только продолжением дореволюционной российской науки, но и поднимавшие ее на новый методологический уровень. Однако в основном это были философы и историки, а не юристы, хотя их анализ правовой реальности России, безусловно, имеет большое значение как в историософском отношении, так и в методологическом контексте [17].

В тоже время в среде евразийцев, хотя и временно, оказался и Николай Николаевич Алексеев [16]. Несмотря на близость к евразийскому движению, его мировоззрение оказалось существенно шире. По масштабу высказанных идей он сопоставим с П. А. Сорокиным, П. Г. Виноградовым и Г. В. Гурвичем. Однако в отличие от последних, которые творили на английском и французском языках и скорее могут рассматриваться как часть зарубежного правоведения, Н. Н. Алексеев остался верен российским правовым традициям, попытавшись переосмыслить отечественный правовой дискурс в соответствии с европейскими методологическими парадигмами первой трети XX в.

Лишь в последние годы появились несколько статей российских и украинских исследователей, рассмотревших отдельные аспекты феноменологии права Н. Н. Алексеева в сравнении с одним из крупнейших представителей этой школы А. Райнахом [18, с. 410—417]. При этом подчеркивается, что взгляды Н. Н. Алексеева, хотя и имели феноменологический аспект [7, с. 122—128], но представляют собой не воспроизводство устоявшихся идей, а оригинальную научную концепцию [19, с. 376], включающую в себя синтез методологических разработок как отечественных, так и зарубежных правоведов и философов начала XX в. [13, с. 69—73] Это позволяет рассматривать его концепцию как минимум с методологических позиций как стремление к интегративизму.

Получив образование не только в России, но и в Европе, Н. Н. Алексеев стремился не просто осмыслить современную ему правовую реальность, но и наполнить свои исследования ценностным содержанием. Этим объясняется его интерес к взаимосвязи права и религии, который позволяет некоторым ученым отнести его к представителям русской религиозной философии [22, р. 286—305]. Однако, несмотря на интерес к религиозным вопросам и попытку проанализировать право в религиозном контексте, Н. Н. Алексеева нельзя отнести в полном смысле к религиозным философам. Скорее можно говорить о создании своеобразной аксиологической концепции права и государства, в центре которой лежат православные ценности. Как очень точно отметил М. Ю. Загирняк, Н. Н. Алексеев на основе синтеза неокантианских и евразийских идей разрабатывал аксиологическую концепцию национального государства [14, с. 139—149].

В первую очередь Н. Н. Алексеев обратился к исследованию этой проблемы ретроспективно. Он попытался рассмотреть взаимосвязь между правом, государством и религией, как с позиций истории права, так и с точки зрения истории политических и правовых учений. Это дало возможность показать ценностное значение христианства для эволюции и функционирования государственных и правовых институтов. При этом он фактически подчеркивал ценностную бинарность государственного строительства в Древнем мире. На основе исследования ветхозаветного Израиля Н. Н. Алексеев показал разграничение между идеей христианского государства и негативной трансформацией этой идеи в практике функционирования механизма. Так библейский Израиль, отошедший от божественной благодати, он называет «приютом нечестивых, царством духа тьмы» [1, с. 30].

Ценностная бинарность ветхозаветной государственно-правовой традиции сменяется в Новом Завете полиморфностью. Под влиянием государственно-правовой практики Римской империи христианские мыслители перешли от однозначного неприятия земной государственности к проповеди лояльности к государственной власти. При этом Н. Н. Алексеев подчеркивает, что преимущественным критерием оценки государственной деятельности для христианства по-прежнему оставалось соответствие идеи и практики государственного строительства. Именно поэтому существовала возможность признания несправедливого государства, как творения антихриста и приветствовалось свержение несправедливых правителей [1, с. 33].

В заслугу Н. Н. Алексеева следует поставить его анализ сущности, функционирования и развития средневековой государственности, во многом предвосхитивший идеи Г. Дж. Бермана об истоках европейской традиции права в средневековом религиозном мировоззрении [23]. Н. Н. Алексеев

одним из первых подчеркнул, что именно средневековые католические авторы разработали «основные догматы демократической теории государства: учение о договорном происхождении государственной власти, о народном суверенитете, о сопротивлении власти несправедливой и т. п.» [1, с. 38].

При этом он не ограничивает анализ средневекового государственного строительства лишь констатацией христианской идеи о справедливости лишь той государственной власти, которая является следованием божественному предназначению и выступает не привилегией монарха, а его обязанностью. Однако он подчеркивал, что эта обязанность была не просто долгом перед Богом, но и с сформулированными в законах ограничениями действий главы государства. Это привело Н. Н. Алексеева к выводу, что в работах католических авторов была впервые сформулирована концепция правового государства [4, с. 55—57].

Аксиологический анализ генезиса и эволюции государственности привел Н. Н. Алексеева к исследованию и иных подходов к сущности государства и власти, которые существовали в идеологии и политической практике Древнего мира и Средних веков. Прежде всего, он отмечает, что наряду с христианской традицией власти с древнейших времен существовала языческая, основанная на идее царбожества, в которой институты божественной и монархической власти соединялись в одном лице — правителе. Именно поэтому, по мнению А. А. Алексеева, государственная власть носила и могла носить исключительно абсолютный характер [4, с. 49]. Ретроспективный подход к исследованию политической практики языческих монархий вывел его на поиски аксиологической связи модели языческой абсолютной монархии между государствами Древнего мира и Средних веков. Так он подчеркивал, что впервые эта модель монархии была реализована в Ассирийской, Вавилонской и Персидской империях [4, с. 51—52]. Однако достигла своего апогея в греко-римском мире, откуда не только проникла в христианское мировоззрение в форме «обожествления императоров», но и была перенесена в практику средневековой государственности в Византии и России [4, с. 59, 64]. По мнению Н. Н. Алексеева, ярчайшим примером реализации языческой модели государственности на уровне мировоззрения стала идеология Иосифа Волоцкого, а на уровне правовой реальности — царствование Ивана Грозного. При этом он подчеркивал, что «православный монархизм является несколько смягченным христианскими влияниями переводом древнеязыческой идеи на русский лад» [4, с. 64].

В определенной степени аксиологический анализ развития российского государства сближал Н. Н. Алексеева с правопониманием славянофилов, видевших уникальность социально-политического развития России [11, с. 88—90]. Однако в отличие от последних он считал проявлением этой уникальности не соборность, а репрессивный характер российской государственности, который был обусловлен постоянной угрозой со стороны кочевников. Однако глубинным ценностным основанием развития российского государства, по мнению Н. Н. Алексеева, являлись идеи сильной патерналистской монархической власти, укорененные в сознании русского народа. Эти идеи неоднократно находили вербализацию во взглядах российских мыслителей и политических деятелей [5, с. 73, 83, 107].

Наряду с христианской и языческой моделями государственности, на основе аксиологического анализа особенностей развития российского государства Н. Н. Алексеев формулирует модель демократическую, которую он

находит, прежде всего, в казацкой вольнице и русском сектантстве [3, с. 107—108].

Отталкиваясь от славянофильских идей об уникальности социально-политического развития России, он пришел к выводу, что попытки либеральных реформ второй половины XIX — начала XX в., которые были основаны исключительно на западной демократической концепции государства и власти, не соответствовали глубинной идеологии российского народа, которая носила консервативный характер, что и привело к свержению монархии в 1917 г. и формированию уникальной государственности, ставшей синтезом нескольких прежних моделей под видом коммунизма.

В отличие от значительного числа не только российских эмигрантских, но и зарубежных ученых 1920-х гг., которые изучали российскую правовую реальность этого периода исключительно онтологически, на основе анализа политической практики Советского государства [10, с. 55—61], Н. Н. Алексеев подошел к этой проблеме аксиологически. Это позволило ему увидеть взаимосвязь коммунизма и русских правовых традиций, позднее подробно исследованную Н. А. Бердяевым [8], и привело к сближению с евразийцами [25, р. 59—74].

Это позволило Н. Н. Алексееву прийти к выводу, что коммунизм, хотя и соответствует российским правовым традициям, он все же является временным явлением, на смену которому придет новый общественный и государственный строй. Считая синтез «идей демократии, диктатуры и социальной справедливости», который характерен для коммунизма, соответствующим правовым традициям российского народа, он отмечал, что эти идеи должны стать ценностной основой и будущего общественного и государственного строя России, которые придут на смену большевизму. При этом он отмечал, что важнейшим шагом на этом пути должно стать очищение правовой реальности России от материализма и проведение преобразований духовной направленности, результатом которых станет построение «православного правового государства». По мнению Н. Н. Алексеева, характерными чертами такой формы государства и является синтез традиционных ценностных принципов российской политической организации — твердой власти, народоправства и социальной справедливости [3, с. 114—116].

Ретроспективный анализ особенностей политического и правового развития России в дальнейшем был развит Н. Н. Алексеевым с помощью философских аргументов. Критикуя светские западные правовые концепции, он доказывал, что нравственные ценности находят свое выражение не в утилитаризме и материализме, а в религии. Поэтому право органично связано с моралью и религией не только исторически, но и по своей природе. Однако в процессе секуляризации, которая была характерна не только для большевиков, но и для российских правителей XVIII—XIX вв., произошло сокращение соответствующих религиозным императивам обязательных предписаний с «морального максимума» до «морального минимума», что и привело к разрыву в правовой реальности государственных законов с моралью и религией [3, с. 16, 19, 22—23, 30—31].

Как и ретроспективный, философский анализ правовой реальности России приводил Н. Н. Алексеева к выводу о необходимости переустройства социального и политического устройства России. При этом он уделял значительное внимание правовым вопросам, в частности, настаивая на необходимости адаптации государственных законов к религиозным и моральным

ценностям. Однако речь шла не о реставрации «православной диктатуры» Ивана Грозного, а о создании совершенно новой правовой реальности [3, с. 49].

С этой целью Н. Н. Алексеев ввел понятие «правомочие», что позволило ему, избежать строгого разделения между законами, устанавливающими права, и законами, устанавливающими обязанности. С одной стороны, он отмечал, что не может быть обязанностей без наличия определенной свободы выбора. С другой стороны, он подчеркивал, что права не предоставляют человеку неограниченной свободы, а налагают на него некоторые ограничения, хотя и не устанавливая при этом непосредственных обязанностей. Разграничивая права и обязанности как право в субъективном и объективном смысле, Н. Н. Алексеев отмечал, что первые гораздо важнее для социальной и политической организации, чем вторые в силу своей наполненности ценностным содержанием [3, с. 55, 63]. Как справедливо отмечает И. В. Борщ, право в концепции Н. Н. Алексеева — это «не совокупность привилегий, но возможность для актуализации личностью различных ценностей, пространство для деятельной жизни, где личность может выступать и субъектом правомочия, но также, без какого-либо для себя ущемления, и субъектом обязанности» [9, с. 368].

Новую форму государства Н. Н. Алексеев назвал «гарантийное государство», выделив два принципа его организации и функционирования: законность, направленную на охрану и защиту прав человека, и государственный патернализм, направленный на установление позитивной свободы человека [2, с. 372—373]. Концепция «гарантийного государства» в мировоззрении Н. Н. Алексеева противостоит модели либерального капиталистического государства не только онтологически, но и аксиологически. Он считал их релятивистскими, лишенными какой-либо позитивной миссии и склонными к случайной смене парламентского большинства [2, с. 516].

Концепция «гарантийного государства» Н. Н. Алексеева по своему ценностному содержанию приближается к идеям государства всеобщего благоденствия, которые были обоснованы во второй половине XX в. [24, р. 13—33]. Но если последние рассматривались как эволюция западной концепции демократии [26, р. 15], то взгляды Н. Н. Алексеева аксиологически следует рассматривать как специфичную форму российского консерватизма, осложненную интегративизмом. Несмотря на то, что интегративизм Н. Н. Алексеева в методологическом отношении вполне может рассматриваться как равноценный по сравнению со взглядами А. С. Яценко [21], он оказался незаслуженно забыт. Лишь в последние годы методологический вклад Н. Н. Алексеева в становление интегративного правопонимания был признан отечественной юриспруденцией [12, с. 100].

Таким образом, философия права Н. Н. Алексеева стала адаптацией феноменологии права к российской правовой реальности. Большое место в его правопонимании занимают аксиологические вопросы, которые раскрываются на основе обращения к православию как духовной основе правового регулирования причем как в ретроспективном аспекте, так и применительно к правовой реальности первой половины XX в. Анализ аксиологической составляющей философии права Н. Н. Алексеева позволяет отнести его взгляды к ранним вариантам интегративного правопонимания.

Библиографический список

1. *Алексеев Н. Н.* Идея «Земного права» в христианском вероучении // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / сост. А. Дугин, Д. Тараторин; предисл. А. Дугина. М.: Аграф, 1998. С. 21—47.
2. *Алексеев Н. Н.* О гарантийном государстве // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство / сост. А. Дугин, Д. Тараторин; предисл. А. Дугина. М.: Аграф, 1998. С. 372—624.
3. *Алексеев Н. Н.* Религия, право и нравственность. Париж: YMCA-PRESS, 1930. 106 с.
4. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство / сост. А. Дугин, Д. Тараторин; предисл. А. Дугина. М.: Аграф, 1998. С. 68—119.
5. *Алексеев Н. Н.* Христианство идея монархии // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство / сост. А. Дугин, Д. Тараторин; предисл. А. Дугина. М.: Аграф, 1998. С. 48—67.
6. *Антонов М. В.* Право и общество в концепции Георгия Давидовича Гурвича. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. 448 с.
7. *Архипов А. А.* Феноменологические мотивы концепции права Н. Н. Алексева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. Вып. 160. С. 122—128.
8. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-PRESS, 1955. 160 с.
9. *Борщ Н. А.* Образ человека и образ права: методологический поиск в социально-правовой философии (по работам Николая Алексева) // Право и политика. 2012. № 2 (146). С. 368—371.
10. *Галас М. Л.* Советское государство в России периода НЭПа в исторических исследованиях представителей евразийства и сменовеховцев // История государства и права. 2015. № 21. С. 55—61.
11. *Гусарова М. А.* Проблема духовных оснований русского правосознания в социально-философских учениях славянофилов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-2 (73). С. 88—90.
12. *Гусарова М. А.* Проблема интегративного подхода к пониманию права и государства в философско-правовом творчестве Н. Н. Алексева // Теория и практика общественного развития. 2020. № 1 (143). С. 97—101. DOI: 10.24158/tpor.2020.1.15.
13. *Жданова Г. В.* Методологические истоки философии права Алексева Н. Н. // Социально-политические науки. 2012. № 2. С. 69—73.
14. *Загирняк М. Ю.* Понятие национального государства в философии Н. Н. Алексева эмигрантского периода // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 139—149. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-8-139-149>.
15. *Исаев И. А.* Русская юридическая наука за рубежом (20-е — начало 30-х годов) // Государство и право. 1994. № 7. С. 166—173.
16. *Куликов Е. А.* Евразийское государственно-правовое учение Николая Николаевича Алексева: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 140 с.
17. *Назмутдинов Б. В.* Законы из-за границы: политико-правовые аспекты классического евразийства: монография. М.: Норма, 2018. 272 с.
18. *Пантыкина М. И.* Философия права А. Райнаха и Н.Н. Алексева: контрапункты феноменологических исканий // Вестник Общества русской философии при Украинском философском фонде. Полтава: АСМИ, 2011. Вып. 10: Русская философия: история, методология, жизнь. С. 410—417.
19. *Стовба А. В.* А. Райнах и Н. Н. Алексеев: У истоков феноменологии права // Право и политика. 2012. № 2 (146). С. 371—376.

20. Тимошина Е. В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л. И. Петражицкого: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 296 с.
21. Яценко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства // Яценко А. С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / вступ. ст., коммент. и сост. А. П. Альбов. СПб.: СПб. ун-т МВД России: Алетейя, 1999. С. 53—228.
22. *Beisswenger M. Nikolai Alekseev. Advocate of social justice and global peace* // Valiere P., Poole R. A. (eds.) *Law and the Christian Tradition in Modern Russia*. London, New York: Routledge, 2022. P. 286—305.
23. *Berman H. J. Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition*. Cambridge, London: Harvard University Press, 1983. xii, 657 p.
24. *Kuhlmann Jo. What is a welfare state?* // Greve B. (ed.) *Routledge Handbook of the Welfare State*. 2nd ed. London, New York: Routledge, 2019. P. 13—22.
25. *Nazmutdinov B. V. Law, Freedom, and “Truth”: Eurasianist Philosophy of Law* // *Russian Studies in Philosophy*. 2020. Vol. 58. No. 1. P. 59—74. DOI: 10.1080/10611967.2020.1734389.
26. *Shore Je. The Welfare State and the Democratic Citizen: How Social Policies Shape Political Equality*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. xiv, 163 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-93961-2>.

Информация об авторе / Information about the author

Скоробогатов Андрей Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань, Россия, av.skorobogatov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-5367, Web of Science Researcher ID: J-4391-2016

Skorobogatov Andrey Valerievich — Doctor of Historical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Legal Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (EIML), Kazan, Russia, av.skorobogatov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-5367, Web of Science Researcher ID: J-4391-2016

РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В ИЗГНАНИИ

(первая половина XX века)

Учение И. А. Ильина о праве

RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW IN EXILE (first half of the 20th century)

Legal teaching of Ivan Ilin

УДК 340.12

С. П. Коваль

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДОВ И. А. ИЛЬИНА

Аннотация. В статье рассматриваются философские, конституционно-правовые взгляды и идеи великого русского мыслителя, правоведа и философа Ивана Александровича Ильина (годы жизни — 1883—1954, в эмиграции с 1922 г.). Дана характеристика положений основных разделов его проекта Основного Закона России. Анализируются данные о признании творчества И. А. Ильина в Российской Федерации государством и научным сообществом. Материалами для исследования послужили многочисленные работы И. А. Ильина и результаты современных публикаций по заявленной теме. В статье отражены взгляды мыслителя на вопросы формирования в обществе демократического режима, а также на перспективы государственного устройства постсоветской России. На основе анализа текста трудов И. А. Ильина в статье освещаются взгляды на свойства, которыми должен обладать настоящий гражданин России. Исследуется содержание работ Ивана Александровича о взаимоотношении государства и гражданина. Автор делает вывод о том, что обращение к творчеству И. А. Ильина имеет большое значение и позволяет постигать разные периоды истории российского государства и права, даёт прогнозы о будущем России.

Ключевые слова: Россия, государство, гражданин, демократия, взгляды, творчество И. А. Ильина.

S. P. Koval

EVOLUTION OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL VIEWS OF I. A. ILYIN

Abstract. The article examines the philosophical, constitutional and legal views and ideas of the great Russian thinker, jurist and philosopher Ivan Alexandrovich Ilyin (years of life — 1883—1954, in exile since 1922). The characteristic of the provisions of the main sections of his draft Basic Law of Russia is given.

© Коваль С. П., 2023

• Серия «Естественные, общественные науки»

The data on the recognition of I. A. Ilyin's creativity in the Russian Federation by the state and the scientific community are analyzed. The materials for the study were numerous works by I. A. Ilyin and the results of modern publications on the stated topic. The article reflects the views of the thinker on the formation of a democratic regime in society, as well as on the prospects of the state structure of post-Soviet Russia. Based on the analysis of the text of the works of I. A. Ilyin, the article highlights the views on the properties that a real citizen of Russia should possess. The content of Ivan Alexandrovich's works on the relationship between the state and the citizen is investigated. The author concludes that the appeal to creativity.

Key words: Russia, state, citizen, democracy, views, creativity of I. A. Ilyin.

Творчество Ивана Александровича Ильина впечатляет: оно насчитывает более сорока книг, несколько сотен статей и десятки лекций. Собрание сочинений мыслителя включает около тридцати томов. Его основные научно-исследовательские работы следует разделить по разделам: — правоведение; — философия; — публицистика. Многочисленные рассуждения И. А. Ильина о будущем России представляют не только научное, но и актуальное практическое значение. Его идеи можно включить в социально-историческую реальность современной России. Иван Александрович в своих работах наиболее глубоко и полно рассмотрел проблемы русской нации, русского национального самосознания. Результаты философских размышлений И. А. Ильина были доведены до высокой степени конкретности, поэтому служили основанием для важных выводов в политике. Поэтому понятен постоянный интерес Ивана Александровича к философии политики, проблемам государства и права.

Мыслитель был сторонником неделимости России, поэтому настойчиво отстаивал значимую роль государства в прошлом и будущем России. Он в своих работах обращает особое внимание на развитие духовных и нравственных начал государственности. И. А. Ильин был убежденным монархистом, поэтому считал, что государственное устройство будущей России будет зависеть от конкретного состояния правосознания у правителей и управляемых в конкретный исторический период. Свои убеждения мыслитель в 1938 году сформулировал предельно четко: «никогда не руководствовался в своей научной и политической деятельности чуждыми мне решениями; всегда поступал согласно собственным убеждениям. В поступках своих я был ответственен только перед Богом, перед своею совестью, своим народом и Отечеством». Свою гражданскую позицию И. А. Ильин как мыслитель в эмиграции изложил конкретно: «Русские люди за рубежом, должны думать о России, потому что мы — живая часть ее. Мы живем ею, мы разделяем ее судьбу, ее горе и ее радости. Поэтому мы должны видеть очертания будущей России» [5, с. 431].

Основой взглядов И. А. Ильина является его предположение о том, что «существуют две великие реальности: — с Россией, с ее целями и интересами; — с верно понятыми и усвоенными аксиомами правосознания и государственности» [5, с. 331]. В некоторых работах И. А. Ильин блистательно анализирует и прогнозирует, что мы могли оценить по достоинству лишь в начале XXI столетия: «Допустим на момент, что все эти «свободолюбивые и демократические» усилия временно увенчаются успехом, и Россия будет расчленена. Что же даст этот опыт российским народам? При подсчете — до двадцати отдельных «государств», не имеющих ни бесспорной территории,

ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армий. Двадцать расстроенных бюджетов и монетных единиц потребуют бесчисленных валютных займов. Данные государства станут в перспективе иностранными колониями» [4, с. 402].

И. А. Ильин обращал пристальное внимание на важную проблему создания сильной национально-государственной власти. Иван Александрович исследует данное положение, потому что придает большое значение роли государства и убежден, что только сильная власть России справится с великодержавными задачами. Мыслитель отрицательно относился к суперцентрализации власти: «Сильная власть не должна привести в России к формам централизации и бюрократизма. Русское государство должно быть единым, но где-то расчлененным. Оно должно иметь сильный центр, децентрализующий все, что, возможно, децентрализовать без опасности для единства России» [4, с. 202]. И. А. Ильин считал, что основой сильной власти является ее доверие у народа.

Иван Александрович обстоятельно рассуждает о свойствах, которыми должен обладать настоящий гражданин. Первое — это чувство собственного духовного достоинства: он чтит свою религиозность, совесть, разум и свою честь. Второе — это внутренняя свобода гражданина. Гражданин — это истинный субъект права, которому подобает быть свободным и потому принимать участие в государственных делах. Такой гражданин — камень российской государственности. Третье — это взаимное уважение, которое связывает его с другими гражданами и с государством. Не уважать свою власть — это предательство или есть сущее несчастье. Если не будет доверия между гражданами, значит невозможно политическое единение. Власть должна уважать своих граждан, иначе будет вынуждена править только страхом и гнетом. И четвертое — это умение превращать свою свободу в добровольную лояльность и осуществлять свои публичные права. Если гражданин имеет право голоса, он никогда не доверится абсентеизму. Уплата налога для него почетное право пополнить бюджет государства, воинскую обязанность он понимает, как почетное право защищать свой народ. Чем больше данного понимания, тем выше уровень их правосознания. И. А. Ильин считал, что основы государственности будущей России нам даны в трагическом опыте нашего времени (Работа «Основы государственного устройства» 1937 г.) [9, с. 11].

Интересны взгляды И. А. Ильина о том, что будущее устройство России должно соответствовать следующим требованиям: 1) правителем не должно быть лицо с недоброй репутацией, иноземное, бесчестное или безвольное; 2) государственный строй не должен напоминать дореволюционный строй; государство должно своей исторической национальностью и новизной будить надежды и доверие; 3) государственные органы должны быть признаны ответственными. Ответственность государя должна быть организована в пределах династии; 4) ответственность остальных органов власти должна быть убедительно наглядной; 5) автономия национальных территорий должна быть проведена реально; 6) принцип самоуправления должен реализовываться во всех сферах жизнедеятельности; 7) принцип законности неукоснительно реализуется; 8) произвол карается демонстративно; 9) равенство может нарушаться только в случае противопоставления справедливости; 10) подрывание уважения к государственным органам должно караться в уголовном порядке [6, с. 52].

И. А. Ильин разработал в 1938 году Проект Основного Закона Российской империи (далее — Проект). Он содержит в себе четырнадцать разделов, которые делятся на 351 статью. Базисные положения Проекта расположены в первом разделе «О Российском государстве», который состоит из 17 статей. Содержание данного раздела воплощает основные принципы. Содержание статьи 1 определяет, что Российское государство утверждается как христианское и национальное, призванное к осуществлению закона в жизни российских народов. Так же положения данного проекта устанавливают, что российское государство есть правовое, священное, преемственное единство. Статья 3 устанавливает нераздельность и единство Российского государства. Элементами этого единства являются: — единый состав граждан; — единая, законом определенная территория; — единая государственная власть; — единый свод законов [1, с. 12].

После первого раздела следует второй раздел — «О вере и религии» (25 статей). В данном разделе закреплены основы демократии, согласно которым человек может свободно исповедовать свою веру. Третий раздел называется «О правах и обязанностях российских граждан» (34 статьи). Данный раздел подчеркивает направленность Проекта соблюдать интересы личности, защиту и охрану прав и свобод. В начале раздела отмечается, что российское гражданство есть звание почетное. Признание прав россиян становилось основой конституционного строя. Данное положение выводило Россию на уровень требований демократического сообщества. Раздел четвертый «О законах» (15 статей), устанавливает порядок законодательного процесса. В этом разделе утверждается, что Проект обладает высшей юридической силой и является базой для законов и иных нормативных актов.

Пятый раздел Проекта имеет наименование «О Главе Российского Государства» (34 статьи). Раздел определяет полномочия Главы российского государства. В начале раздела устанавливается, что единство, мощь и процветание российского государства требуют единой и сильной государственной власти в центре, национальной по духу, внеклассовой и сверхсословной. Данная власть должна быть единоличной, которая соединена с народом отзывчивыми установлениями, а также должностными лицами, отобранными из лучших людей. От главы государства исходят законодательные, управленческие, судебные и контрольные функции. Правовое содержимое института Главы российского государства пронизывает данный Проект и оказывает влияние на особенности исполнения полномочий всех государственных органов.

Раздел шестой «О законодательных учреждениях Российского Государства» (23 статьи). В разделе установлено, что такими учреждениями могут быть Государственный Совет и Земский Собор, а также Сенат и Совет Старейшин. Иван Александрович размышлял о создании Думы Национального Единения, которая стала бы всероссийским государственным учреждением при главе государства и ведала делами единения всех граждан России. Главной задачей данного учреждения является создание межнационального мира и братского сожительства всех народов России [2, с. 182].

Завершает данный документ «Добавление к основным законам» (27 статей). В данной части установлено, что все потребности народа, которые могут быть удовлетворены самостоятельно населением, — должны быть предоставлены этому самоуправлению. Государственная власть России должна доверять творческим силам русского народа. Здесь речь идет

о реформе местного самоуправления. В данной части определена структура исполнительной власти и порядок формирования представительных органов в переходный период. В Проекте устанавливается, что административное деление России на «области», «автономные республики» и т. д., которые остаются в наследство от коммунистического режима, будут временно сохранены. Административные единицы будут, со временем, переименованы в наместничества. Во главе наместничеств будут Наместники, которые назначаются Верховным Правителем. Главе государства предоставляется право объединять отдельные наместничества в области, во главе которых будут особые Правители, подчиненные Главе государства. Это прототипы современных терминов «глава администрации», «субъект Российской Федерации», «федеральный округ» [11, с. 88].

Ведущее место в Проекте занимают права и обязанности россиян, они являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность органов государства и местного самоуправления. Все это является важным достоинством данного документа. Проект является основой конституционно-правовых взглядов И. А. Ильина и может с полным основанием считаться одним из наиболее значительных достижений юридической мысли русского зарубежья. Создание Проекта — это не только создание видного правоведа, но и подвиг гражданина России.

И. А. Ильин являлся ярким мыслителем русской эмиграции после событий октября 1917 г. и одним из немногих, чьи прогнозы часто сбывались. Работы Ильина до сих пор читаются так, словно они являются откликом на современность. И. А. Ильин писал, что «мое единственное утешение вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь уберезет их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому» [3, с. 253].

В современное время творчество И. А. Ильина получило признание государства и научного сообщества. В XXI в. идеи мыслителя вошли в политическое пространство главы российского государства. Президент России В. В. Путин накануне возвращения праха И. А. Ильина на Родину в ежегодном послании к Федеральному Собранию РФ (2005 г.), счел необходимым обратиться к творческому наследию мыслителя и определить масштаб его личности. В 2006 году в ежегодном послании к Федеральному Собранию РФ В. В. Путин, рассматривая вопросы военного строительства, вновь обратился к творчеству И. А. Ильина: «Известный русский мыслитель Иван Ильин, размышляя о базовых принципах, на которых должно прочно стоять Российское государство, отмечал, что солдат есть звание высокое и почетное, он представляет всероссийское народное единство, русскую государственную волю». Неоднократное обращение главы российского государства к идеям И. А. Ильина является основанием признания Ивана Александровича как национального мыслителя России [7, с. 25]. В июне 2008 года в Совете Федерации Федерального Собрания РФ была проведена научно-практическая конференция «Учение И. А. Ильина о праве, власти и социальной культуре России», посвященная 125-летию И. А. Ильина. Его освоение позволит привлечь значительный, созидательный потенциал для развития общества и российского государства. По итогам данной конференции поставлена важная задача о том, что наследие И. А. Ильина касается восстановления духовно-нравственных ориентиров в построении социальной культуры России во всем ее многообразии: право, управление, образование, воспитание, наука, искусство, экономика.

Истинная политика, по мнению мыслителя, не служит частным и личным интересам. Она отклоняет все частные желания, так как она возникает не из конкурирующих своекорыстных и классовых борьбы, а из солидарности и взаимопонимания. Политика считается с духом, со справедливостью, с естественным правом. И. А. Ильин отвергал классовую междоусобицу и партийную вражду. Мыслитель хотел, чтобы гражданин равнял себя со своей Родиной, принимал интересы своего государства. И. А. Ильин отрицал понимание государства как аппарат принуждения, потому что видел в государстве «орган духовной солидарности». Он мыслил, что политика не предполагает партийные притязания, ложь и интриги, она способствует подъему правосознания к постижению патриотических целей. И. А. Ильин считал, что развитое правосознание позволит связать воедино понятие Родины и весь государственный механизм. Болезненное правосознание не сможет поддержать единство Родины и государства [11, с. 70].

По мнению мыслителя, партии не должны делиться по принципу личного и классового интереса, потому что должны служить Родине, народу, государству. При проведении выборов избиратель должен руководствоваться интересами сверхличными, государственными, всенародными. В содержании избирательных кампаний должны быть отражены следующие вопросы: «В чем нуждается страна? В чем состоит благо моего народа? Какие справедливые интересы моих сограждан я могу и должен отстаивать как солидарные и всенародные? Как укрепить единство моего государства на основах христианскобратской солидарности?».

И. А. Ильин отрицал узкопартийный, классовый подход, утверждая, что частный интерес социума не должен противоречить государственным интересам. И. А. Ильин по своим взглядам и убеждениям являлся либеральным консерватором, при этом не участвовал в деятельности политических партий. Он был сторонником монархии, но в то же время обвинял русских монархистов в крушении российской монархии. По мнению мыслителя, православный монарх должен существовать для страны, для государства, а не страна для монарха.

По мнению И. А. Ильина, обычно формальная демократия приводит в итоге к левому и правому тоталитаризму: эти два политических режима связаны друг с другом как «уродливая реакция на болезненное преувеличение», как «тирания, возникающая из распада». И. А. Ильин не был противником демократии, но считал, что не стоит переходить к этой форме правления и политического режима, не имея к этому ни традиций, ни культуры, ни соответствующего правосознания. Он считал, что слабая власть погубит Россию, ввергнет ее в гражданскую войну, часто отмечал, что сильная власть самодержавна, но не деспотична. Особенностью новой модели монархии, которая может возродиться в постсоветской России, по мнению Ивана Александровича, является сильный центр, децентрализующий все, но только без угрозы для единства России.

Особо ценил он реформы самодержавия, поэтому восхищался деятельностью Петра I, Александра II и Николая II. И. А. Ильин считал, что основные направления самодержавной политики конца XIX века соответствовали положительным тенденциям общественно-политического и экономического развития, все это выражалось в содействии государственной власти формированию гражданского общества, развитию института частной собственности,

участию населения в жизни государства. Он отмечал, что России угрожало не самодержавие трона, а «разнуздание народа», над которым работали революционные партии, опасность лежала в неокрепшем массовом правосознании [10, с. 83]. И. А. Ильина многие считают не столько монархистом, сколько антиреспубликанцем. Он считал, что большевистская республика не имеет нечего общего с демократией. Иван Александрович был уверен, что более вероятное направление развития России — это правовое государство в рамках конституционной монархии.

Взаимоотношения государства и гражданина, по мнению И. А. Ильина, характеризуются тем, что в сердце настоящего гражданина государственные интересы и его личные интересы пребывают в состоянии живого равного. Это не значит, что у гражданина не должно быть личных интересов. Человек не должен отречься от себя во имя государственных дел, как это происходит в тоталитарных государствах. Необходимо наличие здорового гражданского правосознания и гражданин не будет совершать поступков, идущих во вред всему обществу и государству. Настоящий патриотизм должен основываться на одном важном совпадении: «Мое дело есть дело моей родины и моего государства». Все вредное Родине и государству не может стать делом гражданина [8, с. 56]. Правовое государство — это важный этап в расширении прав и свобод индивида. Концепция правового государства обращает внимание на обычное правовое равенство. После окончания Второй мировой войны она была дополнена концепцией социального государства.

Проблемные вопросы демократии для Ильина во многом являются проблемой личности гражданина, ведь, как пишет мыслитель, демократия и культура личности теснейшим образом связаны. Демократия является делом народа, а не отдельного гражданина. И. А. Ильин считал, что способен к демократическим переменам не всякий народ и не в любом своем состоянии. Расположен к демократии лишь народ, который представляет собой живое сообщество свободно сформированных личностей. Данная личность — живой носитель веры, совести и свободных убеждений. По И. А. Ильину, демократия возможна там, где граждане обладают возможностью быть самостоятельными. Для реальной реализации демократии, считает И. А. Ильин, необходима активность самого гражданина.

Очень важно, считает мыслитель, для качества демократии реальное состояние народа, который отчетливо осознает те опасности, которые подстерегают общество и государство на пути движения к демократии. И. А. Ильин считает, что демократия включает в себя всенародное служение, творческую самодеятельность во имя Родины и качественный отбор людей для политического управления. В трудах Ильина получила развитие теория об основаниях политических режимов. Он показал противоположность между разными политическими режимами, выделяя демократический режим. Правильными представляются мысли И. А. Ильина о том, что здоровое государство всегда опирается на опыт и гражданскую активность народа.

На кладбище Донского монастыря в Москве 25 мая 2009 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл освятил могилы Антона Деникина и Ивана Ильина (прах был перезахоронен здесь в 2006 г.). Данные надгробия были установлены на личные средства Президента РФ В. В. Путина. Дважды руководители Российского государства влияли на судьбу И. А. Ильина. Первый раз в 1922 г. В. И. Ленин, Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР, санкционировал эмиграцию мыслителя. Второй раз в 2006 г.

В. В. Путин, Президент России, способствовал посмертному возвращению на Родину мыслителя. Репатриация И. А. Ильина и его творческого наследия свидетельствует о том, что восторжествовала историческая справедливость — Иван Александрович занял достойное место среди выдающихся мыслителей России.

Анализируя эволюцию конституционных воззрений И. А. Ильина можно утверждать, что в ранний период своего творчества он создал нормативистскую теорию права, а затем существенно изменил свои взгляды и обосновал новый вид теории права, где центральной проблемой выступает проблема духовного обоснования права и правосознания. Мыслитель делает вывод о том, что концепция духовных оснований правосознания должна стать частью современной теории права. Конституционно-правовые взгляды И. А. Ильина формируются под воздействием Первой мировой войны и революционных событий в России. Итогом долгих исканий Ильина становится консервативная модель общества и государства. Творчество И. А. Ильина делится на два этапа: до эмигрантский (до 1922 г.) и эмигрантский (с 1922 по 1954 г.). Итогом раннего этапа Ильина, на основе исследования наследия немецкой классической философии (Кант, Гегель), является идея построения в России общества, основанного на идеалах западной модели правовой государственности. В дальнейшем его творчество нацелено на социально-философское осмысление реалий постреволюционных событий в контексте русской и мировой истории, критику коммунизма и построение консервативной утопии. Обращение к творчеству И. А. Ильина имеет большое значение и позволяет постигать разные периоды отечественной истории государства и права, дают прогнозы о будущем России.

Библиографический список

1. *Грохотов А. Н.* Наследие И. А. Ильина и централизация власти в современной России // *История государства и права.* 2010. № 3. С. 11—18.
2. *Ильин И. А.* О России / сост. М. Г. Жуковой. М.: Русская книга, 2006. 280 с.
3. *Ильин И. А.* О сущности правосознания // *Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т.* М.: Русская книга, 1994. Т. 4. 321 с.
4. *Ильин И. А.* Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903—1938) / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1999. 464 с.
5. *Ильин И. А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; худож. Л. Ф. Шканов. М.: Русская книга, 1993. 432 с.
6. *Линник Ю.* Иван Александрович Ильин // *Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т.* Т. 5. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; худож. Л. Ф. Шканов. М.: Русская книга, 1995. С. 50—58.
7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). М.: Издание Совета Федерации, 2005. 85 с.
8. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). М.: Издание Совета Федерации, 2006. 76 с.
9. *Томсинов В. А.* Иван Александрович Ильин: судьба и творчество // *Законодательство.* 2003. № 3. С. 10—19.
10. Учение И. А. Ильина о праве, власти и социальной культуре России: материалы научно-практической конференции, посвященной 125-летию выдающегося

правоведа и философа И. А. Ильина. 19 июня 2008 года. М.: Издание Совета Федерации, 2008. 193 с.

11. *Шмелев И. С.* Душа России: сборник статей от 1924—1950 гг. СПб.: Библиополис, 1998. 154 с.

Информация об авторе / Information about the author

Коваль Сергей Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного права и прав человека, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, petrovitsch17@mail.ru

Koval Sergey Petrovich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional Law and Human Rights, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, petrovitsch17@mail.ru

УДК 340.12

Е. И. Стабровский

ВОЗРОЖДЕННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ: УЧЕНИЕ И. А. ИЛЬИНА И АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД

Аннотация. В статье исследуются возможности использования научных достижений выдающегося русского философа и правоведа Ивана Александровича Ильина в развитии современной теории правового сознания. Отмечается возрожденный интерес к философско-правовому наследию русских философов-правоведов в эмиграции. Анализируются духовные и ценностные положения теории И. А. Ильина, позволяющие развивать современные представления о правовом сознании личности. Указываются методологические возможности антрополого-правового подхода для развития современной теории правового сознания, находящейся в определенном методологическом кризисе. Обращается внимание на то, что разработка структуры правового сознания личности с учетом психологии сознания позволяет определить место ценностных компонентов в правовом сознании личности и их роль в правовом поведении человека. В статье делается вывод о том, что использование антрополого-правового подхода позволяет включить духовное и творческое наследие И. А. Ильина в современную теорию правового сознания.

Ключевые слова: правосознание, антрополого-правовой подход, человекомерность, духовность, личностные правовые ценности.

Е. I. Stabrovsky

REVIVED LEGAL CONSCIOUSNESS: TEACHING OF I. A. ILYIN AND ANTHROPOLOGICAL AND LEGAL APPROACH

Abstract. The article explores the possibilities of using the scientific achievements of the outstanding Russian philosopher and jurist Ivan Alexandrovich Ilyin in the development of the modern theory of legal consciousness. There is a revived interest in the philosophical and legal heritage of Russian philosophers-legal scholars in exile. The spiritual and value provisions of the theory of I. A. Ilyin are analyzed, allowing you to develop modern ideas about the legal consciousness of the individual. The methodological capabilities of the anthropological and legal approach are indicated for the development of the modern theory of legal consciousness, which is in a certain methodological crisis. Attention is drawn to the fact that the development of the structure of the legal consciousness of the individual, taking into account the psychology of consciousness, allows you to determine the place of value components in the legal consciousness of the individual and their role in the legal behavior of man. The article concludes that the use of an anthropological and legal approach allows you to include the spiritual and creative heritage of I. A. Ilyin in the modern theory of legal consciousness.

Key words: legal consciousness, anthropological and legal approach, human dimension, spirituality, personal legal values.

© Стабровский Е. И., 2023

Актуальность исследования вопросов правового сознания в современной общеправовой теории обусловлена пересмотром методологических подходов к пониманию человека в праве, его правового поведения и роли в жизни общества.

Научные представления о правовом сознании начали складываться с первой половины XIX в. в немецкой юриспруденции, когда собственно и возникает данное понятие. Однако научная разработка правового сознания немецкими правоведами не была продолжена. Научный интерес к данному направлению исследований на качественно более высоком уровне проявился в Российской империи в конце XIX — начале XX в. Вклад в формирование и развитие представлений о правовом сознании внесли такие ученые, как И. А. Ильин, Б. А. Кистяковский, М. М. Ковалевский, Н. М. Коркунов, С. А. Муромцев, Л. И. Петражицкий, Г. Ф. Шершеневич, Б. Н. Чичерин и др. Несмотря на многочисленные обращения к правовому сознанию, в дореволюционной юридической науке не была сформирована его полноценная теория.

Общественно-политические события 1917 г. в России привели к тому, что по разным причинам пребывание многих ученых на территории государства становилось невозможным, и талантливейшие люди своего времени оказались в вынужденной эмиграции. Одним из них был великий русский философ и правовед XX в. Иван Александрович Ильин.

И. А. Ильин внес неопределимый вклад в развитие юридической науки как в дореволюционный, так и в послереволюционный период непосредственно в России, а далее в эмиграции. Актуальность выдвинутых им идей, сформулированных смыслов подтверждается спустя столетие. Современные исследования правосознания требуют обращения к богатому научному и духовному наследию русских философов-правоведов.

Сохранение научной традиции, видение проблем личности человека, учет духовных оснований жизни человека и общества позволили И. А. Ильину создать полноценную философско-правовую теорию правосознания, которая была представлена в произведении «О сущности правосознания» (1919 г.). Оно выделяется на фоне трудов современников своей оригинальностью и терминологической самостоятельностью. Назвать данную работу в строгом смысле слова теоретико-правовой, разумеется, не представляется возможным. Но то, что изложил философ, дает ответы относительно многих вопросов о правовом сознании личности.

Важно отметить, что И. А. Ильин обратил внимание на ценностные составляющие правосознания, на личность человека, на его духовные ценности, его внутренний мир. Данный подход качественно отличался от разработки правосознания Л. И. Петражицким с точки зрения психологического феномена [6, с. 326], П. И. Новгородцевым с точки зрения кризиса индивидуализма и западноевропейских теорий правового государства [3, с. 17—20].

Советская юриспруденция за редким исключением во многом отказалась от преемственности научной традиции, что повлекло за собой развитие теории правосознания по пути практическому, отвечающему политическим целям (например, революционное правосознание, правовая идеология).

Обращение к духовной стороне жизни человека, развитие теории правосознания в направлении поиска и определения места в нем ценностей, в сложившихся условиях в советской науке не было востребовано. Прерывание научно-правовой традиции привело к упадку философско-правовой мысли

и на долгое время усложнило научный поиск и развитие правовой мысли в советский период.

Следует отметить, что теория правосознания в советской юридической науке сложилась только в 1960-е гг. В структуре правосознания выделялись правовая идеология и правовая психология, как интеллектуальный и эмоциональный компоненты соответственно [7, с. 69]. Однако ценностные составляющие не имели самостоятельного значения в структуре правосознания и включались в правовую идеологию или правовую психологию. Первые попытки определить ценностные компоненты в правосознании начались в советской юриспруденции только в 70—80-е гг. XX в.

По-настоящему открыть творчество русских философов и правоведов в эмиграции стало возможным лишь в 90-е гг. XX в. Этот период ознаменован методологическим плюрализмом, который позволил возродить интерес к философско-правовому наследию дореволюционных философов и правоведов, а также их достижениям в эмиграции. Методологическое многообразие позволило исследовать правосознание, не ограничиваясь диалектико-материалистическим методом, и обратиться к другим научным подходам.

В настоящее время использование философско-правового и духовно-культурного наследия русских философов в эмиграции, в том числе обращение к идеям И. А. Ильина, позволяют развивать современное учение о правовом сознании личности, которое находится в определенном методологическом кризисе. Устоявшийся в советской юридической науке подход к правовому сознанию не удовлетворяет потребностям современности и не позволяет решать современные проблемы права. Обращение к учению И. А. Ильина помогает понять смысловую глубину такого явления как правосознание.

Методологическим решением в развитии учения о правовом сознании в настоящее время является антрополого-правовой подход, который позволяет обратиться к исследованию правового сознания не только на основе использования традиционной общетеоретической категории «субъект права», но и на основе понятия развивающейся и формирующейся личности, обладающей правосознанием и воспринимающей правовые ценности конкретного социума. Антрополого-правовой подход выступает в качестве самостоятельного методологического инструментария по отношению к традиционному формально-юридическому и иным методам правового познания. Он направлен на дальнейшую разработку и усовершенствование теории правового сознания за счет рассмотрения правовой реальности как двухсоставного образования, складывающегося из нормативного и антрополого-правового уровней [4, с. 30].

Также антрополого-правовой подход позволяет рассматривать правовое сознание на основе принципа человекомерности, в соответствии с которым представление правовой реальности осуществляется только в связи с существующим и действующим в ней человеком [4, с. 30]. При познании правовых явлений принцип человекомерности права позволяет концентрироваться на личностных свойствах действующего в праве лица, прежде всего, на его личностных ценностях, имеющих юридическое значение, а также сопоставлять эти ценности с различными конструкциями системы права.

В этой связи следует отметить точку зрения И. А. Ильина о том, что «нормальное правосознание подходит к праву не с точки зрения частных,

чисто личных интересов, но отправляясь, прежде всего, от его основной, единой и всеобщей цели. Право, как совокупность объективно значащих правил внешнего социального поведения, создается людьми ради этой единой и универсальной цели, которая состоит в ограждении и организации духовной жизни человечества на земле» [2, с. 86—87].

Философ отмечает, что «человеку невозможно не иметь правосознание; его имеет каждый, кто сознает, что кроме него на свете есть другие люди. Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом, или не знает, дорожит этим достоянием, или относится к нему с пренебрежением» [2, с. 19]. На этом основании следует подчеркнуть, что отсутствие юридического образования, неосведомленность о той или иной норме права, безразличное отношение к праву и прочие примеры отношения к позитивному праву никак не влияют на наличие правового сознания у человека.

Ученый указывает на проблему диалектического единства в человеке двух противоположных стремлений, с одной стороны, к высокому и совершенному, с другой стороны, к обыденному и материальному. Такие стремления И. А. Ильин описывает через волю к духу и волю к инстинкту соответственно. Философ отмечает, что «воля к духу, в ее истинном значении, слагается как зрелый итог личной и общественной нравственной жизни. Так, она возникает лишь в результате примирения разумно-сознательной силы души с бессознательными влечениями инстинкта, и, притом, не только в порядке их дисциплинирования, но и в порядке их содержательного перерождения и одухотворения; она остается всегда разновидностью единого универсального начала любви, в его наиболее чистом и благородном — христианском — виде; она требует непрестанного самоотвержения и своеобразного, утонченного бескорыстия, наконец, она расцветает свободно и приносит плоды только там, где имеется налицо высокий общественный уровень, создающий нравственную атмосферу предметного служения» [2, с. 87—88].

Также И. А. Ильин подчеркивает, что «духовная жизнь, сама по себе, является всегда орудием морального воспитания души и источником нравственной силы. Предметное служение безусловным ценностям удерживает душу в своеобразном чистилище, научая ее самопознанию и самообладанию, выковывая в ней способность к самоотречению и воспитывая ее к бескорыстной радости предметного совершенства» [2, с. 88].

Учение И. А. Ильина о правосознании пронизано христианскими духовными ценностями. Ведя речь о духовных качествах человека, И. А. Ильин обращается к образу человека в православной традиции, в которой выражены представления о несовершенстве человеческой природы. Философ отмечает необходимость каждому человеку ограничивать инстинкт и стремиться к духовному развитию.

В учении И. А. Ильина однозначно отражено, что не рациональностью и не инстинктивными свойствами определяется правовое сознание человека. «Недостаточно верно знать свои правовые полномочия, обязанности и запретности; бывают люди, которые отлично знают их и постоянно злоупотребляют этим знанием для того, чтобы превысить свои полномочия, преуменьшить свои обязанности и сложить с себя запретности. Необходимо не только знать все это, но признавать в порядке сомнения и, признавая, иметь достаточную силу воли для того, чтобы соблюдать признанное» [2, с. 81].

Судить о правосознании человека можно по развитию у человека духовной или личностно-ценностной сферы правосознания. И. А. Ильин отмечает, что «каждому человеку присуще тяготение к тому, чтобы найти некоторое безусловное по своей ценности жизненное содержание и прилепиться к нему своею верою и своею любовью; значительность и зрелость индивидуальной души определяется объективным достоинством этого содержания и интенсивностью личного прикреплении к нему. ... Но такое тяготение есть не более, чем «потенция»: безусловную по достоинству и по силе жизненную опору может дать только автономное и предметное искание; творческий акт, а не пассивная прилепленность; предметно-верный выбор, а не случайная определенность души приятным содержанием. Отсутствие такого искания всегда отдаёт душу в рабство низшим содержаниям и потому делает ее жертвою самообмана, позволяя принимать мелкое за великое и ничтожное за абсолютную ценность» [2, с. 84—85].

Обращение к учению И.А. Ильина через призму антрополого-правового подхода позволяет развивать современную теорию правового сознания личности и адаптировать философско-правовые идеи к решению конкретных проблем и задач общей теории права.

Одним из направлений разработки теории правосознания с помощью антрополого-правового подхода является исследование структуры правового сознания личности. Благодаря этому имеется возможность определить компоненты правосознания, их соотношение и взаимодействие, а также установить их влияние на правовое поведение человека как правомерное, так и противоправное.

Современные достижения в области психологии сознания (разработка структуры сознания, имеющего определенные слои, предложенной В. П. Зинченко [1, с. 111]), методологические возможности современной юридической науки (прежде всего, антропологии права, герменевтики, синергетики и др.) позволяют разработать структуру правового сознания личности. В этой связи правовое сознание личности представляет собой систему, состоящую из определенных уровней (слоев):

бытийный уровень — характеризует отражение правовой реальности, которое происходит под влиянием психических свойств (чувств, эмоций, переживаний, соматических проявлений и т. д.) человека;

рефлексивный уровень — характеризует отражение правовой реальности, которое происходит под влиянием когнитивных (знаниевых, интеллектуальных) свойств человеческого восприятия. Рефлексивный уровень правового сознания отвечает за восприятие права как правовой информации;

личностно-ценностный уровень — характеризует отражение правовой реальности, которое происходит под влиянием личностных правовых ценностей. Данный уровень правосознания обеспечивает аксиологизацию правового сознания лица посредством личностного принятия правовых ценностей, выраженных в источниках права [5, с. 51—57].

Выделение в структуре правосознания рефлексивного и личностно-ценностного уровней обусловлено антрополого-правовым подходом и связано с различием правовых ценностей, закрепленных в правовых нормах и отраженных в правовом сознании лица в качестве правовой информации, и правовых ценностей, воспринятых индивидуальным правовым сознанием в качестве необходимой личностной правовой ценности. Это позволяет вести

речь о принципиальном отличии когнитивного и аксиологического компонентов правового сознания и необходимости учета этого различия в правовом регулировании общественных отношений.

В этой связи у И. А. Ильина обнаруживается положение о том, что «правосознание, постигающее свой духовный корень, находит свою существенную основу и источник своего содержания. Оно совершает как бы акт самопознания и раз и навсегда перестает видеть в праве подкарауливающего врага и насильника. Оно знает отныне, чему оно повинуетя, и признает его объективное значение; оно повинуетя тому, что признает необходимым и что уважает, в чем полагает духовную ценность. ... Такое правосознание, исходя из воли к духу и питаясь волею к добру, начнет неминуемо перестраивать социальную жизнь людей на принципах духовного самоуправления, чувства собственного достоинства, уважения, доверия и справедливости» [2, с. 89].

Таким образом, возрождение идей о правовом сознании, подвергшихся забвению в советской юридической науке, использование достижений дореволюционной философско-правовой мысли позволяет исследовать личностно-ценностные компоненты правосознания, включить духовные христианские ценности через призму антрополого-правового подхода в современную теорию правосознания.

Учение И. А. Ильина о духовной составляющей правосознания позволяет развивать современную теорию правового сознания, исследовать процесс формирования ценностей в правовом сознании человека и их влияние на правовую жизнь человека.

И. А. Ильин не просто обозначил направление для возможных исследований, а создал полноценную философско-правовую теорию правосознания.

Учение И. А. Ильина о правосознании требует дальнейшего исследования и обладает значительным потенциалом для использования в современной юридической науке.

Библиографический список

1. *Зинченко В. П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
2. *Ильин И. А.* О сущности правосознания / подгот. текста и вступ. ст. И. Н. Смирнова. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
3. *Новгородцев П. И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. 269 с.
4. *Павлов В. И.* Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования. М.: Юрлитинформ, 2021. 560 с.
5. *Павлов В. И., Стабровский Е. И.* Структура правового сознания в контексте достижений современной психологии сознания: антрополого-правовой подход // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. Минск, 2020. Вып. 15. С. 51—57.
6. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.
7. *Фарбер И. Е.* Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юрид. лит., 1963. 205 с.

Информация об авторе / Information about the author

Стабровский Егор Игоревич — преподаватель кафедры теории и истории государства и права, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», г. Минск, Республика Беларусь, egor_stab@mail.ru

Stabrovsky Egor Igorevich — the Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, the Educational Establishment «Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus», Minsk, Republic of Belarus, egor_stab@mail.ru

С. М. Жуков

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И. А. ИЛЬИНА И РАЗВИТИЕ ИМ КОНЦЕПЦИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Аннотация. В современном мире необходимым условием эффективной деятельности является актуальность применимых методов. В статье раскрывается актуальность и применимость научных трудов русского философа и правоведа Ивана Александровича Ильина в области развития теории естественного права. В статье задаётся немаловажный вопрос о том, что следует принять теории естественного права от научного наследия И. А. Ильина. Данный вопрос не был в достаточной мере освещён, поэтому важно рассмотреть на какие аспекты концепции Ильина мы можем опираться в наши дни. В начале статьи читателю представляется непосредственно сама теория естественного права в понимании И. А. Ильина, где отражены основные принципы, а также теоретические и реальные её основы. В дальнейшем раскрытые ранее идеалы пропускаются через призму современности и накладываются на наше современное общество. Концепция является идеалистическим походом к регулированию правоотношений. Данный факт не является недостатком, однако только в том случае, если закладываемые принципы являются эффективными в непосредственно практико-ориентированной деятельности. Поэтому статья ставит перед собой важную задачу — выяснить, актуальны ли на сегодняшний день положения, выдвинутые И. А. Ильиным в своих научных трудах.

Ключевые слова: А. И. Ильин, русская философия права, естественное право, позитивное право, актуальность современного права, современное право, правовое просвещение.

S. M. Zhukov

I. A. ILYIN'S SCIENTIFIC HERITAGE AND HIS DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF NATURAL LAW

Abstract. In the modern world, a necessary condition for effective activity is the relevance of applicable methods. The article reveals the relevance and applicability of the scientific concept of the Russian philosopher and jurist Ivan Alexandrovich Ilyin in the field of the development of the theory of natural law. The article asks a lot-an important question about what should be accepted by the theory of natural law from the scientific heritage of I. A. Ilyin. This issue has not been sufficiently covered, so it is important to consider what aspects of Ilyin's concept we can rely on in modern society. At the beginning of the article, the reader is presented directly with the theory of natural law itself in the understanding of I. A. Ilyin, which reflects the basic principles, as well as its theoretical and real foundations. In the future, the ideals revealed earlier are passed through the prism of modernity and superimposed on our modern society. The concept is an idealistic approach to the regulation of legal relations. This fact is not a disadvantage, however, only if the principles laid down are effective in directly practice-oriented activities. Therefore, the article sets itself an important task — to find out whether the provisions put forward by I. A. Ilyin in his scientific works are relevant today.

Key words: I. A. Ilyin, Russian philosophy of law, natural law, positive law, relevance of modern law, modern law, legal education.

Иван Александрович Ильин (1883—1954) — русский философ, правовед, государствовед, публицист, социолог, искусствовед, культуролог и политолог, который оставил после себе большое научное наследие, однако важно осознать, способно ли оно на сегодняшний день положительно повлиять на современное естественное право.

Главенствующую роль в теории Ильина занимает учение о естественных правах. Размышления в данном аспекте непосредственно связаны с социальной сущностью человека, поэтому они представляют наибольшую важность. В современном мире естественные права человека укоренились в сознании людей как нечто неотъемлемое, однако они всё равно должны опираться как на теоретические, так и на реальные основы. Несомненен и тот факт, что естественное право является лишь идеалом, к которому общество должно стремиться. Однако этот идеал служит ориентиром, который помогает достичь хотя бы тех небольших высот, на которые способен подняться человеческий разум. Существование — это движение и перемены. Всё в мире меняется, поэтому вполне логично, что должно меняться и развиваться понимание естественного права. Идеи и ценности — вот что определяет развитость общества. Некоторые из них исчезают бесследно, а всё, что они принесли миру, пропадает за мгновение, словно след дыхания на зеркале. И это нормально, это хорошо. Необходимо двигаться вперед, но важно не позволять забываться тем идеям, которые дают свободу, мир и процветание обществу. И естественное право справляется с этой задачей на «отлично». Поэтому важно адаптировать эту концепцию, дополнять и расширять её, чтобы достичь столь желанного идеала. В ином случае естественный подход к пониманию права перестанет иметь вес в общественных отношениях. Поэтому стоит поставить вопрос: «Справляется ли с данной задачей теория И. А. Ильина?».

Естественное право фигурирует в рассуждениях Ильина как право, которое соответствует «естеству» человека. Естественное право есть «единая и объективная правота» во внешнем отношении человека к человеку, которое своим источником имеет совесть и нравственно должное». Сама сущность права заключена в том, что оно творится сознательными существами и для сознательных существ, мыслящими субъектами и для мыслящих субъектов [3, с. 24]. Ценность, лежащая в основании естественного права, есть достойная, внутренне-самостоятельная и внешнесвободная жизнь всего множества индивидуальных духов, составляющих человечество. Такая жизнь возможна только в виде мирного и организованного равновесия субъективных притязаний кругов; равновесия, нарушение которого возможно лишь в сторону справедливости [4, с. 196]. Естественное право рассматривается как содержание закона, как определение его возможного «дурного содержания». По сути, попытки оценить закон на обывательском уровне неминуемо ударяются в представления о справедливом праве. Право, которое на наш взгляд будет наиболее справедливо разрешать или хотя бы сглаживать вечное противоречие естественного неравенства и духовного равенства всех живущих на земле [2, с. 12]. Судьба же естественного права состоит в том, чтобы ждать от людей самостоятельного и добровольного признания и постоянно получать форму положительного права [3, с. 56]. Право должно быть обосновано, признано и духовно принято людьми. Обосновать право, значит показать, что оно всячески необходимо на пути человека к осуществлению верховного блага. То есть напрямую вытекает из биологических и социальных установок [3, с. 46].

У естественного права есть и недостатки. Оно не всегда может регулировать все отношения между людьми. Из этого вытекает важность и необходимость положительного права в регулировании общественных отношений. Подобное основывается «на незрелом состоянии человеческих душ». Основная задача положительного права состоит в том, чтобы принять в себя основу естественного права, развернуть его в виде правил внешнего поведения, приспособленных к условиям данной жизни и к потребностям данного времени, проникнуть в сознание и к воле людей в качестве авторитетно связующего веления [3, с. 58]. Естественное право составляет правосознание любого члена общества. Оно выступает идеалом и ориентиром для права позитивного. Наличие такой категории, как естественное право, позволяет людям принимать и реализовать положения права позитивного: когда человек принимает нормы права не только из-за внешнего давления под угрозой наказания или порицания, но и в силу своей внутренней убежденности, то тогда и возникает законопослушность граждан, и обосновывается в голове человека мысль о практической необходимости права [2, с. 11]. Ильин описывает несколько интересных прикладных мыслей, касаемо моральных аспектов, которые актуальны и по сей день. Он замечает, что нельзя объединять право с моралью, но между ними должна существовать живая связь. Мораль служит праву высшим мерилом и руководителем, придаёт правовым велениям глубокое значение [4, с. 76—77]. Иван Александрович придерживался позиции, что единственный и совершенный путь к идеалу — это свободное внутреннее обновление людей и внутреннее осознание их общей друг за друга ответственности и их всепронизывающей солидарности.

Если речь заходит непосредственно о правовых нормах, то они выступают ориентиром для поведения в обществе, который подчинен таким категориям как нравственность и справедливость. В данном моменте встает резонный вопрос: «Что есть нравственное и справедливое поведение?». Как замечает Ильин, данные категории определяются гласом совести, который может одобрить или наоборот воспрепятствовать определенной модели поведения человека.

Интересными перед читателем предстают и рассуждения Ильина на тему справедливого права. Так, оно должно разрешать противоречия между естественным неравенством и духовным равенством людей. По своим реальным свойствам, по своему индивидуальному бытию люди различны, но они равны как разумные существа, поэтому каждый человек, как бы ни был он ограничен в своих возможностях, имеет безусловное духовное достоинство. Исходя из этого, справедливость опирается именно на духовное равенство людей. Все люди как разумные и живые существа, носящие в себе влечение к счастью и к полноте духовного бытия, скрывающие в себе голос совести и способность к нравственному совершенствованию, — имеют одинаковое, по справедливости равное притязание на жизнь, на удовлетворение, на развитие своих благих способностей [4, с. 79].

В самой же концепции естественного права И. А. Ильина виднеется некоторый индивидуализм, согласно которому цель права, законов — оградить личность от посягательства со стороны других людей. Иначе говоря, его идеал в точности совпадает с западной концепцией «прав человека». Примечательно, что такой подход не согласовался с позицией русской философии на тот момент. Так, Е. Н. Трубецкой придерживался позиции, что естественное

право является синонимом нравственно должного. Другими словами, целью права является ограждение и воспитание нравственности [5, с. 19].

Ильин выработал, как мы уже рассмотрели, множество любопытных идей в области естественного права, однако теперь хотелось бы остановиться и сконцентрироваться на некоторых наиболее интересных и важных. В первую очередь обратиться к тому, что И. А. Ильин предлагает в области обоснования права. Он утверждает, что право должно быть обосновано, признано и духовно принято людьми. Подобное, независимо от эпохи, является необходимым условием эффективного функционирования самого права в целом. Это объясняется банальным нежеланием людей соблюдать закон, который не соответствует их идеалам и ценностям. Следовательно, право должно опираться непосредственно на позицию общества, а значит, оно не может быть сотворено в его обход. Ни один человек, как бы он высоко не стоял, не может сотворить закон, который не понравился бы людям, перед которыми стоит задача ему подчиняться. В осознании и принятии этой, банальной, на первый взгляд, истины и кроется путь к справедливому праву. Во многих государствах были и есть множество законов, которые люди не поддерживают. Подобное ведёт к правовому нигилизму и падению общего уровня правосознания, а также потерей доверия населения к власти. Данных негативных обстоятельств можно было избежать, если бы законодатель обращался к идеям, которые освещались И. А. Ильиным. Однако данный критерий является лишь первым шагом на пути к общественному благу. На этом пути, важно, чтобы люди осознавали их общую друг за друга ответственность и все пронизывающую солидарность. Не менее важно, чтобы правовые нормы не были чрезмерно отвлеченными. Они не должны рассматривать всю жизнь как бы с высоты птичьего полета. Чрезмерная удаленность и общность права неминуемо приведет к его несправедливости. Все мы чувствуем и сознаем, что люди не равны между собою: справедливая норма не может возлагать одинаковые обязанности на ребенка и на взрослого, на бедного и на богатого, на женщину и на мужчину, на больного и на здорового; ее требования должны быть соразмерны личным силам, способностям и имущественному положению людей: кому больше дано, с того больше и взыщется [4, с. 78]. Однако, как не грустно это осознавать, подобного принципа люди стали придерживаться относительно недавно. В своё время И. А. Ильин рассмотрел и иную проблему права, а именно чрезмерную приверженность букве закона. Так, Иван Александрович считал, что мирные отношения между людьми состоят не в том, что каждый непрерывно судился со всеми, жалуясь и отстаивая свою выгоду всеми дозволенными средствами, или даже старается запутать судей и провести свое дело, во что бы то ни стало. Такой человек часто оказывается готовым обойти закон, если ему не удастся отстоять свои интересы по закону. Подобное отношение к праву является использованием его во зло, однако такое совершено недопустимо. Право всегда и при любых условиях должно применяться только во имя добра. Необходимо, чтобы люди придерживались не букве права, а его основной цели и духу [4, с. 82]. Однако современное право в большинстве случаев лишено такого явного недостатка, связанного с чрезмерностью использования буквы права. Законы за это время сделали большой шаг в своей проработанности и потому не допускают возможности обойти заложенную в них цель. Не малую роль в этом играют и судебные органы власти, которые не допускают подобных злоупотреблений. Поэтому идею Ильина можно перефразировать на современный манер и сказать, что нельзя допускать использование буквы закона, чтобы обойти его цель и дух.

Таким образом, можно сделать вывод, что научное наследие И. А. Ильина в области естественного права может позитивно повлиять на саму концепцию. Оно чрезвычайно актуально и в наши дни, когда в Российском государстве процветают правовой нигилизм, а правосознание находится на чрезвычайно низком уровне. Чтобы изменить подобную ситуацию, необходим тяжкий труд, как достойных представителей власти, так и обычных нравственно-ориентированных рядовых граждан. Если правотворец в создании правовых норм будет идти по пути правды и справедливости, то это неминуемо приведёт к стабильности и процветанию всего общества. В этом нелёгком деле важной опорой и основой станет концепция естественного права И. А. Ильина. Иван Александрович дал нам много хороших идей, за нами осталось лишь их применить. Само собой, они порой идеалистичны, что, с некоторыми оговорками, можно приравнять к недостатку, однако стоит задать себе вопрос: «Разве человеку не стоит стремиться к идеалу?»

Библиографический список

1. Антоночева А. А. Естественное право для современного государства: миф или руководство к действию // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2014. № 4. С. 4—10.
2. Глазырин М. А. Естественное право в России в XX веке: взгляды И. А. Ильина и С. С. Алексеева // Вопросы российской юстиции. 2020. № 10. С. 9—15.
3. Ильин И. А. О сущности правосознания / подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
4. Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. Т. 4. М.: Рус. кн., 1994. 624 с., 1 ил. портр.
5. Махмутьянов И. А. Учение И. А. Ильина о праве и государстве через призму здравого правосознания // Юридическая наука. 2012. № 2. С. 15—20.

Информация об авторе / Information about the author

Жуков Семён Михайлович — студент 2 курса юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, thefutureisalreadyclose@mail.ru

Zhukov Semyon Mikhailovich — 2nd year student of the Faculty of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, thefutureisalreadyclose@mail.ru

РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В ИЗГНАНИИ (первая половина XX века)

Государственно-правовая концепция
Н. А. Бердяева

RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW IN EXILE (first half of the 20th century)

Nikolai Berdyaev's concept of state and law

УДК 1:340.12

М. М. Скотникова

ФИЛОСОФИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА Н. А. БЕРДЯЕВА В ЭМИГРАЦИИ

Аннотация. Наиболее известные мировой общественности работы русского религиозного философа Николая Александровича Бердяева были написаны им за границей, в период эмиграции из России, где он прожил с 1922 года до конца своей жизни. Его творчество в это время в значительной степени относится к идеям религиозного идеализма, именно с этих позиций он смотрит на такие институты как государство, право, общество, на мировую историю и современные ему события. Значимость для личной философии Бердяева революции 1917 года и вынужденного разрыва с Родиной невозможно не заметить в его работах, так как раз за разом он возвращается к обсуждению вопросов истоков и целей революций, места русского народа в мире, возможностей развития его пути в будущем. В своих трудах он неоднократно вступает в полемику с мыслителями и теоретиками государства и права, опровергая их теории с позиций своих уникальных философских идей. В настоящей работе мы постараемся рассмотреть, как Николай Александрович Бердяев оценивает государство, государственную власть, право и какое место отводит им в своей философии.

Ключевые слова: Николай Бердяев, государственная власть, эмиграция, революция, права человека, русский народ.

М. М. Skotnikova

PHYLOSOPHY OF STATE AND LAW OF N. A. BERDYAEV IN IMMIGRATION

Abstract. The most famous works of the Russian religious philosopher Nikolai Aleksandrovich Berdyaev were written by him abroad, during the period of emigration from Russia, where he lived from 1922 until the end of his life. His work at that time largely refers to the ideas of religious idealism, from these positions he looks at such institutions as the state, law, society, reflects on world history and con-

© Скотникова М. М., 2023

2023. Вып. 1 •

temporary events. The significance for Berdyaev's personal philosophy of the Russian revolution of 1917 and the forced break with the Motherland cannot be overlooked in his works, time after time he returns to discussing the origins and goals of revolutions, the place of the Russian nation in the world, and the possibilities of developing its path in the future. In his works, he repeatedly enters into controversy with philosophers and theorists of state and law, refuting their theories from the standpoint of his unique philosophical ideas. In this article, we will try to consider and reflect on how Nikolai Alexandrovich Berdyaev evaluates the state, state power, law and what place he assigns to them in his philosophy.

Key words: Nikolai Berdyaev, state power, emigration, revolution, human rights, Russian nation.

Николай Александрович Бердяев (1874—1948) — религиозный и политический философ конца XIX — начала XX века. Несмотря на то, что свой творческий путь мыслитель начал на позициях марксизма, идеи Октябрьской социалистической революции 1917 года расходились с его собственными убеждениями. Вскоре после установления Советской власти, философ попал под пристальное внимание спецслужб и после двух арестов покинул страну 29 сентября 1922 году на так называемом «философском пароходе». В эмиграции Н. А. Бердяев продолжил развивать свои философские мысли, особое внимание уделяя поиску пути России в мировой истории. Современники по праву называли его одним из лидеров «русского религиозного возрождения». Несмотря на то, что учение о государстве и праве не является центральным в философии Бердяева, ведь основное внимание он уделяет всё же размышлениям о природе и значимости духовного начала человека, мыслитель имеет свое собственное мнение относительно этих двух институтов общества. Данную работу мы бы хотели посвятить именно рассмотрению идей философа о государстве и праве, разработанных им в период эмиграции, то есть с октября 1922 года и до конца жизни.

Бердяев о русском народе. Особое место в философии Бердяева занимает русский народ, к исторической судьбе которого он, как нам кажется, во многом проникнут состраданием. В силу положения России как «великого и цельного Востока-Запада» [6, с. 16], её невозможно понять ни с позиций славянофильства, ни с позицией западничества. В целом при анализе русского народа Бердяев часто обращается к его «исключительности», отрицание которой, по его мнению, является ошибкой, из-за которой многие и не могут понять Россию и её противоречивую судьбу. В книге «Истоки и смысл русского коммунизма», написанной философом в 1933 году специально для западного мира, который, как он полагает, неверно воспринял и исказил историю идейной и религиозной борьбы в России, Бердяев пишет: «Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать, как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа...» [2, с. 14].

При рассмотрении взглядов Николая Александровича на русский народ и его место в мире необходимо упомянуть также о его критике позиций евразийства. В значительной степени противоречат этим идеям следующие слова, уже упоминавшиеся нами выше: «Россия есть великий и цельный Восток-Запад по замыслу Божьему, и она есть неудавшийся и смешанный

Востоко-Запад по фактическому своему состоянию, по эмпирическому своему состоянию» [6, с. 16]. Здесь содержится основное мнение относительно положения России в мире: она занимает исключительное положение, непохожее ни на одно иное государство мира. Намного больше углубляется философ в тему критики в статье с соответствующим названием «Утопический этатизм евразийцев», написанной в 1927 году, где он, как бы это ни было парадоксально, обвиняет их в европеизации русского народа через абсолютизацию роли государства и боязнь мистики, что присуще государствам Европы. В этой работе он также отстаивает естественные права человека, ценность его жизни, которая не может быть подавлена государством. По его мнению, невозможно подчинить всех людей одной идее, так как это нарушало бы личные права человека, дарованные ему Богом. «Государство должно быть сильным, но должно знать свои границы» [5, с. 142] — так он говорит о необходимости в любой государственной власти сохранения прав личности.

При рассмотрении идей Николая Александровича Бердяева нельзя не упомянуть о том, что он является одним из главных идеологов «Нового средневековья», ключевые идеи видения будущего автором описаны в одноименной книге, вышедшей в 1924 году. В книге «Новое средневековье: Размышление о судьбе России и Европы» он дает прогноз о приближении конца Новой истории (и ренессансной демократии) и наступления Нового средневековья, характерными чертами которого станут усиление религиозности, универсализма цивилизации (за счет ее механизации) и закрепощение индивида коллективами («феодализация»), причем произойдет распад государств, который станет совершаться параллельно универсализации и объединению [7, с. 196]. По мнению мыслителя, черты будущего нового средневековья можно заметить и в современных ему идеях коммунизма, который требует веры масс в общую единую идею. По этой же причине «русский коммунизм», как говорит сам автор, нельзя оценивать мерками Новой истории, сравнивать с Великой французской революцией, так как он принадлежит уже к новой эпохе [3, с. 13—14]. Средневековая культура, по его мнению, начинается не с практической стороны: духовная жизнь, религия и вера перестают быть личным делом каждого, а становятся всеобщими, едиными, именно исходя из них действует общество и государство. В этой же работе автор вновь возвращается к идеям исключительности исторического пути России, о том, что религия и история России и русского народа требуют особенного подхода и особенной оценки.

Бердяев о государстве и государственной власти. В работе «Философия неравенства», впервые опубликованной в 1923 году, Бердяев наиболее полно раскрывает свои взгляды на истоки государства и государственной власти. Философ имеет весьма четкую позицию относительно происхождения государственной власти и, соответственно, того, как она должна развиваться. В вышеупомянутом труде он говорит об идеях, которые можно отнести как к теологической теории происхождения государства («Онтология власти исходит от Бога» [6, с. 54]), так и к теории насилия, отдельные черты которой мы можем усмотреть («Власть государственная родилась в насилиях, но насилия эти были благодетельны и они поставили цели мирового движения в тьме» [6, с. 57]). «Власть государственная имеет религиозную первооснову и религиозный исток» [6, с. 54] — именно божественное происхождение власти и объясняет, почему люди так покорно подчиняются ей. Государственная

власть — есть гипноз, происходящий от сверхъестественной силы. Благодаря божественной природе такого гипноза, его невозможно разрушить, а любая революция лишь меняет его форму, но не суть.

Письмо «О государстве» книги «Философия неравенства» Бердяев начинает с критики теорий возникновения государства, господствующих среди научной общественности. Среди критикуемых и теория общественного договора Руссо. Его теорию он называет «нелепой», объясняя это тем, что эта теория является «самоистреблением» человека. Идея подчинения людей какому-либо началу высшему, чем человеческое, кажется философу весьма понятной и закономерной в силу его религиозных взглядов. Подчинения человека человеку он, с другой стороны, понять не может и считает это высшей из неволь, в которой может оказаться человек [6, с. 57]. Критике подвергается также и классовая теория Маркса: «Вас пленяло учение о том, что государство есть организация классового господства. В этой поверхностной и жалкой теории вам понравился субъективный человеческий произвол, с которым можно низвергать одно классовое господство и заменять его другим...» [6, с. 58] — так философ объясняет свое неприятие теории происхождения государства Карла Маркса. Истинную природу государственной власти Николай Александрович, как сторонник мистических идей, видит в наличии в ней необъяснимой божественной силы (вновь обратимся к вышеупомянутой цитате: «Онтология власти исходит от Бога»), способной заставить массы подчиняться гипнозу общественной власти. Благодаря божественной природе такого гипноза, его невозможно разрушить или создать лишь усилиями людей.

Власть, по мнению Бердяева, изначально является монархической. Любая власть должна содержать подчинение низших — высшим. В этом и власть Бога над человеком, такова и государственная власть, которая началась, по его мнению, как монархическая. Правитель, в свою очередь, также должен подчиняться воле Божьей, чтобы сохранять иерархизм власти («Государство не должно быть самодержавным, неограниченным, не подчиненным никаким высшим, сверхгосударственным началам» [6, с. 65]), так как в противном случае, при абсолютизации власти наступит хаос. Историческое начало власти философ видит в почитании героя. Сильнейший из людей подчиняет себе других, и поэтому он становится правителем. Значительную мудрость видит Бердяев в том, как в Древнем Египте из всех людей выделялся царь, как ему приписывались качества близкие к божественным. В то время человечество лишь выходило из «стихийно-звериного состояния», поэтому оно, как социальная общность, еще не могло обладать правами наравне с государством. Наличие сильного лидера — то, что позволяло государствам развиваться, когда люди еще не обладали достаточными знаниями для того, чтобы иметь более широкие права и участвовать в управлении государством.

В своих работах Николай Александрович Бердяев размышлял и о политических режимах. Из-за того, что власть, как мы уже упоминали, всегда есть иерархичная система, демократию, целью которой является свержение этого иерархизма, он связывает с анархией, то есть считал, что истинная демократия как равенство всех приведет к возвращению состояния первородного хаоса [6, с. 56]. Бердяев аргументирует такую позицию тем, что все современные ему демократии всегда сохраняют иерархию, подчинение одних другим. Иначе власть не может быть построена, так как люди по своей природе злые существа, каждый из которых заботится лишь о своей выгоде. В случае, если

вся общественность действительно получит равные властные полномочия, наступит хаос.

Особое внимание философ уделяет размышлениям о том, в чем состоят, как он сам выражался, «онтологические корни» тоталитаризма. Бердяев полагал, что тоталитаризм порождает «претензии частичного и раздельного (отдельных групп, наций) на всеобщность». Объективными признаками тоталитаризма являются в этой связи всепоглощающие структуры властвования, которые в то же время могут принимать самые различные очертания и формы — от тирании до «демократического» камуфляжа; другую черту образует массовость системы, которая избегает и принижает межличностные отношения в пользу коллективистских форм — в широком смысле тоталитаризм и есть, прежде всего, власть техники, механизация социальных отношений, «механизация» человека и его мышления [7, с. 175].

Интересную позицию выражает Бердяев относительно империализма, считая его закономерной, высшей ступенью развития сильного государства. Империи, по его мнению, стремятся стать мировыми, а люди, осуждающие такие стремления, просто не понимают сути государства и его развития. В стремлении государств к империализму есть нечто необъяснимое и даже безумное. Говоря об этой теме, мыслитель приводит в пример империю Александра Македонского [6, с. 62], подтверждая идею о том, что любое сильное государство может продолжать развиваться на благо собственного процветания, но оно идет по пути усиления собственного могущества, по пути империализма, в результате которого может пасть.

В работах Бердяева периода эмиграции также неоднократно звучат слова о том, что интересы личности он оценивает выше интересов государства. Такое мнение он озвучивает и в статье «Утопический этатизм евразийцев» 1927 г.: «Государство по природе своей ограничено и относительно, оно ограничено в принципе субъективными правами личности и свободой творящего духа, не поддающегося никакой организации...» [5, с. 143], и в работе «О назначении человека (Опыт парадоксальной этики)» 1931 г.: «Ценность личности иерархически есть более высокая ценность, чем ценность государства, — личность принадлежит вечности, государство же времени, личность несет в себе образ и подобие Божье, государство же этого образа и подобия не имеет...» [4, с. 213].

Бердяев о революции. Особое место в философии Бердяева занимает размышление о революции как явлении в целом и об Октябрьской революции 1917 г. в частности. В первой главе книги «Философия неравенства», вышедшей в свет в 1923 году, он в значительной степени осуждает творцов революции, а особенно тех творцов, людей свободного творческого ума, эту революцию воспевающих. «Все революции кончались реакциями. Это — неотвратимо. Это — закон. И чем неистовее и яростнее бывали революции, тем сильнее бывали реакции» [6, с. 13], об этих строках писатель поясняет, что он говорит о реакции не «негативной», а творческой. По его мнению, революция может родить совершенно неожиданные, невиданные ранее творческие идеи, способные перевернуть мир. Именно поэтому он осуждает людей, изгнавших философов, ученых и людей творчества из страны. В размышлениях о русской революции Бердяев приходит к выводу о том, что причина ее лежит в том, что люди, вставшие на путь революции, оказались духовно слабы и бедны перед историческим испытанием Первой мировой войной:

«...русский народ не выдержал великого испытания войны. Все народы приняли участие в мировой борьбе с тем духовным и материальным багажом, который накопился у них за долгую историю. Русский народ оказался банкротом» [6, с. 15].

Бердяев о праве. Носителем закона Бердяев видит общество как социальную единицу, общественную мысль, а не отдельную личность, так как право — социальное явление, созданное для защиты прав людей, данных Богом, но прав в их общественном значении, а не притязаний отдельной личности [9, с. 121]. Мораль закона всегда социальна, то есть оценивает какое-либо явление с точки зрения общества, а не отдельной личности. Целью права философ видит защиту интересов отдельной личности от посягательства иных лиц, стремящихся к собственному благу [4, с. 100]. Бердяев, по нашему мнению, двойко оценивает роль права, выделяя, хоть и не напрямую, право естественное и право позитивное. С одной стороны, он говорит о том, что право, как и государство, есть сила, сдерживающая человечество от возвращения в догосударственное состояние упадка, поэтому оно необходимо («человечество не может жить вне государства... Оно должно быть подчинено закону... Отмена закона государства для человечества, пораженного грехом, есть возвращение к звериному состоянию» [6, с. 55]). С другой стороны, право имеет своим источником свободу, которая возникла еще до появления Бога. Именно под этим правом Бердяев мыслит естественное право, идеи которого он разделял, но рассматривал это правопонимание с позиций христианской философии. Естественные права укоренены в человеке и посягнуть на них не может ни личность, ни Бог, ни общество и тем более государство. Вместе с тем, естественные права являются определенной гарантией в деле защиты личности от деспотических притязаний и произвола со стороны общества и государства [8, с. 23—24].

В последние годы жизни философ сам характеризовал свои взгляды как своеобразный персоналистический социализм. В работе «О рабстве и свободе человека», опубликованной в 1939 г., он писал следующее: «Круг моей мысли в социальной философии замкнулся. Я вернулся к той правде социализма, которую исповедовал в юности, но на почве идей и верований, выношенных в течение всей моей жизни. Я называю это социализмом персоналистическим, который радикально отличается от преобладающей метафизики социализма, основанного на примате общества над личностью» [1, с. 83]. В работах последних лет много критики социальной и политической программы марксизма и ее выполнения в практике советского государства во главе с Лениным [8, с. 12].

Подводя итог, мы можем сказать, что работы Николая Александровича Бердяева периода эмиграции являются отражением его уникальных идей, по сей день интересующих ученых всего мира. В этих работах нашли отражение мысли философа о том, как произошла государственная власть, право, каковы их цели, каково положение русского народа в современном автору мире и том, как может развиваться мир в будущем согласно идеям религиозного идеализма, которых мыслитель придерживался наибольшую часть своего творческого пути. Основными «точками», которые можно отметить в идеях Бердяева периода эмиграции, мы считаем следующие положения:

— государственная власть исходит от Бога и была рождена в насилии, когда один человек был признан героем и властителем над людьми;

— право — средство, целью которого является защита прав, дарованных Богом. Люди по своей природе злы, а каждая отдельная личность стремится к собственному обогащению, поэтому и нравственность, и право оценивают жизнь с позиций социальной общественности, а не отдельного лица;

— революция как явление неспособно изменить природу власти, которая всегда остается неизменной (она обязательно иерархична: одни подчиняются другим), революция меняет лишь её форму. За любой революцией следует реакция, способная в значительной степени изменить новое общество, именно поэтому свобода творчества необходима в результате революций;

— Россия и русский народ имеют уникальное положение и судьбу, отличную от иных государств мира. Нельзя пытаться оценивать прошлое и будущее страны с точки зрения государств Европы или Азии, так как вся природа русской культуры соткана из противоречий, которые по-особенному откликаются на события мировой истории.

Библиографический список

1. *Артемов В. М., Гунибский М. Ш., Далецкий Ч. Б., Демина Л. А.* Философия и право: монография. М.: Проспект, 2017. 272 с.
2. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-PRESS, 1955. 160 с.
3. *Бердяев Н. А.* Новое средневековье: Размышление о судьбе России и Европы. М.: Директ-Медиа, 2008. 114 с.
4. *Бердяев Н. А.* О назначении человека (Опыт парадоксальной этики). Париж: Современные записки, 1931. 320 с.
5. *Бердяев Н. А.* Утопический этатизм евразийцев // Путь. 1927. № 8. С. 141—144.
6. *Бердяев Н. А.* Философия неравенства. Берлин: Обелиск, 1923. 246 с.
7. *Исаев И. А.* Политико-правовая утопия в России. М.: Наука, 1991. 272 с.
8. *Макарова Е. А.* Политико-правовые взгляды Н. А. Бердяева: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 25 с.
9. *Миргородский А. А.* Философия права Николая Александровича Бердяева // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Б: Гуманитар. науки. 2020. № 1. С. 119—122.

Информация об авторе / Information about the author

Скотникова Марина Михайловна — студентка 2 курса бакалавриата юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, marinaskotnikova2012@gmail.com

Skotnikova Marina Mikhailovna — 2nd year student of Law Faculty, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, marinaskotnikova2012@gmail.com

ЮБИЛЕЙ

JUBILEE

ДОЦЕНТУ Е. Л. ПОЦЕЛУЕВУ — 65 ЛЕТ

7 января 2023 г. исполнилось 65 лет кандидату исторических наук, доценту, заведующему кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ИвГУ, основателю и руководителю НОЦ «Межвузовский научно-исследовательский и образовательный Центр изучения немецкого права», члену ученого совета ИвГУ, члену Всероссийской ассоциации историков права, сотруднику Международного института философско-правовых исследований (Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Республика Беларусь) Евгению Леонидовичу Поцелуеву.

Е. Л. Поцелуев окончил исторический (1980 г.) и юридический (2000 г.) факультеты ИвГУ (оба диплома — с отличием), аспирантуру ИвГУ, в 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную проблемам интеллигенции в годы Великой Отечественной войны.

Евгений Леонидович трудится на кафедре теории и истории государства и права юридического факультета ИвГУ с 1994 г. по настоящее время,

органично сочетая педагогическую и научную деятельность. В 2000 г. ему присвоено ученое звание доцента по данной кафедре [6, с. 3; 5, с. 54].

Он активно участвует в различных научных конференциях, симпозиумах, круглых столах, семинарах и т. п. в Иванове, Воронеже, Кемерово, Костроме, Курске, Москве [3, с. 20—22; 4, с. 98—99], Великом Новгороде, Гатчине, Екатеринбурге, Н. Новгороде, Петрозаводске, Пушкине (Царское Село), С.-Петербурге, Самаре, Саратове, Суздале, Томске, Туле, Уфе, Ярославле.

До недавнего времени он регулярно делал доклады или иногда был слушателем на многих зарубежных научных конференциях. 25—27 сентября 2014 г. в университете г. Пассау (ФРГ) работала немецкая секция Международной ассоциации философии права и социальной философии (Tagung der Deutschen Sektion der IVR — Internationale Vereinigung für Rechts- und Sozialphilosophie). Тема конференции — «Суверенитет, трансгосударственность (трансграничность) и всемирная конституция». Конференция собрала ученых из разных стран мира. Принял участие в этом проекте и доцент Е. Л. Поцелуев. С 18 по 24 сентября 2017 г. он был слушателем (гостем) на Пятом Немецко-чешском правовом фестивале (Университет Пассау и Карлов университет, г. Прага, Чехия). Он также выступал на международных научных конференциях по сравнительному правоведению (организаторы — Украинская ассоциация сравнительного правоведения, Институт государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины, Киевский университет им. Т. Г. Шевченко, и др.) и по теории права в Симферополе (2008), Одессе (2008), Хмельнице (2008), Киеве (2009) и Львове (2012).

Е. Л. Поцелуев — участник (докладчик) Международной научно-практической конференции «Национальная государственность и европейские интеграционные процессы» в Белорусском государственном университете (Минск, октябрь 2008 г.; конференция организована совместно с Университетом Марбурга, ФРГ и при поддержке Фонда доктора Р. Поля), Англо-русского симпозиума «Право и суверенитет» в двух университетах Манчестера (Англия, март 2016 г.); международной научно-практической конференции «Право, религия: 25-летняя ретроспектива» в Свободном университете Тбилиси (Грузия, июнь 2017 г.); Международной научной конференции «Основные тенденции в развитии современной философии права» в Минске (Республика Беларусь, октябрь 2017 г.), ежегодного собрания Немецко-русского юридического института в Университете Киля (ФРГ, октябрь 2017 г.); Международного DAAD-семинара по международному уголовному праву в Университете Пассау (ФРГ, грант DAAD, июнь 2018 г.); IX Международной научной конференции историков права Балтийского региона «Право и экономика в городе и стране» (Таллин-Тарту, Эстония, май 2018 г.); Международной научной конференции «Проблемы юридической аргументации» и международного круглого стола «Свобода и справедливость как основополагающие ценности социально-правового развития: история и современность» в Белорусском государственном экономическом университете и Гродненском государственном университете им. Янки Купалы (Республика Беларусь, июнь 2018 г.); Международной научной конференции «Юридическая иконография», Университете имени Адама Мицкевича (Познань, Польша, июнь 2019 г.); Международной научно-практической конференции «Верховенство права на национальном и международном уровнях как приоритет деятельности ООН и суверенных государств» в Нур-Султане (ныне — Астана) (Республика Казахстан, сентябрь 2019 г.); и др. Е. Л. Поцелуев — автор

и соавтор 16 монографий, опубликованных в Иванове [5; 25], Москве [9, с. 167—189; 10, с. 159—187; 14, с. 253—270; 15, с. 379—409; 18, с. 129—145], Санкт-Петербурге [13, с. 529—540; 16, с. 377—392; 20, с. 161—172] и других городах России в 2004—2022 годах; семи публикаций в изданиях Web of Science в 2005—2020 годах, выделим лишь наиболее значимые из них, — это некоторые публикации в журнале «Государство и право» (Российская академия наук, Москва) [7, с. 125—128; 12, с. 54—63; 24, с. 66—78] и статья в «Вестнике Санкт-Петербургского государственного университета» [22, с. 4—22]; 32 ВАКовских публикации, в том числе в ведущих юридических журналах Российской Федерации — «Известия вузов. Правоведение» (Санкт-Петербург) [8, с. 244—257; 19, с. 154—165; 21, с. 183—193] и др. Неслучайно Е. Л. Поцелуев был приглашен редакцией этого журнала на торжественное заседание 15 декабря 2007 г., посвященное 50-летию журнала «Известия высших учебных заведений. Правоведение». Оно состоялось на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета.

14 статей Е. Л. Поцелуева издано за рубежом: Душанбе [11, с. 122—143], Нур-Султане (ныне — Астана) [23, с. 652—663], Берлине и Бостоне [31, S. 211—236; 32, S. 70—102], Берне, Брюсселе, Варшаве, Вене, Нью-Йорке и Оксфорде [33, S. 261—278], а также Киеве (2009 г.), Одессе (2008 г.), Львове (2012 г.), Хмельницке (2008 и 2012 г.), Кишиневе (2014 г.), Минске (2007 г.) и Бресте (2022 г.).

Монографические и иные работы Е. Л. Поцелуева привлекли внимание научной общественности и получили положительную оценку в ведущих юридических журналах Москвы [29, с. 40—41; 30, с. 124—125] и Санкт-Петербурга [2, с. 206—213]. Чаще всего ученые ссылаются на лекцию Е. Л. Поцелуева «Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: причины принятия и история создания», опубликованную в журнале «Известия высших учебных заведений. Правоведение» в 2003 г. [21, с. 183—193] (33 цитирования в системе <https://www.elibrary.ru/authors.asp> (дата обращения: 28.01.2023)). На втором месте по востребованности (23 цитирования в системе <https://www.elibrary.ru/authors.asp> (дата обращения: 28.01.2023)) совместная статья Е. Л. Поцелуева и лучшей выпускницы года юридического факультета ИвГУ Е. С. Даниловой «Понятие и виды личностных (соматических) прав человека» 2015 г. [26]. На третьем месте по популярности (21 цитирование в системе <https://www.elibrary.ru/authors.asp> (дата обращения: 28.01.2023)) — научная статья Е. Л. Поцелуева «Современное состояние теории государства и права: кризис или поиск собственной идентичности?» 2004 г. [19, с. 154—165]. Замечена была научным сообществом [1, с. 46—48] и опубликованная в издательстве ИвГУ лекция Е. Л. Поцелуева «Ретроспективная юридическая ответственность: понятие, признаки, основания, принципы, цели, функции, виды и стадии» 2004 г. [17] (18 цитирований по вышеуказанной системе на 28.01.2023).

Под редакцией Е. Л. Поцелуева в 1998—2008 годах вышло семь межвузовских сборников научных трудов, по его инициативе ежегодно проходят все-российские, международные конференции и семинары и публикуются их материалы (в 2004—2018 годах опубликовано 11 материалов таких конференций и семинаров), материалы последующих конференций печатаются в виде статей в «Вестнике ИвГУ». Всего по его инициативе в 2007—2022 годах состоялось 16 международных научных, научно-теоретических и научно-практических конференций [28, с. 112—119], в том числе три грантовых (две: в 2012 г. и 2015 г. — при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного

фонда [27, с. 235—247] и одна: в 2017 г. — Российского фонда фундаментальных исследований, на которых он неизменно был их модератором. Неслучайно Евгений Леонидович имеет довольно высокие наукометрические показатели: на 28 января 2023 г. 93 публикации в системе РИНЦ; цитирование в РИНЦ — 589; индекс Хирша — 9 (<https://www.elibrary.ru/authors.asp>; дата обращения: 28.01.2023).

За плечами Е. Л. Поцелуева научные стажировки на юридическом факультете университета г. Пассау (ФРГ): с 21 декабря 2006 г. по 30 января 2007 г., с 20 декабря 2009 г. по 30 января 2010 г., с 11 по 20 сентября 2017 г.

Две заявки, поданные Е. Л. Поцелуевым в Германскую службу академических обменов (DAAD), были поддержаны, и под его руководством студенты юридического факультета ИвГУ, члены Центра по изучению немецкого права, в марте 2009 и апреле 2011 г. посетили университеты Берлина, Ганновера, Гейдельберга, Кельна, Марбурга, Пассау, Потсдама, Полицейскую академию Нинбурга, Министерство внутренних дел и спорта Земли Нижняя Саксония и Федеральный суд ФРГ в Карлсруэ. Во время встреч с деканами факультетов, руководством кафедр и академии, офицерами полиции, студентами и курсантами обсуждались актуальные проблемы преступности несовершеннолетних, морского пиратства и др.

Е. Л. Поцелуев был одним из организаторов и модератором проекта — студенческого научного российско-немецкого семинара «Охрана и защита прав человека нормами уголовного и уголовно-процессуального права» (апрель 2013 г., университет Пассау и сентябрь 2013 г., ИвГУ).

За воспитание и подготовку высококвалифицированных кадров Е. Л. Поцелуев награжден почетными грамотами и благодарственными письмами различных правоохранительных органов Ивановской области, Юридическим бюро «Константа», председателем совета Ивановского регионального отделения Ассоциации юристов России, ректорами и проректорами ИвГУ за успешную работу по руководству научно-исследовательской работой студентов, за большой вклад в развитие научного потенциала студентов, за успешное развитие академического партнерства, за многолетнюю деятельность во благо развития и процветания ИвГУ. В 2006 г. за заслуги в научной и педагогической деятельности, большой вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов Е. Л. Поцелуев был награжден почетной грамотой Министерства образования и науки РФ; в 2007 г. — почетной грамотой Ивановской городской думы и почетной грамотой областной думы за активную общественную работу; в 2013 г. получил благодарность от главы г. Иваново за развитие международных контактов и укрепление научных связей с зарубежными юридическими вузами; в 2014 г. — благодарностью Государственной Думы Федерального собрания РФ [5, с. 59].

Евгений Леонидович полон планов и замыслов: готовит доклады для выступления на научных конференциях в нашей стране и научные статьи для публикации в Российской Федерации и Республике Беларусь, ведет активную работу по подготовке XVII Международной научной конференции «Советская теория права и российское правоведение: преемственность и инновации» в сентябре 2023 года.

Пожелаем Евгению Леонидовичу успехов в осуществлении всего задуманного!

Основные труды и публикации Е. Л. Поцелуева

1. Баранов В. М. [Рецензия] // История государства и права. 2006. № 1. С. 46—48. Рец. на кн.: Поцелуев Е. Л. Ретроспективная юридическая ответственность: понятие, признаки, основания, принципы, цели, функции, виды и стадии: текст лекции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 59 с.
2. Глухарева Л. И. Юридический факультет Ивановского университета за 40 лет // Известия вузов. Правоведение. 2018. № 1. С. 206—213. Рец. на кн.: Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л. Юридический факультет ИвГУ: история и современное состояние. Иваново: Иван. гос. университет, 2016. 240 с.
3. Кроткова Н. В. Государство и революция: к 100-летию Великого Октября: (Все-российская научная конференция) (Продолжение) // Государство и право. 2017. № 11. С. 5—32.
4. Кроткова Н. В. Нравственные основы теории государства и права: (Международная научная конференция) (Окончание) // Государство и право. 2005. № 9. С. 87—103.
5. Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л. Юридический факультет ИвГУ: история и современное состояние: к 40-летию со дня образования: научное издание. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 240 с.
6. Поцелуев Евгений Леонидович. Биобиблиографические материалы: (к 25-летию научно-педагогической деятельности). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. 44 с.
7. Поцелуев Е. Л. [Рецензия] // Государство и право. 2014. № 5. С. 125—128. Рец. на кн.: Туманова А. С., Киселев Р. В. Права человека в правовой мысли и законо-творчестве Российской империи второй половины XIX — начала XX века. М.: Высш. шк. экономики, 2011. 279 с.
8. Поцелуев Е. Л. Виды правонарушений в современной учебной литературе по те-ории государства и права: критический анализ // Известия высших учебных заве-дений. Правоведение. 2004. № 5. С. 244—257.
9. Поцелуев Е. Л. Две теории государственного суверенитета в российской юриди-ческой науке в конце XIX — начале XX в. // Юридическая наука в современном мире: Россия и Болгария: коллективная монография / под общ. ред. Е. А. Фроловой. М.: Проспект, 2020. С. 167—189.
10. Поцелуев Е. Л. Есть ли в мире правовые государства? // Право. Порядок. Ценно-сти: коллективная монография / под общ. ред. Е. А. Фроловой. М.: Проспект, 2022. С. 159—187.
11. Поцелуев Е. Л. Международный терроризм: понятие, признаки, состав, формы сотрудничества государств по его противодействию // Государствоведение и пра-ва человека: научно-практический журнал. 2019. № 3. С. 122—143.
12. Поцелуев Е. Л. Обсуждение (дискурс) суверенитета в российской правовой науке в конце XIX — начале XX вв. // Государство и право. 2016. № 12. С. 54—63.
13. Поцелуев Е. Л. Политика ООН в сфере международного уголовного правосудия: от Международного военного трибунала в Нюрнберге до Международного уго-ловного суда // Судебная правовая политика: коллективная монография / под ред. А. А. Дорской. СПб.: Астерион, 2019. С. 529—540.
14. Поцелуев Е. Л. Понятие и виды правонарушений по законодательству Древней Руси (XI—XIII вв.) // История российского правосудия. Т. 1: Законодательство и правосудие Древней Руси (X—XV вв.) / отв. ред. С. А. Колунтаев, В. М. Сырых. М.: Норма, 2016. С. 253—270.
15. Поцелуев Е. Л. Правопорядок: понятие, признаки, гарантии, подсистема обще-ственного порядка, соотношение с законностью и пути его укрепления и разви-тия // Право. Порядок. Ценности: коллективная монография / под общ. ред. Е. А. Фроловой. М.: Проспект, 2022. С. 379—409.
16. Поцелуев Е. Л. Представления Е. В. Булыгина о нормативности права и совре-менная российская теория права // Как возможна логика в праве?: коллективная

- монография / под ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2021. С. 377—392.
17. *Поцелуев Е. Л.* Ретроспективная юридическая ответственность: понятие, признаки, основания, принципы, цели, функции, виды и стадии: текст лекции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 59 с.
 18. *Поцелуев Е. Л.* Российские дореволюционные юридические позитивисты и их взгляды на понятие, сущность и виды правонарушения // *Общая теория: история и современность: (к 110-летию А. И. Денисова): коллективная монография / отв. ред. М. Н. Марченко.* М.: Проспект, 2018. С. 129—145.
 19. *Поцелуев Е. Л.* Современное состояние теории государства и права: кризис или поиск собственной идентичности? // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2004. № 2. С. 154—165.
 20. *Поцелуев Е. Л.* Сотрудничество государств в борьбе с интернациональной преступностью в рамках международных организаций // *Отраслевое деление международного права: традиционные и новые подходы: коллективная монография / под ред. А. А. Дорской, З. Ш. Матчановой.* СПб.: Астерион, 2018. С. 161—172.
 21. *Поцелуев Е. Л.* Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: причины принятия и история создания // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2003. № 3. С. 183—193.
 22. *Поцелуев Е. Л.* Уголовно-правовая политика Временного правительства России в 1917 году // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* 2018. Т. 9, вып. 1. С. 4—22.
 23. *Поцелуев Е. Л.* Уголовно-правовая политика парламентов Франции, ФРГ и Испании в борьбе с терроризмом // *Верховенство права на национальном и международном уровнях как приоритет деятельности ООН и суверенных государств: материалы Международной научно-практической конференции, 6 сентября 2019 года / под ред. Е. М. Абайдельдинова, А. Х. Абашидзе, Р. К. Сапекова, М. Ж. Куликпаевой.* Нур-Султан, 2019. С. 652—663.
 24. *Поцелуев Е. Л.* Философия права и теория права во второй половине 90-х годов XX в. — начале XXI в.: проблема соотношения // *Государство и право.* 2020. № 6. С. 66—78.
 25. *Поцелуев Е. Л.* Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридической мысли. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 156 с.
 26. *Поцелуев Е. Л., Данилова Е. С.* Понятие и виды личностных (соматических) прав человека // *Наука. Общество. Государство: электрон. науч. журн.* 2015. Т. 3, № 1 (9). URL: <http://esj.pnzgu.ru> (Пензенский государственный университет).
 27. *Поцелуев Е. Л., Исаева Н. В., Карлявин И. Ю., Кузьмина О. В., Соколова О. В.* Традиции и новаторство русской правовой мысли: история и современность: (к 100-летию со дня смерти С. А. Муромцева) // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2011. № 1. С. 235—247.
 28. *Поцелуев Е. Л., Кузьмина О. В., Антонов М. В., Исаева Н. В., Тресцова Е. В.* Юридическая наука и юридическое образование в условиях глобализации и интеграции: состояние, тенденции и перспективы: (обзор VIII Междунар. науч. конф.) // *Государство и право.* 2015. № 9. С. 112—119.
 29. *Толстик В. А., Торопкин А. И.* [Рецензия] // *Юридическое образование и наука.* 2006. № 3. С. 40—41. Рец. на кн.: Поцелуев Е. Л. Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридической мысли. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 156 с.
 30. *Хныкин Г. В.* [Рецензия] // *Государство и право.* 2018. № 6. С. 124—125. Рец. на кн.: Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л. Юридический факультет ИвГУ: история и современное состояние: научное издание. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 242 с.
 31. *Potseuev E.* Das russische Strafgesetzbuch (Ugolovnoje Uloženje) vom 22. März 1903: Ursachen des Verabschiedung und Geschichte der Ausfertigung // *Jahrbuch der Juristischen Zeitgeschichte / Institut für Juristische Zeitgeschichte Hagen; Hrsg. von Th. Vormbaum.* Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2016. Bd. 17. S. 211—236.

32. *Potseluev E.* Strafrechtliche Politik der Provisorischen Regierung Russlands im Jahr 1917 // Jahrbuch der Juristischen Zeitgeschichte / Institut für Juristische Zeitgeschichte Hagen; Hrsg. von Th. Vormbaum. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2018. Bd. 18. S. 70—102.
33. *Potseluev E.* The Penal Legislation Policy of the 1917 Russian Provisional Government // Sammelband des 9. Rechtshistoriker tages im Ostseraum (Tallinn—Sagadi—Tartu Mai 2018). Berlin u. a.: Verlag Peter Lang, 2020. S. 261—278. *Potseluev E. L.* The Penal Legislation Policy of the 1917 Russian Provisional Government // Recht und Wirtschaft in Stadt und Land. Law and Economics in Urban and Rural Enviroment. Neunter Recht und Wirtschaft in Stadt und Land. Law and Economics in Urban and Rural Enviroment. Neunter Rechtshistorikertag im Ostseraum. 9th Conference in Legal History in the Baltic Sea Area 16—20. Mai 2018 in Tallinn, Sagadi und Tartu, Estland. 16—20 May 2018 in Tallinn, Sagadi and Tartu, Estonia. Ser.: Rechthistorische Reihe / ed. by Marju Luts-Sootak and Frank L. Schäfer. Berlin u. a.: Verlag Peter Lang, 2020.

О. В. Кузьмина, О. В. Соколова

Информация об авторах / Information about the authors

Кузьмина Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, первый проректор, зав. кафедрой уголовного права и процесса, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kuzolga03@mail.ru

Kuzmina Olga Vladimirovna — Candidate of Law, Associate Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, kuzolga03@mail.ru

Соколова Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olga.sokolova.067@mail.ru

Sokolova Olga Vladimirovna — Candidate of Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, olga.sokolova.067@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Серия «Естественные, общественные науки»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде в формате RTF по адресу: publisher@ivanovo.ac.ru

2. Требования к оформлению материалов.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами), выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman (основной текст — кегль 11; аннотация, ключевые слова, таблицы, подписи к рисункам, сноски, библиографический список — кегль 10). Формат А4, поля: верхнее — 2,7 см, нижнее — 4,6 см, левое и правое — 4 см.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на *русском и английском языках*: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова**; **текст статьи**.

Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в квадратных скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

Фотографии и рисунки, прилагаемые к статье, должны быть контрастными, четкими.

В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, ученую степень, звание, должность, место работы, электронный адрес.

Материалы, не отвечающие предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются

3. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

4. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

Электронное сетевое издание

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Естественные, общественные науки»
2023. Вып. 1**

Издается в авторской редакции

[12+]

директор издательства *Л. В. Михеева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 27.02.2023 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 7,0.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

